

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ

М.В. ВЕДЕРНИКОВ

**ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ
НА ФОНЕ КРИЗИСОВ XXI в.**

Монография

Москва
2025

УДК 323/327(43)"20"

ББК 66.3(44),1+66.44(44),0

B26

DOI: 10.15211/978-5-98163-229-7

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда, проект № 23-78-01204

Рецензенты:

О.Ю. Михалев, кандидат исторических наук, ВГУ
Ф.А. Басов, кандидат политических наук, ИМЭМО РАН

Ведерников, Михаил Владимирович.

B26 Тенденции политического развития Центральной Европы на
фоне кризисов XXI в. : монография / М. В. Ведерников. - М. : ИЕ
РАН, 2025. - 254 с.: ил. - ISBN 978-5-98163-229-7.

ISBN 978-5-98163-229-7

В монографии комплексно изучены особенности развития центральноевропейского региона за последние десятилетия. В широкой исторической перспективе рассмотрена специфика историко-политической концепции Центральной Европы (ЦЕ) с акцентом на ее трансформации под воздействием событий начала 2020-х гг. Разобраны магистральные региональные тенденции в ЦЕ на примере трех центральноевропейских инициатив: Вишеградской группы, Бухарестской «девятки» и «Инициативы трех морей». Проанализирован внешний – внеконтинентальный фактор – в трансформации ЦЕ. Определена роль Украины в деградации взаимоотношений стран ЦЕ с Россией.

Книга адресуется научным сотрудникам, преподавателям, студентам и всем интересующимся центральноевропейским регионом.

УДК 323/327(43)"20"

ББК 66.3(44),1+66.44(44),0

ISBN 978-5-98163-229-7

DOI: 10.15211/978-5-98163-229-7

© ИЕ РАН, 2025

© Ведерников М.В., текст, 2025

Оглавление

<i>Введение</i>	7
<i>Глава 1. Представления о Центральной Европе: от прошлого к настоящему</i>	16
1.1. Основные вехи развития центральноевропейской концепции	16
1.2. Украина и Центральная Европа	33
<i>Глава 2. Региональные тенденции</i>	41
2.1. Вишеградская группа: центральноевропейский долгожитель на фоне внутренних разногласий	41
2.2. «Инициатива трех морей»: инфраструктурный аспект регионального сотрудничества	62
2.3. Бухарестская «девятка»: формат военно-политического взаимодействия	93
<i>Глава 3. Внешний – внеконтинентальный – фактор в развитии региона</i>	110
3.1. Подходы США к Центральной Европе: от «бархатных революций» до наших дней	110
3.2. Британский фактор: непреходящие ценности Лондона	133
<i>Глава 4. Место Украины в трансформации отношений стран Центральной Европы с Россией</i>	160
4.1. Подходы вишеградских стран к Украине и России до 2004 г.: дистанцирование на фоне «возвращения в Европу»	163

4.2. Отношения с Киевом и Москвой до 2014 г.: поиск собственного места в ЕС	173
4.3. Политика после 2014 г.: между прагматичным сотрудничеством с Кремлем и европейской солидарностью	202
<i>Заключение</i>	236
<i>Список сокращений</i>	240
<i>Список избранной литературы</i>	242
<i>Об авторе</i>	253

Введение

*Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою...*

А. С. Пушкин¹

Начиная со старта пандемии коронавируса в марте 2020 г. и до текущего момента, современный мир переживает тектонические изменения в геополитике, глобальной экономике и во всей системе международных отношений в целом. Специальная военная операция (СВО) на Украине также стала мощным катализатором перемен, обозначив новый этап в мировой истории в связи с запуском открытого конфликта между Россией и странами Запада. Европейские государства, выступившие на стороне Киева, избегая пока прямого участия в вооруженном противостоянии, оказались через поставки вооружения и финансовую помощь Киеву непосредственно вовлечены в разногласие двух восточнославянских народов. Впрочем, участие европейских государств в этом конфликте различается: кто-то ограничивается словами поддержки и минимальной помощью, а кто-то воспринимает его как экзистенциальный бой, в котором решается судьба западной цивилизации.

В прифронтовой зоне происходящего столкновения расположились постсоциалистические страны – Польша, Словакия, Чехия и Венгрия. С первых дней СВО они выступили с безоговорочной поддержкой киевского режима и тотальным осуждением позиции Кремля². Более того, их слова подтверждались действиями, которые выражались в значительных объемах военной, финансовой и гуманитарной помощи для Украины.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 222.

² Несмотря на широко распространяемый в западных СМИ образ Венгрии как пророссийского государства, которое с пониманием отнеслось к действиям Москвы, внимательное обращение к нарративам, исходящим из Будапешта, отчетливо свидетельствовало о поддержке Украины, что проявилось как в финансовой и гуманитарной помощи, так и в заявлениях о безальтернативном будущем страны в ЕС (до марта 2025 г.). Отказ же от военных поставок объяснялся прагматичными соображениями, вытекающими из факта, что к началу военного конфликта в 2022 г. венгерские вооруженные силы уже находились в процессе перехода на натовские образцы военной техники и отказа от советского ВиВТ (список сокращений см. в конце книги. – *Примеч. авт.*).

Ввиду своего стратегически важного географического положения и бескомпромиссной позиции местных элит, значение вышеобозначенных стран в глазах Вашингтона, Лондона и Брюсселя резко возрастало. Этот получавший подтверждение на протяжении всего конфликта факт местные политики стремились активно конвертировать в политические дивиденды с целью усилить положение своих стран в рамках евро-атлантических организаций. За три года российско-украинского конфликта значение данного пограничного региона существенно трансформировалось: выявились старые характерные черты, обозначились его новые свойства, оформились дополнительные региональные связи. Таким образом этот регион, по образному выражению немецкого поэта-романтика Фридриха Геббеля, становился «маленьким мирком, где ставил мир большой свой опыт»³.

Данное пространство между Германией и постсоветскими государствами сегодня принято обозначать Центральной Европой. Несмотря на дискуссионность термина, в современной западной литературе и общественном дискурсе он уже глубоко укоренился. Более того, на фоне событий 2022–2025 гг. данное понятие усиливало свое звучание ввиду активной деятельности самих центральноевропейских государств. Впрочем, конфигурация региона была предметом широкого обсуждения. В этой связи вполне уместны слова британского историка Тимоти Гартона Эша, который перефразировал расхожую фразу: «Расскажи мне о твоей ЦЕ, и я скажу кто ты»⁴ [здесь и далее перевод мой. – *Примеч. авт.*]. Таким образом он указывал на сложность определения точных границ региона и подчеркивал важность личного опыта человека и его знаний при их идентификации. Однако еще в 1999 г. сам исследователь четко обозначил для себя пределы ядра ЦЕ, причисляя к нему страны – участницы Вишеградской группы, а именно Венгрию, Польшу, Чехию и Словакию.

В свою очередь их партнеры по «четверке» (прежде всего, Словакия и Чехия) в ходе первого года СВО только начали и смогли успешно ускорить аналогичный процесс модернизации за счет передачи ВиВТ Украине и получения компенсаций, которые шли на закупку преимущественно продукции американского ВПК.

³ Цит. по: *Шорске К. Э.* Вена на рубеже веков. Политика и культура. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2001. С. 247.

⁴ *Ash T.* The Puzzle of Central Europe. 18.03.1999. URL: <https://www.nybooks.com/articles/1999/03/18/the-puzzle-of-central-europe/> (дата обращения: 06.02.2025).

Выдвижение государств, расположившихся на центральноевропейском пространстве, на передний край истории Европы не стало новым явлением. Трагические события XX в., связанные с Первой и Второй мировыми войнами, подтверждали их вовлеченность в ключевые события, определявшие образ мироустройства. Таким образом, «ЦЕ становилась неким ресурсом геополитики, легко воспроизводимым при необходимости»⁵. Впрочем, если ранее страны региона выступали в роли пассивного объекта, то в 2020-е гг. они предприняли попытку выступить как самодостаточный субъект. На фоне украинского кризиса они стремились заявить о себе как полноправные авторы восточноевропейского дискурса, получая поддержку со стороны ключевых западных игроков. Вопрос в том – насколько попытка оказалась успешной и привела ли она к консолидации пространства? Говоря о произошедших трансформациях, стоит учитывать, что процесс проходил под воздействием «эффекта колеи», подразумевающим неизбежную повторяемость определенных паттернов поведения. Их учет важен при анализе свершившихся перемен. В этой связи вполне уместна фраза американской журналистки Сьюзен Зонтаг, которая метко заметила, что «география – это судьба»⁶.

Очевидно, что громкая позиция центральноевропейских государств в 2020-е гг. была обусловлена переформатированием региона в предшествующие десятилетия, которое базировалось как на внутренних факторах, так и на внешних импульсах. В совокупности это вело, с одной стороны, к усилению внутрирегионального взаимодействия, с другой – к сотрудничеству центральноевропейцев совместно или порознь с иными акторами за пределами ЦЕ. Таким образом развивался формат вишеградского сотрудничества, возникла «Инициатива трех морей», связанная с инфраструктурным развитием региона, оформилась Бухарестская «девятка», нацеленная на военное сотрудничество. Взаимодействие с ключевыми государствами западного мира, которые осознавали геополитическое значение ЦЕ, вело к усилению американского и британского фактора в развитии региона.

⁵ Цит. по: Шишелина Л. Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006. С. 75.

⁶ Зонтаг С. Данило Киш. Предисловие к сборнику эссе и интервью Данило Киша «Homo Poeticus» (New York, 1995) // Text Only. 2006. No. 6 (20). URL: <https://www.textonly.ru/case/?article=14962&issue=20> (дата обращения: 10.02.2025).

Не будет преувеличением отметить, что оформление региона происходило под воздействием российского фактора, который стал формирующим «другим» для местных обществ и элит. Мнимые угрозы со стороны Москвы укрепляли фундамент центральноевропейского сотрудничества и приносили ему «дополнительную стоимость». Образ мыслей центральноевропейцев вышел за пределы этих стран и сыграл немаловажную роль в разрушении прагматичных отношений между Россией и Украиной.

Неочевидное для обывателя значение стран ЦЕ в трансформации европейского и мирового порядков требует комплексного научного осмысления с помощью широкой оптики исторического анализа. Не вызывает сомнения тот факт, что события, старт которым был дан в 2022 г., были запрограммированы сформированными стереотипами и процессами, начавшимися за многие годы до этого. В этой связи убедительны слова французского историка Бернарда Гене о том, что исследование политической истории государств невозможно «без ментального контекста», т.е. «без изучения всей совокупности идей, чувств, мифов, из которых они извлекали силу»⁷. Поэтому важно установить причинно-следственные связи, что привели к запуску процессов, свидетелями которых мы сегодня являемся. Также на фоне запущенного процесса по урегулированию российско-украинского конфликта, безусловно, встает вопрос не только по поводу дальнейшего взаимодействия с киевским режимом, но и с его наиболее преданными союзниками, а именно странами ЦЕ. При условии сохранения напряженности на европейском континенте, очевидно, что к ним будет приковано внимание как со стороны Брюсселя, так и внеевропейских акторов. В этой связи понимание исторически обусловленной специфики региона, его модели поведения предельно важно для реализации российских интересов и стратегического планирования внешней политики РФ.

Впрочем, несмотря на геополитическое значение центральноевропейского региона, сегодня в России ему уделяется предельно мало внимания. Ключевым академическим центром, максимально глубоко погруженным в данную тематику, является Отдел исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН. Небольшой коллектив под руководством профессора, д.и.н. Л. Н. Шишелиной

⁷ Цит. по: *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010. С. 9–10.

занимается широким кругом вопросов от экономики до социологии и истории региона. Под редакцией Л. Н. Шишелиной была опубликована фундаментальная монография «Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии»⁸, которая спустя 15 лет с момента выхода остается предельно актуальной и сверхценной работой. Более того, за 19 лет существования научного центра свет увидели 17 книг, свыше 500 статей, а также 24 номера тематического журнала «Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал»⁹. Большой вклад в изучение центральноевропейской тематики также вносят научные сотрудники Института славяноведения РАН под руководством д.и.н. Э. Г. Задорожнюк. Их труды отличает строгое использование методов исторической науки, детальная проработка фактической стороны изучаемых сюжетов и верность многолетним традициям отечественной славистики¹⁰. За исключением двух обозначенных центров, осуществляющих комплексное изучение региона, в других отечественных институтах исследования ведутся точечно, отдельными учеными-страноведами (МГИМО МИД РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова, РГГУ, СПбГУ, Дипломатическая академия МИД РФ, БФУ имени И. Канта, Воронежский государственный университет, ИМЭМО РАН, ИНИОН РАН) или же ограничиваются одной узкой темой (Центр постсоветских исследований Института экономики РАН). Очевидно, что вызовы, перед которыми оказалась Россия на современном этапе, ставят задачу более массового и углубленного изучения проблематики региона.

Что касается иностранных научных заведений, то, несомненно, в самих странах региона велись концептуальные исследования,

⁸ Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Весь мир, 2011.

⁹ Публикации Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН 2006–2021 / сост. М.В. Ведерников. М.: ИЕ РАН, 2021. URL: http://visegradeuropa.ru/wp-content/uploads/2021/12/Bibliografija_2006-2021.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁰ Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020; Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021; Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022.

глубоко осмысливающие процессы в ЦЕ. Ввиду высокой актуальности тематики данные научные изыскания преимущественно осуществлялись в специализированных «мозговых центрах», курируемыми государственными структурами. В Польше на первом плане находится расположенный в г. Люблин Институт Центральной Европы, который в 2018 г. пришел на смену Институту Центральной и Восточной Европы. Интересно, что в нем используется расширительное понимание ЦЕ, которое включает в нее помимо вишеградских стран также государства Восточной и Юго-Восточной Европы, т.е. все постсоциалистические, постъюгославские и постсоветские (за исключением России) страны¹¹. Показательно, что миссией Института открыто называлось «обеспечение существенной поддержки лиц, принимающих решения во внешней политике Польши». К тому же стоит выделить такие организации, как Институт стратегических исследований¹², Польский институт международных отношений¹³, Центр восточных исследований¹⁴, Институт Костюшко¹⁵ и Варшавский институт¹⁶.

В Чехии существует значительное количество аналитических структур, где ведется пристальное изучение политико-экономических процессов на территории ЦЕ. Коллектив пражского Института международных отношений характеризовал этот регион как «переходную зону между Востоком и Западом Европы, или как край последней, которая не имела фиксированных границ и определений»¹⁷. В то же время страны В4 рассматривались как «ядро ЦЕ», к которому иногда причисляли страны Балтии, Словению и Хорватию. Интересна деятельность Ассоциации по международным вопросам,

¹¹ About the Institute // Institute of Central Europe. URL: <https://ies.lublin.pl/en/institut/about-the-institute/> (дата обращения: 24.03.2025).

¹² Instytut Studiów Strategicznych (ISS). URL: <https://iss.foundation/en/> (дата обращения: 24.03.2025).

¹³ Polski Instytut Spraw Międzynarodowych (PISM). URL: <https://pism.pl/> (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁴ Centre for Eastern Studies (OSW). URL: <https://www.osw.waw.pl/en> (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁵ Instytut Kościuszki (IK). URL: <https://ik.org.pl/en/institute/> (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁶ The Warsaw Institute. URL: <https://warsawinstitute.org/about-us/> (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁷ Central Europe. Ústav mezinárodních vztahů Praha. URL: <https://www.iir.cz/en/central-europe> (дата обращения: 24.03.2025).

активно занимающейся изучением региональных и трансграничных процессов в ЦЕ и воздействием внешних акторов на его трансформацию¹⁸. В фокусе исследовательского центра EUROPEUM находятся процессы политического развития центральноевропейских государств в рамках ЕС. Красной нитью через публикации данного заведения проходила мысль, что, несмотря на проблемы, с которыми сталкивался регион, он имел значительные возможности влиять на политику ЕС через формирование инновационных коалиций и творческого подхода к возникающим вызовам¹⁹.

В Словакии изучение актуальных процессов в ЦЕ ограничивается двумя аналитическими центрами. Наиболее вовлеченной в данную тему является Словацкая ассоциация по внешней политике, которая наблюдает за регионом с двух позиций²⁰. Во-первых, рассматриваются двусторонние отношения Словакии с соседними странами – Чехией, Венгрией и Польшей, а также Австрией. Во-вторых, изучаются существующие формы регионального сотрудничества в ЦЕ, с основным акцентом на В4. Особое место в словацкой иерархии исследовательских организаций занимает GLOBSEC Institute, который в 2015 г. поглотил братиславский Центральноевропейский политический институт²¹. Для данного заведения, в чьих мероприятиях на постоянной основе участвуют представители мировой политической элиты, свойственно продвижение леволиберальной ультраинклюзивной повестки. Еще до 2022 г. в его стенах было сделано многое для формирования негативного имиджа Кремля на центральноевропейском пространстве и подготовки антироссийских нарративов, которые вошли в обиход после начала активной фазы российско-украинского конфликта.

Для венгерского научного пространства свойственна фундированная академическая проработка центральноевропейской тематики.

¹⁸ О АМО. Asociace pro mezinárodní otázky. URL: [https://www.amo.cz/o-amo/](https://www.amo.cz/o-am/) (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁹ Report | A Wind of Change? Role of Central Europe and the Next EU Political Cycle // EUROPEUM. 12.11.2024. URL: <https://www.europeum.org/en/articles-and-publications/report-a-wind-of-change-role-of-central-europe-and-the-next-eu-political-cycle/> (дата обращения: 24.03.2025).

²⁰ Slovenská spoločnosť pre zahraničnú politiku. URL: <https://www.sfpa.sk/sk/> (дата обращения: 24.03.2025).

²¹ About Us // GLOBSEC. URL: <https://www.globsec.org/who-we-are/about-us> (дата обращения: 24.03.2025).

На сегодняшний день лидирующим центром по изучению этого вопроса является Институт перспективных исследований в г. Кёсег²². Авторству его сотрудников принадлежат десятки монографий и сотни статей, на страницах которых они стремятся проанализировать меняющуюся роль региона, его значение для ЕС. Примечательна работа Эмиля Брикса и Эрхарда Бузека «Возвращение в Центральную Европу. Почему будущее Европы будет решаться в регионе?»²³. Исследователи однозначно полагали, что евроинтеграция могла бы быть успешной только тогда, когда Брюссель начнет рассматривать страны ЦЕ, как находящиеся в самом «сердце Европы». По их мнению, ЕС необходимо было выстроить более справедливую основу между «старыми» и «новыми» странами-участницами, поскольку любое движение к «двухскоростной Европе» вело бы к распаду Союза. Также примечательна работа расположенного в Будапеште Института «Китай – Центральная и Восточная Европа», который несмотря на свою прямую связь с Пекином, делает регулярную и непредвзятую аналитику по вопросам внешней и внутренней политики стран региона²⁴.

* * *

Таким образом, в рамках представленной работы ставится задача, во-первых, проанализировать в широкой исторической ретроспективе историко-политическую концепцию Центральной Европы с акцентом на ее трансформацию под воздействием событий начала 2020-х гг. Во-вторых, предпринята попытка изучить ключевые региональные тенденции в ЦЕ на примере трех центральноевропейских инициатив, а именно В4, Б9 и ИТМ для демонстрации главных сдвигов в инструментальном (само)восприятии региона местными обществами и представителями истеблишмента. В-третьих, поднят вопрос о внешнем, внеконтинентальном факторе в развитии и трансформации ЦЕ, который традиционно усиливался в перелом-

²² About iASK // Institute of Advanced Studies Kőszeg (iASK). URL: <https://iask.hu/en/> (дата обращения: 24.03.2025).

²³ *Brix E., Busek E.* Central Europe Revisited. Why Europe's Future Will Be Decided in the Region. London: Routledge, 2021.

²⁴ 2024 Annual Report // The China–CEE Institute. URL: https://china-cee.eu/wp-content/uploads/2025/03/Annual-Report-2024-English_compressed.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

ные этапы европейской истории. В-четвертых, проанализирована роль Украины в деградации взаимоотношений стран – участниц В4 с Россией. В этой связи поднимается вопрос о возможности нормализации российско-центральноевропейских контактов после завершения российско-украинского конфликта.

Глава 1

Представления о Центральной Европе: от прошлого к настоящему

1.1. Основные вехи развития центральноевропейской концепции

Для определения географической принадлежности страны к тому или иному мезорегиону специалисты сегодня традиционно прибегают к базовой сетке Статистического отдела ООН. Согласно ей, макрорегион Европа делится на четыре части: Северную, Западную, Южную и Восточную Европу. Если отнесение современных государств к первым трем мезорегионам не вызывает сложностей и получает одобрение со стороны большинства включенных стран, то причастность некоторых государств к Восточной Европе наталкивается на открытое несогласие и протест со стороны их представителей. Прежде всего это вызвано тем, что они «стремятся отойти от отождествления с этим названием, ассоциирующимся с отставанием в развитии»²⁵ и нахождением в социалистическом блоке, в зоне влияния Советского союза, (а ныне России). Неоднородность включенных в этот конгломерат субъектов: Румыния, Болгария, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Россия, Беларусь, Украина и Молдавия, имеющих разный исторический опыт, развивавшихся в различной культурной атмосфере и демонстрирующих склонность к противоположным политическим моделям, ведет к тому, что они начали использовать альтернативное региональное деление Старого Света. Наиболее успешные из этого списка страны – Польша, Чехия, Словакия и Венгрия, – начиная с «бархатных революций» 1989 г., продвигают идею о принадлежности к Центральной Европе (ЦЕ) и наличии у своих жителей особого центральноевропейского менталитета и идентичности.

²⁵ Окунев И.Ю. Политическая география: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 57.

Между тем определение географических и ментальных границ ЦЕ, как отмечает российский политгеограф И. Ю. Окунев, является «сложной проблемой»²⁶ и доходит до того, что ее начинают рассматривать в широком смысле, а именно как пространство от Швейцарии до Украины. Регион Центральной (Средней/Срединной) Европы не имеет четко закрепленных границ в международных документах²⁷, его расположение на карте континента вызывает споры, а восприятие этого пространства зависит от культурно-исторических взглядов исследователей, которые занимаются данной проблематикой²⁸. В этой связи можно согласиться с отечественным исследователем Т. М. Исламовым, что ЦЕ всегда выделяла «необычайная гибкость границ... изменчивость очертания контуров региона» и «чрезвычайная геополитическая динамичность». Он отмечал, что «...с течением времени, с изменением доминант исторических эпох, менялись не только представления о регионе, изменялось само его положение в системе координат континента» («кидало от берега к берегу»)²⁹. На фоне всей неоднозначности понятия в научном обществе часто поднималась дискуссия о целесообразности пристального изучения данного феномена, который для каждого отдельно взятого специалиста выглядит по-разному и не имеет законченной формы. В этой связи историк А. И. Миллер категорически заявлял, что «регион обладает определенной исторически обусловленной спецификой... которая типологически отличает общества, принадлежащие региону, от соседей... С этой точки зрения вторично, насколько эта общность осознается жителями региона... т.е. важен регион “в себе”, как объективное явление...»³⁰.

²⁶ Там же.

²⁷ В геосхеме ООН отсутствует субрегион Центральная Европа.

²⁸ Как отмечает исследователь Центральной Европы Д. К. Поляков: «Дискуссия о Центральной Европе – это нередко абстрактный и почти всегда политизированный обмен аргументами “за” и “против” существования особой зоны в Европе...». См.: Поляков Д. К. «Вариации на центральноевропейские темы» Данило Киша как опыт конструирования пространства // На перекрестках Востока и Запада: проблемы пограничья в Русской и Центральноевропейских культурах / отв. ред Н. В. Злыднева. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 391. DOI: 10.31168/4465-3095-3.18

²⁹ Исламов Т. М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А. И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 52.

³⁰ Миллер А. И. Об истории концепции «Центральная Европа» // Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А. И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 5.

Несомненно, обзор исторического восприятия ЦЕ как географического понятия, а также и политической концепции в широкой временной перспективе от зарождения до наших дней важен для понимания наполнения этой идеи, ее потенциала и обоснованности использования современными элитами Венгрии, Польши, Словакии и Чехии.

Выделение ЦЕ (*Mitteleuropa*) в качестве отдельного субрегиона в работах ученых можно отнести к началу XIX в. Так, в 1808 г. немецкий географ-энциклопедист Иоганн Август Цойне в книге «Попытка научного описания Земли» под ЦЕ подразумевал пространство, которое состояло из трех частей: 1) Карпатланда (Венгрия с другими славянскими землями); 2) Херциниаланд (Германия, Дания, Голландия и часть Швейцарии); 3) Гевенланд (Франция с частью Швейцарии). Отметим, что для автора было свойственно расширительное представление об этом регионе (вся Европа за исключением Пиренейского, Апеннинского, Балканского полуостровов и России), которое в последующих работах других специалистов не встречается³¹. Впрочем, учитывая контекст эпохи (господство наполеоновской Франции в Европе), немецкий ученый обозначает под этим регионом пространство, которое играло центральную, ведущую роль по отношению к другим частям континента, подстраивая под него парадигму «центр – периферия». Однако за сменой политических порядков в Старом Свете последовало изменение и представления о ЦЕ³². Примечательно, что дальнейшие исследователи (в т.ч. и географы) зафиксировали исключение Франции и французских регионов из центральноевропейского пространства, что также можно воспринять как подтверждение потери Парижем политических позиций в Европе по итогам Венского конгресса в 1815 г. и, что более важно, как восходящую роль немецких земель во главе с Пруссией. Чешский историк Карел Гвиждяла полагал, что именно в 1814 г. на фоне дискуссий о будущем Европы, австрийский министр иностранных дел Клеменс фон Меттерних впервые использовал термин

³¹ *Zeune J.A.* Versuch einer wissenschaftlichen Erdbeschreibung. Berlin: Maurer, 1808.

³² *Ведерников М.В.* Центральная Европа как политический проект: территориальное измерение концепции // Феномен границ в истории и исторической памяти / под ред. Л. Н. Величко. Ставрополь: СКФУ, 2021. С. 119–127.

«Центральная Европа» как политическое понятие³³.

В 1819 г. немецкий географ и статистик Георг Гассель прибегнул к использованию термина ЦЕ, включив в регион земли, проходящие полосой с севера на юг Европы, т.е. немецкие государства, Австрию, Швейцарию и Италию³⁴. Французский автор Максим Огюст Дено в 1833 г. обозначил ЦЕ (*l'Europe centrale*) от Пиренейских гор до рек Висла и Тиса³⁵. На картах XIX в. не было единства, хотя географы озвучили формулу, продержавшуюся до 1870-х гг. и находившую значительную поддержку, что ЦЕ – это регион, образованный Альпами, вместе с прилегающими к ним горными системами и низменностями. После создания в 1871 г. Германской империи, как отмечает английский исследователь Карл Шинхубер, понятие ЦЕ стало применяться в узком смысле, ограничившись только Германией и прилегающими к ней территориями, без Франции³⁶.

Предтечей наделения германских земель особым значением для ЦЕ еще в 1840-е гг. стал экономист Фридрих Лист, который в работе «Национальная система политической экономии» предложил организовать «среднеевропейскую экономическую общность». Он постулировал необходимость немецкой экономической экспансии, а монархию Габсбургов рассматривал как аграрный придаток индустриальной Германии³⁷. Лист считал, что любое экономическое

³³ Меттерних использовал термин «Центральная Европа» для обозначения политического пространства, которое должно было поддерживать баланс сил между европейским «Западом» (Великобритания, Франция) и «Востоком» (Россия). Он не считал нужным точно определять это пространство, но очевидно, что имел в виду, во-первых, созданную в 1804 г. Австрийскую империю, а во-вторых, Пруссию. Не стоит забывать, что в это время большая часть восточной части ЦЕ – Царство Польское – оказалась в составе России и, следовательно, политически было втянута в восточноевропейскую сферу влияния. См.: *Hvížďala K. Východní střední Evropa jako fenomén // Střední Evropa na cestě od minulosti k budoucnosti*. Ed. by A. Doležalová. Prague: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2014. P. 9–16.

³⁴ *Hassel G. Vollständiges Handbuch der neuesten Erdbeschreibung*. Weimar, 1819.

³⁵ *Denaix M.A. Etude de geographie naturelle sur l'Europe centrale*. Paris: Imprimerie de Didot le Jeune, 1833.

³⁶ *Sinnhuber K.A. Central Europe: Mitteleuropa: Europe Centrale: An Analysis of a Geographical Term // Transactions and Papers (Institute of British Geographers)*. 1954. No. 20. P. 19–20.

³⁷ *Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // НЛО. 2001. № 1. С. 75–96.

сближение (прежде всего раздробленных немецких земель) ведет к более тесному политическому сотрудничеству, и поэтому ратовал за его форсирование³⁸. Территориально он определял ЦЕ от Балтийского и Северного морей на севере до Средиземного и Черного морей на юге³⁹.

Смещение пространственного восприятия ЦЕ на восток и юго-восток происходит под воздействием одноименной работы немецкого ученого Йозефа Парча, опубликованной в 1903 г. Согласно его представлению, ЦЕ вбирала в себя следующие страны: Бельгию, Нидерланды, Швейцарию, Германскую и Австро-Венгерскую империи, Черногорию, Сербию, Румынию и Болгарию. Важно отметить, что в отличие от всех предшествующих исследований, в которых изучалось географическое и социально-экономическое положение региона, Парч впервые придает ему явное политическое звучание и наделяет его концептуальным содержанием. Так, помимо указания на возможность улучшения благополучия этих государств за счет сближения с Германией – центром притяжения остальных – он делает акцент на важности их политического союза. Ученый пишет: «Мировая история предупреждает государства Центральной Европы о необходимости... подчинения не столь важных политических интересов более великим целям для сохранения их независимости, а также богатства общественной и интеллектуальной культуры»⁴⁰. «Объединение», согласно Парчу, должно было сберечь мир на континенте и дать возможность его поступательного развития. Трансформация мысли в подобном революционном ключе во многом стала возможна под влиянием появившейся незадолго до этого работы немецкого географа Фридриха Ратцеля «Политическая география», давшей толчок популярности новой для того времени области гуманитарного знания – геополитики. В первую очередь, он ввел в оборот понятие «политическое пространство», которое подразумевало существование прямой взаимосвязи между странами и занимаемым ими пространством и зависимость государств друг от друга – «ни одно из них не могло рассматриваться

³⁸ *Шушелина Л.Н.* Расширение Европейского союза на Восток... С. 9.

³⁹ *List F.* The National System of Political Economy. London; New York; Bombay; Calcutta: Longmans, 1909.

⁴⁰ *Partsch J.* Central Europe. London: William Heinemann, 1903. P. 326.

как отдельный независимый субъект»⁴¹. Также Ратцель полагал, исходя из центральноевропейского положения Германии, что она должна была сформировать экономический союз всех государств западнее Вислы⁴².

Политическая концепция ЦЕ, или как она именовалась в России, – Срединной – получила сильное звучание и вышла на новый уровень в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) после выхода в свет труда немецкого ученого Фридриха Науманна «Срединная Европа». Не являясь продуктом немецкой официальной пропаганды, личное мнение автора стало рассматриваться как позиция Берлина и символ его экспансионистской политики. Взгляды Науманна сводились к необходимости углубления союзнических отношений между Германской и Австро-Венгерской империями через «смычку обоих государств» для «провозглашения немецкой мысли». Полагая, что дунайская монархия не сможет остаться монолитной после войны и под воздействием внутренних и внешних факторов распадется на множество мелких государств, он считал важным «спасть Австрию и Пруссию». По мнению ученого, малые страны в будущем не смогли бы стать «вершителями мировой политики». Срединноевропейский союз предполагал глубокую интеграцию и заключался «в многосторонности государственного экономического и личного сожития и добровольном и организованном слиянии одного организма с другим, в общности идей, истории, культуры, работы, правовых понятий и тысячи других великих и малых вопросов»⁴³. Немецкий ученый Эгберт Ян полагал, что ЦЕ, являлась «гениальным выходом из нерешенного конфликта XIX в. между великогерманским национальным государством и сохранением обеих империй – Гогенцоллернов и Габсбургов <...> между возрождением старой наднациональной имперской идеи и современными индустриальными и колониальными устремлениями буржуазии <...> в результате чего венгры, западные и восточные славяне должны были принять участие в строительстве третьей – европейской – мировой державы,

⁴¹ *Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. München; Berlin, 1906. S. 354.*

⁴² *Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учеб. к для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 47.*

⁴³ *Науманн Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa). Петроград: К-во «Огни», 1918. С. 85.*

расположенной между Россией и Британией»⁴⁴. Стоит отметить, что концепция не ограничивалась пространством двух государств и указывала на возможность расширения списка участников и вовлечения в этот проект других участников, например, Италии, Голландии, Швейцарии, Румынии, Болгарии, Сербии и Греции. Таким образом, можно также говорить о расширительном понимании пространства ЦЕ, однако с четким закреплением ее политического ядра.

После завершения Первой мировой войны и поражения Германской империи идея Центральной (Срединной) Европы, хотя и была на время стигматизирована и стала ассоциироваться с немецкими экспансионистскими планами, впрочем, оказалась в центре внимания ученых на международных конгрессах историков (Брюссель, 1923; Осло, 1928). Особое место Центральной Европе (как составной части Восточной Европы) отводит английский политгеограф Хэлфорд Маккиндер в работе «Демократические идеалы и реальность» (1919 г.). Он выводит формулу, суть которой заключается в том, что «кто правит Восточной Европой [а значит и ЦЕ. – *Примеч. авт.*], тот владеет миром»⁴⁵. Маккиндер предупреждает о глубинном конфликте немцев и славян в Восточной Европе, который чреват столкновением амбиций в будущем, и призывает к его предотвращению⁴⁶.

Между тем преимущественно географы, оставляя за скобками политическое содержание концепции, не прекращали определять границы ЦЕ. Впрочем, единства взглядов в этом вопросе не наблюдалось. Так, английский географ Карл Шинхубер, сопоставив 16 карт Центральной Европы, составленных западными учеными с 1914 до 1950-х гг., пришел к выводу, что ее пространство значительно менялось и не имело четких рубежей. Единственной частью континента, которая ни разу не была включена в ЦЕ, был Пиренейский полуостров, а в свою очередь Австрия и Чехия постоянно входили в пространство ЦЕ, что дало возможность ученому говорить об этих территориях как о ее стержне⁴⁷. Автор констатирует: «ЦЕ,

⁴⁴ Ян Э. Где находится Восточная Европа? // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 12. С. 67–78.

⁴⁵ Маккиндер Х. Демократические идеалы и реальность // Географическая ось истории. М.: АСТ, 2021. С. 211.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Sinnhuber K.A.* Op. cit. P. 19–20.

исторически и географически являющаяся территорией с определенными культурными качествами, не закреплена в пространстве. После возникновения она имела тенденцию расширяться и двигаться на восток параллельно с постепенным расширением Европы в данном направлении»⁴⁸.

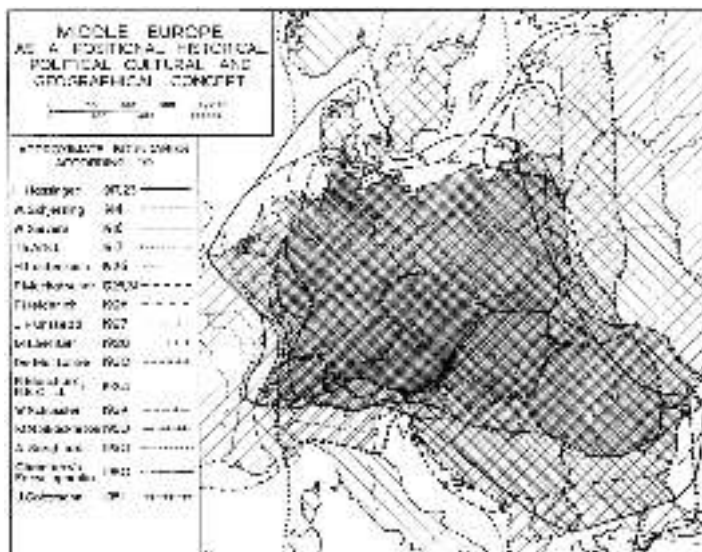

Рис. 1. Представление ученых о границах ЦЕ в первой половине XX в.
Источник: Sinnhuber K.A. Op. cit. P. 19.

В этой связи неудивительно, что некоторые исследователи стали включать в ЦЕ территорию Восточной Польши, Западной Белоруссии и Украины. Отчасти это было вызвано активно демонстрируемыми политическими амбициями польских властей, возглавивших государство после восстановления независимости Польши в 1918 г. Наиболее отчетливо их идеи выразились в проекте обустройства восточной части Европы «Междуморье» и политике «прометеизма», главным идеологом которых выступил руководитель государства Юзеф Пилсудский. Он продвигал идею создания центральноевропейской федерации во главе

⁴⁸ Ibid. P. 25.

с Польшей, простирающейся от Балтики до Балкан, которая должна была служить преградой на пути немецкого *Drang nach Osten* и советских намерений распространить коммунизм на Запад⁴⁹. Под «прометеизмом» понимался курс по поддержке националистических движений за независимость среди иных (не русских) народов (прежде всего на Украине и в Белоруссии), проживавших как внутри СССР, так и за его пределами. Однако проект Пилсудского по переформатированию ЦЕ не получил на тот момент широкой поддержки и растворился впоследствии на фоне нарастания напряженности в Европе в 1930-е гг.

В нацистской Германии идея ЦЕ была реанимирована и, что примечательно, объединена с военно-политической и расистской доктринами. Авторы комментариев к советскому изданию книги французского географа Эммануэля де Мартонна «Центральная Европа» под воздействием атмосферы 1930-х гг. следующим образом определяли ЦЕ: «Фашистская трактовка этой темы несложна: “центральноевропейское пространство” – это фашистская Германия в окружении ряда малых стран, на которые направлены ее захватнические притязания. Искусственно выделяя это “центральноевропейское пространство” как особую политическую область мира, фашистские империалисты стремятся подчеркнуть силу Германии по отношению к малым странам, пытаются обосновать ее претензию на гегемонию в этой части Европы. Аргументация этого “обоснования” складывается из аляповатых фальсификаций, подлогов и всяческих извращений истории и географии...»⁵⁰. Сам же Мартонн отмечал, что географические границы ЦЕ не могут быть начертаны с полной точностью. Он включал в нее целиком те государства, подавляющая часть территории которых входила в ЦЕ, а именно Германию, Польшу, Швейцарию, Австрию, Венгрию, Чехословакию и Румынию, оставляя в стороне те государства, главная часть территории которых находилась вне данной области, как, например, Югославия и Италия. Выделяя особенности ЦЕ, Мартонн указывал, что она становится «частью нашего континента, менее массивной, чем Европа Восточная, менее расчлененной, чем Европа полуостровная и периферическая; это область резких

⁴⁹ *Bekić J., Funduk M.* The Adriatic-Baltic-Black Sea Initiative as the Revival of “Intermarium”. URL: <https://irmo.hr/wp-content/uploads/2019/12/IRMO-Brief-2-2016.pdf> (дата обращения: 06.02.2025).

⁵⁰ *Мартонн Э.* Центральная Европа. М.: Учпедгиз, 1938. С. 5.

контрастов рельефа и климата»⁵¹.

Соглашаясь с неопределенными границами региона, редактор немецкого журнала «Геополитика» Карл Хаусхоффер писал следующее: «ЦЕ является концепцией политической воли, открытой для всех разновидностей политических интерпретаций, переопределений и искажений»⁵². Многозначительность термина позволила использовать его в ходе агрессивных действий Третьего рейха в 1938–1945 гг. Его представители объясняли шаги Берлина особыми жизненными интересами немецкого народа на указанном пространстве. В этой связи также примечательно расширительное понимание данного концепта, без четкой увязки к его границам. В то же время отметим, что представители малых народов, на которых были направлены захватнические устремления Германии, воспринимали ЦЕ иначе. Редакция русскоязычной газеты «Центральная Европа», которая начала издаваться в Праге в 1928 г., включала в ЦЕ Чехословакию, Австрию, Венгрию, Югославию, Болгарию и Румынию⁵³. В работе бывшего премьер-министра Чехословакии Милана Годжи «Федерация в Центральной Европе» (1942 г.) к центральноевропейским государствам уже относились Австрия, Болгария, Чехословакия, Греция, Венгрия, Польша, Румыния, Югославия. Заметно, что политические обстоятельства диктовали необходимость говорить о ЦЕ как более протяженном пространстве, но за рамки которого выводилась Германия. Отмечая необходимость в будущем политического и экономического объединения названных государств, которые в то время были оккупированы вермахтом, политик в первую очередь обращал внимание, что межгосударственное сотрудничество могло укрепить не только их безопасность, но и стабилизировать ситуацию на континенте. Годжи считал, что «объединенный потенциал всех центральноевропейских государств должен стать незаменимой опорой будущего мира»⁵⁴. Возникновение центральноевропейской

⁵¹ Там же. С. 8

⁵² Цит. по: *Okey R.* Central Europe / Eastern Europe: Behind the Definitions // Past & Present. The Cultural and Political Construction of Europe. 1992. No. 137. P. 103. URL: https://www.gla.ac.uk/0t4/crcees/files/summerschool/readings/school10/reading_list/okey.pdf (дата обращения: 19.01.2025).

⁵³ После войны лик Центральной Европы... // Центральная Европа. 1927. 26 мая. С. 1.

⁵⁴ *Hodža M.* Federation in Central Europe. Reflections and Reminiscences. London: Jarrolds limited, 1942. P. 3.

проблемы, по его мнению, было связано с победой Наполеона в битве при Аустерлице (1805 г.), вынудившей Австрийскую империю сосредоточить свое внимание на австрийских и венгерских проблемах.

После окончания Второй мировой войны в 1945 г. и включения всех стран, за исключением Австрии, в зону советского влияния концепция ЦЕ, подразумевающая наличие определенной культурно-исторической общности населяющих ее народов, вышла из обихода. В условиях установления государственной коммунистической идеологии, предполагающей строительство нового социалистического общества, базирующегося на принципе интернационализма и политической ориентации на Советский Союз, обращение к подобной идее в дискурсе стран, вошедших в зону советского влияния, было невозможно. Также немаловажно отметить – центральноевропейский дискурс был дискредитирован тем, что в межвоенное время местные правительства выбрали авторитарно-диктаторский путь общественно-политического развития. В итоге он привел к тесному сотрудничеству с национал-социалистической Германией и подтвердил существование в этих обществах заметных противоречий, прежде всего из-за не изжившего себя идеологического национализма. Говоря о скорости идеологических процессов в официальном дискурсе, отметим, что уже в 1946 г. венгерский историк Иштван Бибо в работе, посвященной процессу образования наций у поляков, венгров и чехословаков, называет их государства «восточноевропейскими», а регион, в котором они проживают, – Центральная и Восточная Европа⁵⁵. Таким образом центральноевропейская концепция стала восприниматься как идея, с самого начала противостоящая коммунизму Восточной Европы.

Центральноевропейские дискуссии переместились на Запад, куда эмигрировали авторы, не согласные с политическими изменениями конца 1940-х гг., и выехавшие после 1956 и 1968 гг. Вдобавок пережитый опыт стран восточнее Германии, которая в 1930–1940-е гг. хищнически расправилась с их государственностью и населением, заставило переосмыслить собственное место в Европе. Так, польский историк Оскар Халецки разделил ЦЕ на западную и восточную части, поместив в последнюю – Восточно-Центральную Европу – государства, размещенные между германским

⁵⁵ Бибо И. Нищета духа малых восточноевропейских народов // Экономика и организация промышленного производства. 1992. № 4. С. 39–82.

миром и Россией⁵⁶. В то же время стоит отметить, что он прибегал к расширительному пониманию региона и включал в него «страны от Финляндии на севере, до Греции на юге»⁵⁷. Несмотря на культурно-историческое разнообразие стран, Халецки, руководствуясь ценностным принципом, впервые объединяет их ввиду «безграничной преданности идеалам свободы, стремления к проживанию в независимых демократических государствах и нежелания зависеть от ближайших соседей и контролироваться ими»⁵⁸.

Впрочем, за более чем 40 лет нахождения этих стран в социалистическом блоке в восприятии западных европейцев данные народы стали полноценными представителями Восточной Европы. Этому способствовала трансформация европейского пространства после 1945 г., когда центральноевропейские государства были полностью вовлечены в разразившийся конфликт Восток – Запад в четырех измерениях: гегемониальном (США – СССР), блоковом (НАТО – ОВД), системно-политическом (капитализм – социализм) и общественно-политическом (либерализм – коммунизм)⁵⁹. В такой ситуации развитие центральноевропейской проблематики могло осуществляться только иностранцами, представителями эмигрантских кругов за пределами соцблока или диссидентами. Как бы то ни было, в обстановке убежденности в незыблемости советского строя, которая подтверждалась событиями 1956, 1968 гг., в основном исследования касались вопросов истории, культуры и не были направлены на придание региону политической субъектности.

Однако начало 1980-х гг. ознаменовалось бумом центральноевропейской идеи, выразившейся в появлении серии публикаций авторитетных авторов. Работы были посвящены ЦЕ как «модели пространства». Для произведений поляка Чеслава Милоша, чеха Милана Кундеры, серба Данило Киша была свойственна идея существования на просторах ЦЕ альтернативной межнациональной общности, которая базируется на близости исторических и культурных

⁵⁶ *Halecki O.* The Limits and Divisions of European History. London, 1952.

⁵⁷ *Halecki O.* East Central Europe in Postwar Organization // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. The United Nations and the Future. 1943. Vol. 228. P. 57.

⁵⁸ *Halecki O.* The Historical Role of Central-Eastern Europe // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. A Challenge to Peacemakers. 1944. Vol. 232. P. 18.

⁵⁹ Ян Э. Указ. соч. С. 67–78.

судеб малых народов «между Россией и Германией». В попытке переиначить старые идеи, выдвинутые Йозефом Парчем и Фридрихом Науманном, писатели стремились противопоставить ЦЕ движениям по национальному признаку (например, панславизм) и бинарному делению европейского пространства на «Восток – Запад». В обстановке, когда государства в центре Европы воспринимались как часть восточного блока, авторы данных публицистических трудов желали обозначить генетическую связь ЦЕ с Западной Европой и получить от нее признание в родстве. Опираясь этими постулатами, они ориентировались на читателя за пределами ЦЕ и хотели избавиться от самоощущения центральноевропейцев как «других» по отношению к Западу.

Резкую активизацию дискуссий на Западе о Центральной Европе в 1980-х гг. отечественный историк А. И. Миллер связывает с «упадком западных коммунистических партий и вообще марксистски ориентированных левых, вводом советских войск в Афганистан, польской “Солидарностью”»⁶⁰. Наибольшую популярность получило произведение М. Кундеры «Трагедия Центральной Европы», которое было впервые опубликовано во французском журнале *Le Débat* в ноябре 1983. Текст чешского автора сразу же привлек внимание европейских интеллектуалов не в последнюю очередь из-за содержащихся резких формулировок, которые А. И. Миллер сравнил с «пропагандистскими высказываниями»⁶¹. Между тем обозначенные Кундерой постулаты в отношении ЦЕ сформировали присущее для сегодняшнего дня классическое восприятие региона. Прежде всего, он заявляет о ЦЕ как неразрывной части европейского континента, культурно принадлежащей Западу, а политически – Востоку – «неясно ограниченная зона между Россией и Германией, заселенная малыми народами». Он отмечал, что события второй половины XX в. привели к утрате центральноевропейцами принадлежности к западноевропейской цивилизации. Далее, он указывал на культурно-историческое противопоставление ЦЕ и России/СССР, видя в нем антагонизм пространства разнообразия против пространства унификации. Важно подчеркнуть, что Кундера предельно четко локализует ЦЕ как место проживания «венгров, чехов, поляков», которые не раз выступали против диктата СССР (а значит, по его

⁶⁰ Миллер А.И. Тема Центральной Европы... С. 22.

⁶¹ Там же. С. 23.

мнению, и России)⁶². Отталкиваясь от всего российского / советского, Кундера стремится обосновать необходимость «возвращения» этих народов «назад в Европу», доказавших свою европейскость. В его произведении громко звучит призыв к европейской аудитории перестать видеть в Центральной Европе только Восточную Европу и заметить пропажу важной культурной составляющей общей европейской цивилизации⁶³.

Однако наравне с идеалистическими представлениями о регионе и его истории среди исследователей встречалось вполне критическое восприятие ЦЕ, демонстрирующее глубинные проблемы региона. В первую очередь, историки указывали на исторически обусловленную отсталость пространства между Рейном и Вислой, которая формировала особый центральноевропейский синдром неудовлетворенности. Итальянский профессор Раймондо Страссольдо, наблюдающий за регионом с юга, видел его так: «ЦЕ – это пограничная полоса между латинской, христианской европейской культурой и разнообразной восточной культурой, это пояс раздробленности, место контактов и раздоров, место, вечно разделенное, где на протяжении веков происходили постоянные, часто трагические, национальные и культурные потрясения и политические изменения»⁶⁴. Предельно критически отзывался о ЦЕ выдающийся чешский историк Мирослав Грох, который считал, что она перестала быть регионом с определенной общей судьбой после поражения Германии в Первой мировой войне и распада Австро-Венгрии, т.е. после того, как в нем исчез немецкий объединяющий компонент. Все остальные попытки придать этому пространству особое звучание базировались исключительно на ностальгии, подпитываемой представлением о благородстве того, что было «в центре». Известное эссе Кундеры он предлагал рассматривать не как «изобретение» ЦЕ, а как выражение настроений и идей того времени не только в эмиграции, но и на родине. Также Грох критиковал своего именитого соотечественника в том, что тот предельно произвольно

⁶² Поляков Д.К. Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша // Славяноведение. 2023. № 4. С. 91–108.

⁶³ Кундера М. Трагедия Центральной Европы // Проблемы Восточной Европы. 1994. № 41–42. С. 66–87.

⁶⁴ Strassoldo R. Introduzione da inserire nel volume di R. Strassoldo Euroregioni, Alpe Adria, Mitteleuropa. URL: [https://www.raimondostrassoldo.it/libri/2005\(1\).pdf](https://www.raimondostrassoldo.it/libri/2005(1).pdf) (дата обращения: 06.02.2025).

ограничил пространство ЦЕ территорией исчезнувшей монархии Габсбургов, которая была лишь небольшой частью бывшего центральноевропейского пространства. Чешский историк констатирует: «ЦЕ сохранилась как географическое разграничение и, прежде всего, как место памяти, благодаря чему миф о ЦЕ смог родиться и в специфических политических условиях заключительного этапа советского периода»⁶⁵. Также он говорит о сформировавшихся вокруг ЦЕ стереотипах: 1) идеалистический образ региона, который находится «в сердце Европы», и поэтому априори должен считаться чрезвычайно самобытным; 2) слабое неевропейское, «глобальное» мировоззрение жителей ЦЕ; 3) конфессиональный плюрализм, который повлиял на религиозную терпимость в той же степени, что и на безразличие к религиозным вопросам, 4) недемократические подходы к государственности, особенно в историческом сознании, а также связанное с этим недоверие к государству и его институтам, 5) стереотипный образ восточного врага, в котором сохраняется страх перед «турком», обычно трансформирующийся в неприязнь к «Востоку» в целом и к России в частности, 6) повышенная чувствительность к этническому разнообразию, будь то в масштабах региона или собственной страны, которая может нести в себе культурный полицентризм, а также пережитки ксенофобии, выражающиеся в недоверии к иностранцам, 7) стереотип о ЦЕ как переходном регионе, выступающем в качестве посредника между Западом и Востоком⁶⁶.

Между тем к концу 1980-х – началу 1990-х гг. в центральноевропейском дискурсе сформировалось несколько ключевых подходов к определению ЦЕ, которые продолжают параллельно существовать вплоть до сегодняшнего дня. Во-первых, ЦЕ воспринимается как географический регион, границы которого, однако, до сих пор определяются в зависимости от традиций национальных научных школ. Так, западноевропейские ученые продолжают включать в ЦЕ такие государства, как Швейцария, ФРГ, в то время как сами центральноевропейцы стремятся сузить пространство своего региона. Во-вторых, ЦЕ можно рассматривать как историко-культурную общность

⁶⁵ Hroch M. Střední Evropa: od reality k mýtu a zpět // Střední Evropa na cestě od minulosti k budoucnosti. Ed. by A. Doležalová. Prague: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2014. P. 100.

⁶⁶ Ibid.

народов бывшей Австро-Венгерской империи, где за годы совместного сосуществования сложились общие языковые и культурные особенности. Т. М. Исламов отмечал, что династия Габсбургов выступала в качестве «регионообразующего» фактора⁶⁷. Из этого факта вытекает то обстоятельство, что сегодня границы ЦЕ могут проходить «внутри территорий современных государств – Украины, Румынии, Польши, бывшей Югославии»⁶⁸. В-третьих, ЦЕ – это мыслительный продукт, возникший в научной и публицистической литературе, под которым в зависимости от исторических обстоятельств понимали разное: 1) «плод ментального картографирования и стереотипизации» как Восток, Запад, Европа, Балканы⁶⁹; 2) некий «миф, образ, стереотип», принципиально неопиcуемый конструкт, используемый для обоснования некой самобытности пространства; 3) особым предметом изучения стала сама дискуссия о ЦЕ, превратившаяся в отдельный вид исследований.

Говоря об историческом развитии концепции, то с начала XIX в. и до 1990-х гг. можно зафиксировать сужение территориальных границ ЦЕ и смещение этого региона в восточном направлении. Так, Франция, Швейцария, Германия и Австрия, которые когда-то были элементами этого пространства, покинули его, став частью Западной Европы. Поэтому показательно, что словацкий историк Даниел Шмигула определил место ЦЕ как своего рода «зал ожидания» перед вступлением в Западную Европу, а не как вариант альтернативного цивилизационного развития⁷⁰. Примечательно, что «синдром сдавленности»⁷¹ (сначала между Британией и Россией, затем Германией и Россией)⁷², который долгое время являлся концептуальным для ЦЕ, к концу XX в. потерял свою актуальность в прежнем виде. По мере того, как Британия и Германия перешли

⁶⁷ Исламов Т.М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации...

⁶⁸ Миллер А.И. Об истории концепции «Центральная Европа»... С. 19.

⁶⁹ Поляков Д.К. «Трагедия Центральной Европы» Милана Кундеры. Институт славяноведения. 01.12.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=julrahnKmZk&t=1300s> (дата обращения: 21.12.2023).

⁷⁰ Šmihula D. Stredná Európa a spoločne zaujmy jej národov // *Mezinárodní vztahy*. № 4. Р. 62–77.

⁷¹ Миллер А.И. Авторитарный и тоталитарный опыт Центральной Европы // *Центральная Европа как исторический регион* / отв. ред. А. И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 73–90.

⁷² Миллер А.И. Об истории концепции «Центральная Европа»... С. 20.

в стан союзников, константой центральноевропейского дискурса стало восприятие России как конструирующего «другого», экзистенциальной угрозы для малых европейских народов. С одной стороны, такой подход способствовал консолидации государств на пути к достижению озвученных целей, с другой – подобная «ориентация превращала регион в заложника отношений между Западом и Россией». Прежде всего из-за того, что сторонники центральноевропейского дискурса, видя широкий отклик на эту идею, активно эксплуатировали мотивы ЦЕ как «бастиона европейской цивилизации», «санитарного кордона» и др.

События «бархатных революций» 1989 г. подтвердили общность центральноевропейских народов в их желании избавиться от социализма и начать движение «обратно в Европу». В этой связи создание в 1991 г. Вишеградской группы (объединения сначала трех, а после разделения Чехословакии – четырех народов: венгров, поляков, словаков и чехов) стало логичным продолжением взятого на вооружение культурно-ценностного вектора развития стран, о котором говорили Милан Кундера и ранее Оскар Халецкий. Обоснование формирования этого объединения, взятое из средневековой истории, о встрече трех королей в венгерской крепости Вишеград в 1338 г. стало его фундаментом, на который надстраивались остальные элементы сотрудничества. По мере того, как страны добивались поставленных целей, а именно вступления в евро-атлантические структуры, их элиты всё активнее указывали на их центральноевропейскую сущность. Наиболее четко это проявилось в ходе обсуждения проекта будущей конституции ЕС в середине 2000-х гг., подразумевавшей создание некоего супергосударства и якобы ставившего под сомнение сохранение национальной идентичности ЦЕ. Тогда «четверка» выступила против, отказавшись от возможной унификации и стандартизации. Более сильная реакция имела место в 2015 г. во время миграционного кризиса, когда страны заявили о нежелании принимать на своей земле беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, т.е. инородный элемент, который мог принести другую культуру.

Став действенным орудием в руках прагматичных политиков, центральноевропейская идентичность и, наверное, сама ЦЕ впервые в истории на официальном уровне обрела четкие географические границы, а именно в пределах четырех государств: Венгрии, Польши, Словакии и Чехии. Примечательно, что и в научном сообществе

также возник негласный консенсус относительно стран, принадлежащих Центральной Европе. Так, если Ян Кржен, ведущий чешский исследователь ЦЕ, в своем тысячестраничном исследовании «Два века Центральной Европы»⁷³ в начале 2000-х гг. обращается к анализу истории Австрии, Германии и проживавших на их территории евреев⁷⁴, то уже в работе, завершенной в 2017 г., «Четверть столетия ЦЕ (1992–2017)» он конкретно изучает страны – участницы Вишеградской группы. Кржен пишет: «Для современника вполне очевидно, что Вишеград стал европейской константой как положительной, так и отрицательной... вишеградские страны – ядро ЦЕ»⁷⁵. Дальше продвинулись российские ученые под руководством заведующей Отделом исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН Л. Н. Шишелиной, которые стремясь найти альтернативу достаточно спорному термину ЦЕ, ввели в оборот понятие «Вишеградская Европа»⁷⁶. Данное понятие относительно легко идентифицирует входящие в него страны при сохранении за ними центральноевропейской идентичности и региональных культурно-исторических особенностей.

1.2. Украина и Центральная Европа

Хотя вопрос принадлежности Украины к Центральной Европе кажется на первый взгляд парадоксальным, однако на фоне событий, последовавших за началом СВО в 2022 г., многие политики и политологи начали громко говорить о переходе страны из лагеря восточноевропейских государств в когорту стран ЦЕ. Научный сотрудник словацкого «мозгового центра» GLOBSEC Дмитрий Тужанский отмечал, что российско-украинский конфликт привел к созданию новой геополитической реальности в ЦЕ и конфигурации

⁷³ Křen J. Dvě století střední Evropy. Praha: Argo, 2005.

⁷⁴ Еврейская диаспора была общеевропейским явлением, но она нигде не участвовала так сильно в экономической жизни, а затем и в формировании национальных культур различных народов, как в Центральной Европе. Причиной стало ослабление еврейской мобильности в результате реформ Просвещения в конце XVIII в. и мощная миграция с восточных рубежей ЦУ. Обратной стороной исключительно сильного участия евреев в интеллектуальной и экономической жизни явилось усиление антисемитизма.

⁷⁵ Křen J. Čtvrté století střední Evropy. Višegrádské země v globálním příběhu let 1992–2017. Praha: Karolinum, 2019. S. 10.

⁷⁶ Вишеградская Европа: откуда и куда?..

нового региона («новой Центральной Европы»). Возникшая расстановка сил, по мнению автора, стала возможна ввиду отчетливого разрыва Киева с Москвой и Минском и усиления связей с западными партнерами⁷⁷. Свою позицию Тужанский подкрепляет мнением маститого американского геополитика Збигнева Бжезинского, который считал: «Если Украина хочет сохранить свою независимость, ей придется стать частью Центральной Европы, а не Евразии, и если она желает стать частью ЦЕ, ей придется сполна участвовать в связях ЦЕ с НАТО и Европейским Союзом»⁷⁸. Сложившийся после 2022 г. расклад зафиксировал именитый американский дипломат Генри Киссинджер: «Впервые в новейшей истории Украина стала важным государством Центральной Европы. Получая помощь от союзников и черпая силы в речах президента В. А. Зеленского, Украина смогла остановить продвижение российских неядерных сил, со стороны которых угроза нависала над Европой с момента окончания Второй мировой войны»⁷⁹.

Впрочем, если политики были резки и провокативны в своих заявлениях, отражая, скорее всего, «дух времени», и не несли долгосрочную ответственность за сказанные слова, то следует более конкретно обратиться к украинскому и центральноевропейскому дискурсу до 2022 г. Представители последнего вместе с коллегами из западноевропейских институтов (ФРГ, Австрия) вполне отчетливо стремились провести черту между ЦЕ и украинскими землями, осознавая заметную историко-культурную пропасть между двумя регионами. Несомненно, специалисты отмечали исторические корни сопряженности западноукраинских территорий с монархией Габсбургов, переплетение судеб их жителей с поляками, венграми, румынами, словаками, однако серьезные исследователи не могли перенести эту связь на современное украинское

⁷⁷ *Tuzhanskyi D.* Rethinking the Concept of Central Europe with Ukraine as Its Member: What Kind of “Soft” Connectivity is Needed in a New Geopolitical Reality? // GLOBSEC. URL: <https://www.globsec.org/sites/default/files/2023-02/Policy%20Brief%20-%20Rethinking%20the%20concept%20of%20Central%20Europe.pdf> (дата обращения: 06.02.2025).

⁷⁸ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. С. 250.

⁷⁹ *Kissinger H.* How to Avoid Another World War // The Spectator. 17.12.2022. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/the-push-for-peace/> (дата обращения: 06.04.2025).

государство, возникшее в 1991 г., большая часть территории которого не имела ничего общего прошлого с ЦЕ и была вне орбиты австрийской/австро-венгерской государственности. Более того, для подавляющего большинства жителей Украины объективно была чужда центральноевропейская идентичность. Попыткой сгладить существовавшую категоричность стало введение с подачи польских ученых, находившихся под влиянием идей Оскара Халецкого, в оборот на постсоциалистическом этапе развития политически мотивированного термина «Восточно-Центральная Европа» (ВЦЕ), который вбирал в себя помимо стран ЦЕ также Украину, Белоруссию и страны Балтии. Однако консенсус отсутствовал в отношении и этой дефиниции. Отечественный полонист Л. Е. Горизонтов вполне обоснованно отмечал, что «при ближайшем рассмотрении именно Украина – главный камень преткновения для архитекторов ВЦЕ, причем не только из числа ученых»⁸⁰. Немецкий историк Рудольф Яворский вторил: «Регион не имеет четких географических или этнических контуров, в экономическом и социально-историческом плане образует комплексную переходную зону пересекающихся западных и восточных моделей, политическая история региона не выглядит единой, а в культурно-морфологическом плане она отмечена различного рода внешними влияниями и субрегиональными особыми формами»⁸¹.

Надо признать, что среди центральноевропейцев существовали взаимоисключающие подходы, когда, например, поляки были более склонны воспринимать Украину (от Харькова до Ужгорода) как часть ЦЕ, а чехи, наоборот, стремились не отодвигать ее границы на восток или же прочерчивали ее в соответствии с рубежами бывшей «двуединой монархии». Примечательно, что венгры вообще не ставили вопрос о принадлежности современной Украины к ЦЕ, оценивая ее как источник нестабильности и стремясь отдалиться от нее в вопросах, не касающихся поддержки соотечественников в Закарпатье⁸².

⁸⁰ Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / отв. ред. Л. Е. Горизонтов. М.: Ин-т славяноведения, 2005. С. 7.

⁸¹ *Jaworski R.* Ostmitteleuropa. Zur Tauglichkeit und Akzeptanz – eines historischen Hilfsbegriffs // *Ostmitteleuropa/Westmitteleuropa*. München, 1992. S. 38.

⁸² *Bába I.* Central Europe Within the European Union // *Central European Papers*. 2021. No. 1. P. 35–53; *Schmidt A.* The Uncertain Revival of Central Europe – Central European Thought from a Hungarian Perspective // *Politics in Central Europe*. 2020. Vol. 16. No. 1. P. 1–22. DOI: 10.2478/pce-2020-0001

Таким образом поляки, истинные «адвокаты Украины», вкладывали в понятие политическое звучание⁸³, стремясь вовлечь Киев в орбиту своего идейно-ценностного влияния, а чехи базировали свои взгляды на платформе исторического дискурса.

Что касается украинцев, то до 2022 г. в научной среде велась активная дискуссия о месте Украины в Европе, озвучивались «за» и «против» ее включения в ЦЕ. Исследователи из Львовского университета А. Романюк и В. Литвин продвигали тезис о фрагментарной принадлежности Украины к ЦЕ, прежде всего ее правобережной части, которая исторически, ментально и политически была связана с ЦЕ⁸⁴. Они делали подобный вывод на основе вхождения украинских территорий на разных этапах их развития в Великое княжество Литовское, Речь Посполитую и Австро-Венгрию. В то же время исследователи справедливо замечали, что другая половина страны была больше связана с русским государством и Советским Союзом. В этом контексте они выделяли «исторические» (Западная и Центральная Украина) и «новые» (Восточная Украина) регионы. Говоря, как их центральноевропейские коллеги, о прямой смычке между принадлежностью к Восточной Европе и нахождением в зоне влияния Кремля, ученые называли Украину центрально-восточноевропейским государством, которое находится в процессе разрушения связей с Россией. Впрочем, Романюк и Литвин признавались: «В то же время в контексте изменчивости исторического и геополитического выбора Украины, ее нынешнее включение в субрегион Центральной/Центрально-Восточной Европы является во многом фрагментарным, искусственным и представляет собой интеллектуальный конструкт, используемый в основном учеными, политологами и идеологами»⁸⁵. Стоит отметить, что такой взгляд на центральноевропейское про-

⁸³ *Nowak L.* Eastern Europe, Central Europe, or East Central Europe? Imagined Geography of the Region // *Eastern Journal of European Studies*. 2022. Vol. 13, Special Issue. DOI: 10.47743/ejes-2022-SI03

⁸⁴ *Romaniuk A., Lytvyn V.* Historical and Current Geopolitical Positioning of Ukraine: Is It Central or Eastern Europe? // *Politeja – Pismo Wydziału Studiów Międzynarodowych i Politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego*. № 57. P. 149–167; *Каганов Ю. О.* Центрально-Східна Європа як історичний регіон: зміст та еволюція концепції // *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету*. 2005. № XIX. С. 333–341.

⁸⁵ *Romaniuk A., Lytvyn V.* Historical and Current Geopolitical Positioning of Ukraine: Is It Central or Eastern Europe?.. P. 164.

странство через призму российского влияния не был вызван обстоятельствами российско-украинского конфликта, а вероятнее всего был изначально присущ украинской интеллигенции. Львовский писатель Юрий Андрухович еще в 2006 г. полагал, что «ЦВЕ сдвинулась с места и дрейфует в восточном направлении через территорию Украины. В то же время она не может не встречать сопротивления с Востока, и если назвать это войной будет несколько громко, то жестким противостоянием вполне уместно»⁸⁶.

Однако, если ученые были предельно осторожны в обозначении Украины центральноевропейской страной, то политики были более решительны и не смущались давать ей такие определения, прежде всего для реализации своих политических амбиций. Учитывая успехи Польши, Чехии, Венгрии на пути вступления в евро-атлантические структуры в середине 1990-х гг., официальный Киев не стеснялся заявлять о своей принадлежности к центральноевропейскому региону. Приобщение к успешным соседям могло, по мнению экспертов, сформировать более респектабельный имидж страны в глазах ключевых игроков в ЕС и НАТО. Политолог А. Павлюк полагал, что в это время страна активно искала новую центральноевропейскую идентичность, через которую могла приобщиться к европейскому обществу и дистанцироваться от России и ее политических структур (СНГ)⁸⁷.

Например, в марте 1997 г. президент Л. Д. Кучма, выступая с ежегодным посланием перед Верховной Радой, заявил, что «окончательное закрепление статуса Украины как неотъемлемой части центральноевропейского региона является одним из приоритетов внешней политики страны»⁸⁸. В том же году в мае в ходе заседаний т.н. комиссии Кучма–Гор в Соединенных Штатах глава украинского

⁸⁶ Kalishchuk O. Концепт Центральної Європи: історична ретроспектива та політична перспектива // Історичні і політологічні дослідження. 2019. № 1 (64). С. 73–74. DOI: 10.31558/2079-1828.2019.1.9

⁸⁷ Pavliuk O. Enlargement and Ukraine's Relations with Other Central and Eastern European Countries 1998–2000 // NATO–EAPC Fellowship Final Report. 2000. EastWest Institute, Kyiv Centre.

⁸⁸ Kuchma blasts prime minister, Verkhovna Rada // The Ukrainian Weekly. 30.03.1997. P. 1. URL: https://archive.ukrweekly.com/wp-content/uploads/The_Ukrainian_Weekly_1997-13.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

государства повторил о принадлежности к ЦЕ⁸⁹. В июле в Мадриде на саммите НАТО, в ходе которого состоялось подписание Хартии об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной, он также говорил: «Такая большая по европейским меркам страна, как Украина, ощущает себя неотъемлемой частью Центральной, Восточной и Южной Европы и готова принять участие в обеспечении мира и стабильности в этих регионах и на континенте в целом»⁹⁰. Таким образом можно зафиксировать последовательную линию президента Кучмы.

Помимо заявлений украинские власти предпринимали практические шаги, чтобы добиться признания себя в качестве важного игрока в ЦЕ. Самостоятельной инициативой стало предложение Л. М. Кравчука в феврале 1993 г. о создании Центрально-Восточноевропейского пространства стабильности и безопасности, в которое должны были войти страны Балтии, Украина, Беларусь, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Австрия, а также Болгария и Румыния⁹¹. Хотя тогда этот проект не получил внешней поддержки, украинская сторона стремилась вдохнуть в него жизнь до декабря 1997 г., когда стало очевидно, что ключевые страны ЦЕ войдут в НАТО. В 1996 г. Украина с подачи Польши стала полноправным членом Центральноевропейской инициативы – объединения, нацеленного на продвижение регионального сотрудничества с целью интеграции в ЕС и устойчивое развитие⁹². Выгоды от участия в этом формате для Киева, как показало время, были сомнительны.

В дальнейшем по мере того, как страны ЦЕ становились ближе к евро-атлантическим структурам риторика украинского руководства о «центральноевропейскости» страны стала ослабляться. Более

⁸⁹ Kuchma, Gore convene // The Ukrainian Weekly. 25.05.1997. P. 12. URL: https://archive.ukrweekly.com/wp-content/uploads/The_Ukrainian_Weekly_1997-21.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

⁹⁰ Opening Statement by the President of Ukraine, H. E. Kuchma. Madrid. 09.07.1997. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/1997/s970709i.htm> (дата обращения: 06.02.2025).

⁹¹ Левченко А. С. Концепция Балто-Черноморской дуги и украинская внешняя политика (1990-е – начало 2000-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2020. № 4. С. 89–108. DOI: 10.28995/26867648-2020-4-89-108

⁹² History Highlights // Central European Initiative. URL: <https://www.cei.int/history> (дата обращения: 06.02.2025).

того, на фоне исчезновения надежд на потенциальный прием в ЕС и НАТО в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Киев сделал акцент на развитие тесных отношений со странами постсоветского пространства. В 1997 г. он стал инициатором регионального объединения – Организация за демократию и экономическое развитие (ГУУАМ/ГУАМ), в которое вошли Грузия, Украина, Узбекистан (до 2005 г.), Азербайджан и Молдавия. Примечательно, что данная структура, по мнению отечественного политолога А. С. Левченко, «претендовала как минимум на соперничество с СНГ и другими россиецентричными интеграционными проектами... и демонстрировала намерение в дальнейшем активизировать сотрудничество с партнерами в ЕС и Северной Америке»⁹³. Таким образом украинские власти, испытывая неудачи на Западе, решили стать во главе альтернативного России проекта, который объединял восточноевропейские государства, что избавляло Киев от необходимости цепляться за центральноевропейскую идентичность.

Впрочем, события, случившиеся на Майдане в 2004 г. и последовавшая реанимация идей о неизбежном будущем Украины в ЕС, вновь возродили мысли об общей судьбе украинцев с центральноевропейцами, которые в 1989 г. вернулись в Европу на волне «бархатных революций». Вдобавок политики из постсоциалистического лагеря активно эксплуатировали эти образы, предоставляя надежду на скорую реализацию планов по украинской евроинтеграции. Между тем страны – участницы ЕС продолжали считать Украину восточноевропейским государством, что фактурно проявилось в создании в 2009 г. инициативы «Восточное партнерство» (с говорящим названием), в рамках которой Киев еще с пятью постсоветскими столицами должен был приближаться к стандартам ЕС без конкретной временной перспективы по вопросу вступления в него. Примечательно, что в дальнейшем украинские политики в официальных речах стали обозначать свою страну как «европейское» государство, исключая какую-либо региональную привязку.

Качественный сдвиг произошел уже с начала правления президента В. А. Зеленского в 2019 г., который вернул в оборот обозначение страны как «центральноевропейской». Например, на мероприятиях по случаю 30-летия независимости в 2021 г. Украины он сказал, что страна на протяжении всей истории «была центром

⁹³ Левченко А. С. Указ. соч. С. 105.

Европы»⁹⁴. Более содержательно по этому вопросу в том же году выступил министр иностранных дел Д. И. Кулеба: «Невозможно стать частью великой объединенной Европы, не став частью единой Центральной Европы. Именно поэтому мы придаем этому региону такое большое значение в нашей внешнеполитической стратегии... О принадлежности Украины к ЦЕ красноречиво свидетельствует ряд исторических событий: Люблинская уния, битва под Оршей или фигура Константина Острожского⁹⁵... Я глубоко убежден, что Украина есть и всегда была центральноевропейским государством – и в историческом, и в политическом, и в культурном плане. Самое главное, что украинская идентичность – центральноевропейская»⁹⁶.

За десятилетия независимого существования Украина не смогла приобрести собственную идентичность, колеблясь между ее восточноевропейским, центральноевропейским и европейским вариантами. Очевидным является то, что соседи Украины до 2022 г. не видели в ней по-настоящему государство ЦЕ из-за сопутствующих проблем внутривосточного развития (коррупция, нарушение прав человека и т.п.) События российско-украинского конфликта поменяли ситуацию, причислив Киев авансом к центральноевропейскому региону. Открытое противостояние Москве стало ключевым критерием включения в него. Однако проблемы, присущие киевскому режиму, отдалявшие его от Чехии, Словакии, Польши и Венгрии не исчезли, а может быть обострились сильнее. Учитывая подвижность границ ЦЕ, возможно допустить, что после завершения данного кризиса центральноевропейское пространство вновь продемонстрирует возможности трансформации.

⁹⁴ Речь Президента Владимира Зеленского по случаю 30-й годовщины независимости Украины // Президент України. 24.08.2021. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-volodimira-zelenskogo-z-nagodi-30-yi-rich-70333> (дата обращения: 06.02.2025).

⁹⁵ Острожский К.И. (1460–1530) – государственный деятель Великого Княжества Литовского.

⁹⁶ Дмитро Кулеба: Україна повернулася до Центральної Європи // Міністерство закордонних справ України. 20.09.2021. URL: <https://mfa.gov.ua/news/dmitro-kuleba-ukrayina-povernulasya-do-centralnoyi-yevropi> (дата обращения: 06.02.2025).

Глава 2

Региональные тенденции

За последние три десятилетия в ЦЕ сложилась целая экосистема региональных объединений, появившихся с целью координации деятельности стран для достижения общих целей. В 1990-е гг. к ним относилась интеграция в ЕС и НАТО, в 2000-е гг. – выработка общей европейской политики, в 2010-е гг. – борьба с кризисными явлениями в жизни ЕС (нелегальная миграция, финансовый кризис, брекзит). Более того, во второй половине 2010-х гг. ЦЕ накрыл бум появления новых структур, за относительно непродолжительное время возник Славковский формат, Central 5, ИТМ, Б9 и др. Хотя их деятельность можно оценивать по-разному, общим остается то, что они способствовали расширению пространства регионального сотрудничества, усиливая голос ЦЕ. На фоне кризисов 2020-х гг. наиболее ярко проявили себя Б9, ИТМ и В4, давшая старт региональному сотрудничеству еще в 1990-е гг. Деятельность перечисленных организаций требует тщательного изучения, поскольку она оказала существенное влияние на образ ЦЕ, внутрирегиональные связи и его международное положение.

2.1. Вишеградская группа: центральноевропейский долгожитель на фоне внутренних разногласий

После «бархатных революций» конца 1980-х гг. на пространстве центральноевропейского региона образовался политический вакуум, вызванный полным разрывом с прежними политико-экономическими структурами, которые ранее ориентировались исключительно на Советский Союз. В условиях озвученного пришедшими к власти диссидентами-революционерами курса на «возвращение в Европу» уже в постсоциалистических государствах стали возникать различные региональные объединения, которые были призваны восполнить утраченные механизмы взаимодействия и способствовать

реализации программы по интеграции в евро-атлантические институты (ЕС и НАТО). Наиболее заметной структурой, появившейся на свет в 1991 г., стала Вишеградская группа, которая объединила сначала три, а после «нежного развода» чехов и словаков в 1993 г. четыре государства: Венгрию, Польшу, Словакию и Чехию. В договоре о ее создании была зафиксирована цель по достижению «полноценной вовлеченности в европейскую политическую и экономическую систему», также подчеркивались основы межгосударственного сотрудничества. Они сводились к «координации усилий с учетом национальных особенностей для повышения шансов на воплощение желаемых целей»⁹⁷.

После 2004 г., когда все участники «четверки» (В4) стали полноценными членами ЕС и НАТО, ее деятельность не была приостановлена. 12 мая 2004 г. была подписана Кромержжизская декларация, где были обозначены новые приоритеты, впрочем, достаточно расплывчато и без подробностей: «Сотрудничество будет основываться на конкретных проектах и иметь гибкий характер»⁹⁸. Отсутствие детализации взаимодействия, с одной стороны, не накладывала прямых обязательств перед участниками, с другой – давало возможность активизировать деятельность группы под определенную задачу. Выбранная парадигма вела к тому, что деятельность объединения имела скачкообразный характер – за периодами активизации следовало временное угасание В4. Однако такой вариант функционирования до недавнего времени не поднимал вопрос о скором конце вишеградского сотрудничества, наоборот он рассматривался как залог неуязвимости «четверки». Явное изменение подходов произошло в начале 2020-х гг., когда стали отчетливо слышны голоса скептиков В4, заявлявших о распаде группы.

Начало СВО на Украине в феврале 2022 г. обозначило качественное изменение наполнения сотрудничества в рамках

⁹⁷ Declaration on Cooperation between the Czech and Slovak Federal Republic, the Republic of Poland and the Republic of Hungary in Striving for European Integration // Visegrad Group. 15.02.1991. URL: <https://www.visegradgroup.eu/home/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2> (дата обращения: 17.02.2024).

⁹⁸ Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on Cooperation of the Visegrad Group Countries after their Accession to the European Union // Visegrad Group. 12.05.2004. URL: <https://www.visegradgroup.eu/2004/declaration-of-prime> (дата обращения: 17.02.2024).

объединения, одним из поводов для которого стала позиция Венгрии, а с осени 2023 г. и Словакии, по поставкам ВиВТ киевскому режиму. Сложившаяся ситуация свидетельствовала не только о появлении разногласий по отдельному вопросу повестки между странами – участницами В4, но и демонстрировала ее глубинные проблемы, накопившиеся более чем за 30 лет существования.

Изучение вишеградского феномена оказалось в центре пристального внимания как центральноевропейских политологов, так и их коллег за пределами «четверки». Бум исследований пришелся на время после интеграции четырех государств в ЕС и НАТО в 2004 г. Политологи стремились изучить обстоятельства регионального взаимодействия, позволившие участникам объединения одновременно вступить в ЕС и НАТО. Впоследствии примечательно усиление интереса к тематике на фоне активизации деятельности В4 или нахождения ее в центре общественного внимания. В этой связи взрывной рост научных работ произошел в ходе миграционного кризиса 2015–2017 гг., когда «четверка» впервые в своей истории проявила способность прямо влиять на вырабатываемые в Брюсселе решения. Говоря о наполнении и характере научных изысканий, следует их сгруппировать в соответствии со взглядами авторов на значение и место В4 в ЦЕ и ЕС. Вполне уместно обозначить 1) оптимистичное, 2) реалистичное и 3) пессимистичное направления вишеградских исследований.

Для первого подхода свойственно преувеличенное восприятие Вишеградской группы как политического актора, который оказывает существенное влияние на выработку решений в ЕС. Также придается завышенное значение «четверке» в глазах евробюрократов. В то же время подобные серьезные выводы не подтверждаются примерами реального воздействия «четверки» на формирование европейской политики. Зачастую авторы подобных работ перечисляют общедоступные факты, не анализируют доступные источники, используют абстрактную фразеологию и, как итог, создают искаженную картину вишеградского сотрудничества⁹⁹.

Представители реалистичного направления избегают преувеличивать значение В4, обозначают как сильные, так и слабые стороны

⁹⁹ *Strážay T.* When Pragmatism Wins: Slovakia in the Visegrad Group // *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy* 2018. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2019. P. 67–74. URL: http://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2019/04/Rocenka_2018_web.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

объединения. Для подобных исследований характерен анализ деятельности группы через оптику сложной истории региона, зажатого на пространстве между Германией и Россией и вынужденного искать особые пути для обозначения своего места в европейской политике¹⁰⁰. В этой связи важное место занимают вопросы, касающиеся трансграничного и экономического сотрудничества¹⁰¹, складывания вишеградской идентичности¹⁰², формирования специфического политического стиля¹⁰³ и особенностей позиционирования группы в европейской политике¹⁰⁴. Примечательно, что «четверка» в работах реалистичного направления выступает зачастую «вещью в себе» вне зависимости от результатов ее деятельности, достигнутых успехов и признания ее веса иными внешнеполитическими акторами. Даже несмотря на бесперспективность некоторых проектов В4, ограниченность ее потенциала в отдельных сферах политики и экономики, исследователи не останавливаются на продвижении вишеградской идеи.

Третья группа авторов имеет склонность сомневаться относительно исторического значения группы, ее влияния на процесс интеграции стран-участниц в ЕС и НАТО и перспектив дальнейшего существования объединения¹⁰⁵. Примечательно, что работы представителей этого лагеря изначально не были широко представлены в научной среде, поскольку сложился широкий консенсус относительно

¹⁰⁰ Вишеградская Европа: откуда и куда?..

¹⁰¹ Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС / под ред. А.С. Четвериковой. М.: ИМЭМО, 2022. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9

¹⁰² Csaba G. Kiss. Powinowactwa wyshehradzkie. Wspomnienia, szkice, eseje. Warszawa, 2016; Křen J. Čtvrt století střední...

¹⁰³ Ведерников М.В. Исторические предпосылки вишеградского политического стиля // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 78–87.

¹⁰⁴ Зверева Т.В. Эволюция субрегиональных объединений внутри ЕС (на примере Вишеградской группы) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 181–196. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-181-196; Шишкина О.В., Мамедова Л.К. Сотрудничество стран Вишеградской группы в области обороны и безопасности: испытание украинским кризисом // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 4 (79). С. 184–209; Хотивришвили А.А. Миграционная политика Европейского союза: подходы стран Вишеградской группы (2004–2020 гг.). М.: Ленанд, 2023.

¹⁰⁵ Достал В. Центральная Европа, Вишеградская группа и перспективы «Коронавирусной эпохи» оптикой Чешской Республики // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2020. № 3 (7). С. 5–13; Никитин В.В. Образ Вишеградской группы в словацких научных исследованиях // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 70–84. DOI: 10.30914/2227-6874-2020-13-70-84

В4 как константы европейской политики и ее месте в трансформации постсоциалистических государств. Однако на фоне событий начала 2020-х гг. лагерь скептиков вишеградского сотрудничества стал заметно увеличиваться, что проявилось в появлении утверждений о «закате Вишеградской группы»¹⁰⁶, «сильнейшем кризисе с момента возникновения объединения»¹⁰⁷. Научный сотрудник варшавского Центра международных отношений Евгениуш Смолар отмечал: «Ширятся политические и культурные различия стран В4... былая романтика прошла»¹⁰⁸.

На фоне ослабления вишеградского сотрудничества, которое совпало с «поликризисным» трендом мирового развития начала 2020-х гг., стоит проанализировать текущее состояние данного регионального объединения. Необходимо определить реальные причины упадка «четверки», обозначить актуальные направления сотрудничества и обрисовать перспективы дальнейшего функционирования объединения.

Особенности вишеградского стиля

За более чем 30 лет существования объединения направление его деятельности несколько раз кардинально видоизменялось и существенно дополнялось. После завершения интеграции стран-участниц в ЕС и НАТО¹⁰⁹, во внутреннем измерении групповые усилия были переориентированы на работу межправительственных групп и углубление трансграничного сотрудничества, которое должен был поощрять созданный ранее в 2001 г. Международный вишеградский фонд. На внешнем треке «четверка» демонстрировала желание способствовать евроинтеграции стран Западных Балкан

¹⁰⁶ CEE Expert Pavlína Janebová: The Decline of the V4 Has Created Space for Its Individual Members // PRINCEPS Advisory s.r.o. 23.01.2023. URL: <https://www.princepsadvisory.com/post/cee-expert-pavl%C3%ADna-janebov%C3%A1-the-decline-of-the-v4-has-created-space-for-its-individual-members> (дата обращения: 17.02.2023).

¹⁰⁷ The Not-so-fantastic 4: Central Europe's Divided Visegrad Alliance // Politico. 07.01.2022. URL: <https://www.politico.eu/article/central-europe-divided-visegrad-v4-alliance/> (дата обращения: 17.02.2023).

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Contents of Visegrad Cooperation Approved by the Prime Ministers' Summit Bratislava on 14th May 1999 // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/cooperation/contents-of-visegrad-110412> (дата обращения: 17.02.2023).

и Восточной Европы. В одном из документов В4, опубликованном в 2005 г., прямо отмечалось, что «объединение может формировать общую внешнюю политику ЕС в отношении соседних регионов – Украины, других стран СНГ и Западных Балкан. Такой вклад мог бы помочь этим государствам приблизиться к европейским ценностям и укрепить демократические процессы»¹¹⁰. Впрочем, для продвижения данного курса было недостаточно политического влияния четырех центральноевропейских стран, поэтому многое зависело от действий Брюсселя: торможение в интеграционном процессе вело к затуханию практической деятельности В4 по этому треку, и наоборот. Научный сотрудник венгерского Института иностранных дел и торговли Анна Орос подтверждала: «Страны – участницы “четверки” способствовали росту интереса к этой тематике, но они не формировали повестку, а только следовали за курсом ЕС»¹¹¹.

Косвенным успехом группы стало вступление Хорватии в Евросоюз, итоговое решение о котором пришлось на председательства Венгрии и Польши в Совете ЕС в течение 2011 г. Однако настоящим звездным часом В4 стал миграционный кризис 2015–2017 гг., когда страны сумели выступить единым фронтом против обязательного распределения беженцев на их территории¹¹². «Бунт Вишеграда», отражавший помимо прагматичных обстоятельств также неудовлетворенность стран-участниц своим положением в рамках ЕС, возвысил политическое влияние объединения, поскольку принятые впоследствии решения в Брюсселе прямо соответствовали интересам группы. Однако за ослаблением данного кризиса последовало снижение активности В4. Впрочем, на тот момент данный формат регионального сотрудничества открыто не подвергался сомнению, ввиду накопившегося к тому времени у него мощного репутационного капитала.

Важно отметить, что взаимодействие в рамках В4 всегда было не равномерно и его интенсивность зависела от множества факторов: личного отношения политиков к объединению, текущего состояния

¹¹⁰ Programme for the Hungarian Presidency of the Visegrad Group 2005/2006 // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=58> (дата обращения: 17.02.2023).

¹¹¹ Orosz A. The Western Balkans on the Visegrad Countries' Agenda. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade, 2017. P. 9. URL: https://kki.hu/assets/upload/39_KKI_Policy_Brief_V4-WB_Orosz_20171214.pdf (дата обращения: 17.02.2023).

¹¹² Хотивришвили А.А. Указ. соч.

межгосударственных отношений, наличия актуальной повестки, которая соответствовала интересам стран-участниц и др. При появлении таких обстоятельств сотрудничество развивалось точно, в малых объемах и в какой-то момент оно могло вообще приостановиться. Несмотря на широко распространенное восприятие «доЕСовского» периода существования В4 как истории успеха, отметим, что в конце 1993 г., как пишет чешский политолог Либор Лукашек, она «вообще перестала существовать... из-за возобладавшего индивидуализма в интеграционных амбициях со стороны Чехии и Венгрии»¹¹³. Чешский премьер-министр Вацлав Клаус считал В4 «размытой концепцией», создававшей зону отчуждения между Востоком и Западом. По мнению Клауса, ее участники «произносили громкие речи, делали неоднозначные заявления и затем уходили на очередные бессмысленные встречи»¹¹⁴. Примечательно, что реанимация В4 произошла в 1998 г. после внутриполитических перемен в странах-участницах, сглаживания двусторонних отношений и появления вызывающей взаимный интерес повестки, где совместные усилия могли принести добавленную стоимость. Речь, прежде всего, идет о Мадридском саммите Североатлантического альянса в 1997 г., на котором Венгрия, Польша и Чехия были приглашены к финальным переговорам по вступлению в НАТО. Если в конце 1990-х гг. сотрудничество между государствами в военной сфере поспособствовало реализации цели по вступлению в военно-политический блок, то, как указывает Лукашек, в вопросе интеграции в ЕС страны – участницы В4 действовали самостоятельно. «Вступление всех четырех стран 1 мая 2004 г. в Евросоюз было, скорее, результатом индивидуального подхода, чем итогом скоординированного сотрудничества. Хотя по вопросу евроинтеграции была создана площадка для переговоров между представителями верховной власти, на ней происходил лишь обмен мнениями, что не вело к гармонизации или координации общей повестки»¹¹⁵.

Несмотря на существование подобного мнения, в исследовательской среде сложилась противоположная тенденция складывать достижения отдельных стран и полученную сумму выставить как

¹¹³ Lukášek L. Visegrádská skupina a její vývoj v letech 1991–2004. Praha: Karolinum, 2010. S. 139.

¹¹⁴ Klaus V. Miloš Zeman a sociálnědemokratický Visegrád // Václav Klaus obhajoba zapomenutých myšlenek. Praha Academia, 1997. S. 390–391.

¹¹⁵ Lukášek L. Op. cit. S. 141.

успех всего объединения. Подобный прием искажал картину реального состояния вишеградского сотрудничества и значения «четверки» как политического и экономического института. Примечательно, что в научных исследованиях практически не ставился вопрос об эффективности группы, достигнутых результатах и последствиях ее деятельности. Очевидно, что все крупные внешнеполитические акции «четверки», за исключением демарша во время миграционного кризиса, не были успешно реализованы. Отчасти это было связано с тем, что после 2004 г. не существовало достаточно областей соприкосновения и даже там, где интересы пересекались, обнаруживались противоречия, которые приходилось сглаживать и искать компромиссы. Так, в центральном вопросе по расширению ЕС Польша традиционно выступала за евроинтеграцию Украины, в то время как Венгрия и Словакия были заинтересованы в поддержке, прежде всего, западнобалканских государств. Полное согласие наблюдалось в области трансграничного сотрудничества по вопросам совместной инфраструктуры, энергетики, экономики и сплочения жителей В4. Вполне возможно, что отношения в этих сферах могли благоприятно развиваться и на двусторонней основе, без привлечения В4.

Несомненным является то, что за более чем 30 лет сформировался узнаваемый политический бренд, который признавался и считывался ведущими государствами евро-атлантического пространства. Так, лидеры Соединенных Штатов, Франции, Германии, Великобритании и др. не избегали встреч с представителями «четверки» для обсуждения проблем ЦЕ. За это время за регионом, очерченным государственными границами четырех государств, закрепилось обозначение как вишеградский, страны на страницах СМИ и в общественных дискуссиях идентифицировались как вишеградские, а венгерский историк Роберт Киш-Семан счел уместным говорить о появлении нового типа европейца «Homo Visegradicus»¹¹⁶. Ведущий отечественный специалист по В4 Л. Н. Шишелина ввела в научный оборот термин «Вишеградская Европа». Формирование образа «четверки», по ее мнению, стало возможно за счет неизменного политического стиля поведения, который она обозначала как стабильный «критический настрой». Шишелина указывает:

¹¹⁶ Kiss-Szemán R. Homo Visegradicus // The Visegrad Group: A Central European Constellation. Ed. by A. Jagodziński. Bratislava: International Visegrad Fund, 2006. P. 169–171.

«Возникнув как диссидентский проект... В4 продолжает оставаться отчасти таковым и внутри ЕС... Если идея диссидентства исчезнет, пропадет и необходимость совместных действий...»¹¹⁷.

Одной из важных черт группы обозначалась ее стрессоустойчивость и долголетие, ставшие возможными за счет приобретенной способности адаптироваться к изменяющимся внешним условиям и новым вызовам. Показательно, что негативные стороны объединения как неформальный характер объединения, отсутствие органов управления и др. в контексте В4 оценивались в качестве факторов, укрепляющих основы группы и предоставлявших ей пространство для маневра. В то же время, рассуждая об отказе представителей В4 от институционализации группы, отечественный словакист В. В. Никитин приводил пример, что, например, существовавшая Межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Словакией и Россией была более институционализированным объединением. Соответственно, словацко-российские отношения формально находились на более высоком уровне правовой регламентации¹¹⁸.

Противоречивость В4 не отменяет факта уникальности данного формата регионального сотрудничества, позволившего обозначить особое место стран ЦЕ в рамках евро-атлантического сообщества. Впрочем, за три десятилетия вишеградский проект накопил заметный груз противоречий, которые в полной мере проявился в начале 2020-х гг.

Особенности кризиса В4 начала 2020-х гг.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному при поддержке Вишеградского фонда в 2021 г., большинство респондентов считали важным продолжать сотрудничество в рамках «четверки». Но существовали заметные расхождения по странам: наибольшую поддержку В4 имела в Венгрии (82%), за ней следовали Словакия (78%), Чехия (71%), на последнем месте расположилась Польша (59%). Примечательно, что там только 49% опрошенных знали о существовании группы, 34% – слышали, но не имели

¹¹⁷ Шишелина Л.Н. К 30-летию Вишеградской группы: достижения и перспективы // Современная Европа. 2021. № 4. С. 28. DOI: 10.15211/soveurope420212636

¹¹⁸ Никитин В.В. Образ Вишеградской группы... С. 77.

представление о ее конкретной деятельности¹¹⁹. Также показательно, что интерес к В4 с 2015 г., т.е. момента миграционного кризиса, значительно возрос, например, в Венгрии в 2,5 раза (с 26% до 69%). Жители стран-участниц считали важным развивать отношения между государствами прежде всего в таких областях (далее в порядке приоритетности), как торговля, туризм, безопасность и оборона, развитие трансграничной инфраструктуры, внешняя политика и здравоохранение. Впрочем, как отмечали словацкие политологи Ольга Дьярфашова и Григорий Месежников, несмотря на самый высокий за всё время наблюдений уровень поддержки со стороны общества вишеградского формата регионального сотрудничества, многое в судьбе В4 зависело от внутривластных процессов на национальном уровне. Приход во власть критиков «четверки» или тех, кто не придавал этому формату должного внимания, мог привести к ослаблению взаимодействия.

Начало реконфигурации Вишеградской группы связано с победой на парламентских выборах сначала в Словакии в 2020 г., а затем в 2021 г. в Чехии леволиберальных сил, которые не скрывали своего критичного настроения по отношению к правоконсервативным правительствам в Польше и Венгрии.

Чешский аналитик Вит Достал накануне словацкого общенационального голосования в феврале 2020 г. следующим образом характеризовал «четверку»: «Сегодня она носит ярлык не солидарного токсичного объединения в Евросоюзе, где Польша и Венгрия демонстрируют пренебрежение к верховенству права, тем самым усиливая ее негативный имидж»¹²⁰. Коалиционный кабинет Словакии под руководством Игоря Матовича (март 2020 – март 2021 гг.) и его преемника Эдуарда Хегера (апрель 2021 – май 2023 гг.), выступая критически в отношении Варшавы и Будапешта из-за их противоречий с Брюсселем, до определенного момента был в одиночестве и не предпринимал отрывых демаршей. Более того, на фоне разразившейся коронавирусной пандемии интересы В4 совпали по вопросу получения дополнительных средств из бюджета ЕС для

¹¹⁹ *Gyárfášová O., Mesežnikov G.* Visegrad Four as Viewed by the Public Past Experience and Future Challenges. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 2021. P. 15–21.

¹²⁰ *Dostál V.* Změní se maďarský Visegrád na polský? Asociace pro mezinárodní otázky. 13.12.2019. URL: <https://www.amo.cz/cs/nove-horizonty-cesko-polske-spoluprace/zmeni-se-madarsky-visegrad-na-polsky/> (дата обращения: 17.02.2024).

постпандемического восстановления. По итогам 2020 г. словакист В. В. Никитин оценивал общие усилия «четверки» следующим образом: «Дипломатия стран Вишеградской группы добилась на европейском направлении впечатляющих результатов...»¹²¹

В 2020–2021 гг. несколько иные обстоятельства также позволяли поддерживать активность В4 на высоком уровне. Во-первых, с лета 2020 г. ротационные председательства возглавляли сначала Польша, а затем Венгрия, которые были заинтересованы в использовании объединения для продвижения своих внешнеполитических приоритетов. Во-вторых, первая половина 2021 г. ознаменовалась торжественными мероприятиями по случаю 30-летнего юбилея группы. Принятая в Кракове декларация стала одним из самых содержательных документов «четверки», где была зафиксирована ее роль как «платформы для активного продвижения общих интересов»; подчеркивалась «решительная поддержка евроинтеграции стран Западных Балкан» и развитие программы «Восточное партнерство» (ВП)¹²². В-третьих, устойчивость В4 обеспечивалась установившимися за долгие годы личными доверительными отношениями между главами кабинетов Андреем Бабишем (Чехия), Виктором Орбаном (Венгрия) и Матеушем Моравецким (Польша).

Заметный сдвиг в вишеградском сотрудничестве произошел после парламентских выборов в Чехии осенью 2021 г., в ходе которых успех сопутствовал леволиберальной коалиции во главе с Петром Фиалой. Поражение скандального премьера Бабиша, которого его оппоненты обвиняли в «нелиберальном повороте» и углубившемся процессе «эрозии демократии», привел к появлению в «четверке» двух неформальных фракций¹²³. Э. Хегер, осознавая появляющийся раскол, отмечал: «Менталитет Чехии и Словакии не тождественен, но очень похож. Для Венгрии и Польши свойственен несколько

¹²¹ Никитин В.В. Словакия и Вишеградская группа: европейское измерение // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 5. С. 38–44. DOI: 10.15211/vestnikieran520203844

¹²² Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the Occasion of the 30th Anniversary of the Visegrad Group // Visegrad Group. 17.02.2021. URL: <https://www.visegradgroup.eu/home/documents/2021/declaration-of-the-prime> (дата обращения: 17.02.2024).

¹²³ Hanley S., Vachudova M. Understanding the Illiberal Turn: Democratic Backsliding in the Czech Republic // East European Politics. 2018. Vol. 34. No. 3. P. 276–296. DOI: 10.1080/21599165.2018.1493457

иной образ мысли, присущий большим нациям»¹²⁴. Чешский министр по делам ЕС Микулаш Бек говорил более прямолинейно: «Прага и Братислава играют по другим нотам, нежели наши коллеги по «четверке»... в этой связи пропадает осмысленность сотрудничества в рамках В4»¹²⁵. На фоне таких тенденций политолог Петер Креко прогнозировал трансформацию В4 в «В2+В2»: «Словакия и Чехия будут всё больше смотреть на Запад и стремиться улучшить свои позиции в ЕС, в то время как Венгрия и Польша продолжают борьбу с ЕС»¹²⁶.

Организационная аморфность объединения, участие в его работе множества политических акторов, подчас с противоположными взглядами, и получение странами-участницами определенной добавленной стоимости поддерживало В4 на плаву. Также на руку «четверке» играл приобретенный за годы функционирования имидж, о чем, например, свидетельствовало совместное заседание центрально-европейских премьеров с президентом Франции Эммануэлем Макроном в декабре 2021 г. В рамках подготовки к председательству в Совете ЕС глава Пятой республики обсудил подходы четырех столиц к европейской политике, в т.ч. по вопросам, вызывающим обеспокоенность в Брюсселе. В этой связи прямой отказ от участия в работе группы не был в интересах ее участниц, поскольку от данного решения не были бы получены явные выгоды, но был бы нанесен репутационный урон. В дальнейшем подобная парадигма восприятия вишеградского сотрудничества стала преобладающей для ее участниц, высказывавших претензии относительно действий отдельных стран.

В полной мере накапливавшиеся противоречия дали о себе знать после начала СВО в феврале 2022 г. Хотя все страны выступили с осуждением Москвы, заявили о поддержке Киева и готовности оказать ему помощь, в ключевом вопросе о поставках ВиВТ позиция Венгрии принципиально отличалась от партнеров по «четверке». В. Орбан, призывая сохранять «стратегическое

¹²⁴ Heger: Visegrádská čtyřka může sehrát důležitou pozitivní roli v Evropské unii // ČT24. 28.10.2021. URL: <https://ct24.ceska televize.cz/clanek/svet/heger-visegradska-ctyрка-muze-sehrat-dulezitou-pozitivni-rol-i-v-evropske-unii-27879> (дата обращения: 17.02.2024).

¹²⁵ The Not-so-fantastic 4...

¹²⁶ Krekó P. Central Europe's V4? More Like V2+V2 // CEPA. 03.11.2021. URL: <https://cepa.org/article/central-europes-v4-more-like-v2v2/> (дата обращения: 17.02.2024).

спокойствие», отчетливо дал знать, что при своем правлении не допустит передачу оружия: «Оно вполне может быть использовано и для стрельбы по венграм, проживающим в Закарпатье... вдобавок у нас нет лишнего вооружения»¹²⁷. Показательно, что 24 февраля, в первый день начавшегося конфликта, В4 не опубликовала совместного заявления, хотя в этот день проходила встреча министров внутренних дел объединения с французским коллегой. В то же время президент Украины В. А. Зеленский, призывая европейских коллег оказать помощь, обратился за ней к другому центральноевропейскому объединению – Бухарестской «девятке» (В9). Страны-участницы последней собрались в польской столице уже 25 февраля, где заявили о безоговорочной поддержке Украины и необходимости нанесения России «дорогостоящего поражения»¹²⁸. Что касается В4, то общая позиция была официально озвучена только 8 марта на встрече премьер-министров объединения с главой кабинета Великобритании Б. Джонсоном в Лондоне. Помимо общих слов осуждения в адрес России и «тех, кто позволил ей это сделать»¹²⁹ переговоры не принесли заметных результатов. Очевидно, что британский политик, активно работавший в первые месяцы российско-украинского конфликта на его обострение и не допускавший перспектив успешного завершения мирных переговоров между Москвой и Киевом, был разочарован состоянием дел в данном региональном объединении и предпочел сосредоточиться на двустороннем сотрудничестве, прежде всего с Польшей.

Вишеградское взаимодействие претерпело заметные изменения, что выразилось в сокращении некоторых традиционных форматов кооперации. Например, начиная с лета 2021 г. были приостановлены встречи представителей В4 с коллегами из стран ВП и Западных Балкан, которые были призваны служить площадками для передачи странам-претендентам практического опыта по интеграции

¹²⁷ In a War Situation We Need Strategic Calm // Cabinet Office of the Prime Minister. 28.02.2022. URL: <https://2015-2022.miniszterelnok.hu/in-a-war-situation-we-need-strategic-calm/> (дата обращения: 17.02.2024).

¹²⁸ Opening Remarks at Bucharest Nine Summit // President of the Republic of Poland. 25.02.2022. URL: <https://www.president.pl/news/opening-remarks-bucharest-9,49483> (дата обращения: 17.02.2024).

¹²⁹ V4 + United Kingdom Joint Statement of Prime Ministers 8 March 2022, London // Visegrad Group. 08.03.2022. URL: <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=488> (дата обращения: 17.02.2024).

в евро-атлантические структуры. В 2022 г. были поставлены на паузу в течение года официальные мероприятия с участием министров иностранных дел и спикеров парламентов. В публичную плоскость стали проникать сведения о внутренних противоречиях в группе: в марте 2022 г. была отменена встреча министров обороны В4 из-за несогласия польского и чешского политиков с позицией венгерского коллеги. Симптоматично, что польско-венгерский союз, строившийся ранее на противостоянии Брюсселю, оказался неустойчивым на фоне российско-украинского конфликта. Дополнительно саммит премьеров «четверки» в ноябре 2022 г. был омрачен словацко-венгерским спором, возникшим из-за появления Виктора Орбана ранее в шарфе с изображением карты Великой Венгрии, включавшей в т.ч. территории современной Словакии¹³⁰.

Случившиеся геополитические перемены в Европе обозначили явную трансформацию внешней политики стран – участниц «четверки» и место последней в Европе. С одной стороны, можно говорить об усилении межгосударственного взаимодействия на пространстве Центральной Европы, с другой – о поиске альтернатив Вишеградской группе. Так, признавая важность регионального сотрудничества, Польша, Словакия и Чехия заметно активизировали двусторонние контакты друг с другом, что выразилось в улучшении польско-чешских и польско-словацких отношений¹³¹ и закреплении высокого статуса чешско-словацкого диалога (до осени 2023 г.). В этой связи вполне обоснованы слова научного сотрудника чешской Ассоциации по международным вопросам Павлины Янебовой, что «упадок В4 создал дополнительное пространство для отдельных ее членов»¹³². Показательно, что на фоне российско-украинского конфликта по-новому обозначилась роль Варшавы, которая, по словам отечественного полониста О. Ю. Михалева, оказалась в эпицентре

¹³⁰ *Strážay T.* Central European Challenges in Slovak Foreign Policy // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy. Ed. by P. Brezáni. Bratislava: SFPA, 2023. P. 106–109. URL: <https://www.sfpa.sk/wp-content/uploads/2021/08/Rocenka-ZPSR-2022.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

¹³¹ *Janebová P.* Trends of V4 States' Policies in Eastern Europe. Prague: AMO, 2022. URL: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2022/11/AMO_Trends_2022_web.pdf (дата обращения: 17.02.2024).

¹³² CEE Expert Pavlína Janebová...

мировой политики¹³³. Продемонстрированные стремления Польши находили понимание не только в США и Британии, среди сторонников усиления позиций Варшавы на европейском континенте, но и у Чехии и Словакии, которые активно поддерживали инициированные Польшей региональные проекты, прежде всего «Инициативу Трех морей» и Б9, несмотря на сохранявшиеся проблемы правительства «Права и справедливости» в отношениях с Брюсселем. Помимо указанных объединений на фоне событий 2022–2023 гг. активизировали деятельность иные форматы, как например: Зальцбургский форум, Люблинский треугольник, Славковский треугольник, Central Five. Разнообразие региональных форматов коммуникации давало возможность компенсировать сократившиеся возможности В4 и избежать открытых противоречий внутри группы. Об этом прямо говорил министр иностранных дел Чехии Ян Липавский: «Идет речь о замене Вишеграда, который из-за пророссийской и антиевропейской позиции Венгрии находится в состоянии клинической смерти»¹³⁴. Примечательно, что, по мнению венгерского ученого Кристофера Волша, подобные тенденции стали проявляться еще до начала активной фазы украинского кризиса и свидетельствовали о том, что «государства В4 стали более смелыми и, в отличие от первых лет членства в ЕС, не боялись продемонстрировать больше самостоятельности»¹³⁵.

На фоне деструктивных тенденций среди политиков поднималась дискуссия о переформатировании вишеградского формата сотрудничества. Так, избранный в начале 2023 г. на пост президента Чехии Петр Павел, сомневаясь в эффективности В4, предлагал «переоценить значение Вишеграда» и придать ему новый смысл: «Без сильных объединяющих тем, В4 станет пустым образованием». По его мнению, необходимо было сделать из «четверки» консультационную

¹³³ Михалев О.Ю. Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине // Современная Европа. 2022. № 5. С. 34–47. DOI: 10.31857/S0201708322050035

¹³⁴ Europe's Geopolitical Moment? Or a Moment of Geopolitics? 29.05.2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0fdJ6DxBqY8> (дата обращения: 17.02.2024).

¹³⁵ Walsch C. Is the Visegrad Group Disintegrating? A Case Study on the Diversification of the Visegrad States' EU Enlargement Policy since 2014 // Eastern Journal of European Studies. 2022. Vol. 13, Special Issue, October. P. 53. DOI: 10.47743/ejes-2022-SI04

платформу для обсуждения экономических и культурных вопросов¹³⁶. Замеситель председателя чешского Сената Томаш Чернин видел перспективы объединения в увеличении его постоянных участников за счет приглашения к участию государств Балтии, как наиболее вовлеченных среди стран Центральной и Восточной Европы в украинский кризис¹³⁷. Аналитик пражского Института международных исследований Даниэль Шитера полагал, что Чехия должна была воспользоваться «коматозным состоянием» В4 для объединения ЦЕ. Он считал, что Прага, оттенив маргинальных политиков и выступая с четким евро-атлантическим курсом, в силах потребовать усиления ее позиций в ЕС и НАТО: «В будущем Чехия может усилить свой голос и потенциал, участвуя в различных двусторонних и многосторонних инициативах, оказывая на них влияние и, таким образом, принимая общеевропейские решения»¹³⁸.

Явным подтверждением наступившего кризиса в вишеградском сотрудничестве стало то, что на фоне появления объединяющей повестки, связанной с украинским кризисом, в котором все четыре страны открыто поддерживали киевский режим, правительства стран-участниц не смогли найти основ для взаимодействия. Симптоматично, что в вопросе оказания помощи украинским беженцам, основной поток которых в первые месяцы конфликта пришелся на данные государства, «четверка» не сумела разработать совместные долгосрочные предложения как на региональном, так и на общеевропейском уровне. Более того, национальные правительства изначально рассчитывали только на себя, а впоследствии на помощь Брюсселя. Слабой попыткой демонстрации наличия общей платформы для решения миграционного кризиса стало выделение Международным вишеградским фондом 1 млн евро на эти цели. В условиях много-

¹³⁶ Je čas přehodnotit Visegrád. Neshody s Maďarskem mohou působit problémy, říká budoucí prezident Petr Pavel // Lidovky. 20.02.2023. URL: https://www.lidovky.cz/domov/rozhovor-prezident-petr-pavel-valka-ukrajina-ochranka-visegrad.A230220_042249_ln_domov_hma (дата обращения: 17.02.2024).

¹³⁷ Černý pasažér Orbán. Czernin doporučuje se raději přátelit s Pobaltím // Parlamentní listy. 26.06.2023. URL: https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Cerny-pasazer-Orban-Czernin-doporucuje-se-radeji-pratelit-s-Pobaltim-738633#google_vignette (дата обращения: 17.02.2024).

¹³⁸ Šitera D., Eberle J. Riziko triumfalismu: Ruská agrese a znovuvzkříšení Střední Evropy // Svět v proměnách 2023. Ed. By O. Ditrych, J. Eberle, A. Metodíeva. Prague: Ústav Mezinárodních vztahů, 2023. S. 62.

миллиардных затрат национальных правительств на стабилизацию внутривнутриполитической ситуации очевидно, что данный единоразовый грант не способствовал урегулированию обстановки. В этой связи не удивительно, что каждая страна стремилась обозначить собственный подход, образовать временную коалицию с партнерами за пределами В4 или использовать иные форматы региональной кооперации. Показательно, что за три года с начала СВО Вишеградская группа не провела ни одного мероприятия с высшим руководством Украины, в то время как последнее использовало все появляющиеся возможности для продвижения своих интересов, встречаясь с представителями менее известных региональных групп как Славковский треугольник и Central Five.

По ходу затягивания российско-украинского конфликта, с одной стороны, не ослабевала риторика о поддержке Киева в борьбе с Москвой, с другой – стала более отчетливо проявляться забота о национальных интересах стран – участниц В4, что не вело к сопряжению позиций внутри группы. Наиболее фактурно проблема их защиты проявилась в зерновом вопросе, связанном с неконтролируемым наплывом дешевого украинского продовольствия. Возникшая ситуация во второй половине 2023 г. вынудила правительства трех вишеградских стран (Венгрии, Словакии и Польши) и двух балканских (Болгария, Румыния) ввести эмбарго на произведенные на Украине зерновые культуры и их производные. Состоявшаяся в конце сентября 2023 г. встреча министров сельского хозяйства стран – участниц В4, посвященная судьбе украинского зерна, продемонстрировала приоритет национального над общегрупповым и невозможность консолидировать интересы группы по этому вопросу. Так, например, чешский представитель отдалился от позиции своих коллег, озвучив мнение о необходимости «поиска общего унифицированного подхода»¹³⁹. В то же время польские политики заняли максимально антиукраинскую позицию, обосновывая ее защитой польских земледельцев. Отечественный специалист по аграрной политике ЕС Б. Е. Фрумкин считал, что позиция европейских фермеров приобрела экзистенциальный характер ввиду ожидаемых

¹³⁹ Rozhovor s ministrem Markem Výborným k jednání ministrů zemědělství států V4 // Ministerstvo zemědělství. 27.09.2023. URL: <https://eagri.cz/public/portal/mze/tiskovy-servis/vystoupeni-v-mediich/rozhovor-s-ministrem-markem-vybornym-k-jednani-ministru-zemedelstvi-statu-v4> (дата обращения: 17.02.2024).

в 2024 г. официальных переговоров о членстве Украины в Евросоюзе¹⁴⁰. Он констатировал: «При неизменных условиях это повлекло бы за собой массовое разорение ядра агропродовольственной системы ЕС – семейного фермерского хозяйства»¹⁴¹. Данная ситуация вновь подтвердила сужение пространства сотрудничества стран – участниц В4, выведение на первый план национальных интересов.

Если ранее ярким символом вишеградской преемственности с 2004 г. была работа по поддержке евроинтеграционных устремлений стран Западных Балкан и ВП, то с 2022 г., когда фокус внимания Брюсселя был сконцентрирован исключительно на Украину, данная политика стран В4 стала не актуальной. С одной стороны, позиция Венгрии вносила раскол в ряды «четверки», с другой – становилось очевидным игнорирование интересов балканских государств, находившихся в очереди на членство в ЕС на протяжении многих лет, чьи перспективы становились туманными. Вдобавок, в вопросах формирования общей вишеградской внешней политики за пределами европейского континента через формат В4+ эксперты сходились во мнении, что подобный вариант реализации дипломатии был «вторичен» и не имел шансов для получения значительного политического импульса¹⁴².

В то же время необходимо иметь в виду, что деятельность В4 в 2022–2024 гг. продолжалась, но были смещены ее акценты. В условиях увеличения угроз безопасности на восточном фланге НАТО страны – участницы В4 достигли согласия относительно углубления военной компоненты сотрудничества «четверки» в рамках ранее подписанных соглашений. Акцентировалось внимание на поддержке флагманских проектов: Вишеградской боевой группы (V4 EU Battlegroup, ВБГ) и штаб-квартиры Объединенной группы материально-технического обеспечения В4 (V4 JLSG HQ). Важно подчеркнуть, что данные проекты не возникли как ответ на события российско-украинского кризиса, а были продолжением предшествовавших инициатив. Можно согласиться с отечественными

¹⁴⁰ Процесс стартовал 25 июня 2024 г. и мог растянуться на многие годы.

¹⁴¹ Фрумкин Б.Е. Общая сельскохозяйственная политика (сентябрь – ноябрь 2023) // Европейский союз: факты и комментарии. 2023. № 4 (114). С. 44–45. DOI: 10.15211/eufacts420234145

¹⁴² Kolmaš M. Diverging Perceptions of the “Visegrad Four+” Format and the Limits of the V4+Japan Cooperation // Asia Europe Journal. 2023. Vol. 21. P. 101–116. DOI: 10.1007/s10308-023-00669-7

специалистами О. В. Шишкиной и Л. К. Мамедовой, что «локомотивом развития сотрудничества вишеградских государств в сфере безопасности и обороны были трансформации, которые происходили в НАТО и ЕС, а не возникновение актуальных для всей “четверки” вызовов и угроз безопасности»¹⁴³. Так, например, планы о создании ВБГ были озвучены еще в 2011 г., практическая реализация началась в 2016 г., а завершение комплектования пришлось только на вторую половину 2023 г. Личный состав насчитывал 3280 военных, из которых 1450 были из Польши, 670 – из Венгрии, 600 – из Чехии, 560 – из Словакии. За каждой страной была закреплена отдельная сфера деятельности: чехи были ответственны за логистику, венгры – за инженерную поддержку, словаки занимались вопросами, связанными с химическим, биологическим и ядерным вооружением. Польша стала ведущим государством ВБГ, на которое возлагались «планирование, подготовка, тренировки и сертификация целого подразделения»¹⁴⁴. Также важно отметить, что за время функционирования военной единицы ее состав на ротационной основе пополнялся военнослужащими из Украины, Хорватии, Латвии и Литвы. Таким образом, можно констатировать, что работоспособность ВБГ обеспечивалась за счет нарушения вишеградского «квартета» и выдвижения на первые позиции польского командования как наиболее мотивированного и профессионального. Что касается Объединенной группы материально-технического обеспечения В4, то ее работа также строилась на выдвижении Польши в качестве лидера¹⁴⁵ и привлечения внешних акторов для стабилизации возможных противоречий¹⁴⁶.

Отметим, что сотрудничество в области обороны и безопасности не было традиционным направлением деятельности В4. В этой связи единственной, исторически присущей В4 сферой взаимодействия оставался диалог между институтами гражданского общества стран-участниц, который преимущественно осуществлялся через

¹⁴³ *Шишкина О.В., Мамедова Л.К.* Сотрудничество стран Вишеградской группы... С. 204.

¹⁴⁴ *Jirířková A.* V4+ Defence Cooperation of the V4+. Prague: AMO, 2015.

¹⁴⁵ Brief History of V4 Defence Cooperation // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/defence> (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁴⁶ V4 Logistics Principals' Meeting in Budapest // Hungarian Defence Forces. 16.10.2023. URL: <https://defence.hu/news/v4-logistics-principals-meeting-in-budapest.html> (дата обращения: 17.02.2024).

Международный вишеградский фонд. Симптоматично, что в чешской программе председательства в «четверке» (2023–2024 гг.) подчеркивалось, что «Чехия поставит граждан в центр своего внимания»¹⁴⁷. Польские политики, занявшие пост председателя В4 летом 2024 г., также сходились в желании вернуться к «основам сотрудничества», которыми они считали гражданские свободы, права человека и верховенство права¹⁴⁸. Яна Юзова и Зузана Касаккова, научные сотрудники исследовательского центра EUROPEUM, справедливо говорили о том, что «вишеградский формат по сути вернулся к своему изначальному виду без доминирующего внешнеполитического измерения»¹⁴⁹. Однако и это направление ощутило влияние общих тенденций, присущих группе: были зафиксированы случаи нежелания участвовать в венгерских проектах со стороны партнеров из других стран; также незначительно, но сократилось их финансирование по сравнению с предыдущими годами¹⁵⁰.

Начало СВО на Украине обозначило новый этап в истории Вишеградской группы, самого известного регионального объединения в Центральной и Восточной Европе. Эксперты и политики однозначно охарактеризовали текущее состояние внутри «четверки» как наиболее глубокий кризис с момента ее создания. Пока рано говорить о ликвидации группы, однако в начале 2020-х гг. были заложены основы для ее глубокого реформатирования, в основе которого лежит отказ от внешнеполитического трека В4 и акцент на внутренней повестке и решении актуальных задач трансграничного сотрудничества. Возникшее недопонимание внутри группы, с одной

¹⁴⁷ Programme of the Czech Presidency of the Visegrad Group 2023/2024 // MZV. URL: https://mzv.gov.cz/file/5119287/MZV_V4_program_A4_ENG_20_6_23_final.pdf (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁴⁸ Девизом председательства Польши в 2024–2025 гг. стал слоган «В4: назад к основам». См.: V4 Presidency // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/home/v4-presidency> (дата обращения: 17.02.2025).

¹⁴⁹ *Juzová J., Kasáková Z.* Kulatý stůl Národního konventu o EU na téma formáty regionální spolupráce z pohledu ČR. Prague: EUROPEUM. 16.01.2023. S. 5. URL: <https://www.europeum.org/articles/detail/5389/narodni-konvent-o-eu-podkladovy-material-formaty-regionalni-spoluprace-z-pohledu-cr> (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁵⁰ Annual Reports // Visegrad Fund. URL: <https://www.visegradfund.org/archive/annual-reports/> (дата обращения: 17.02.2024).

стороны, обозначило принципиальные вопросы, по которым внутри В4 нет консенсуса, с другой – была выведена формула успешного центральноевропейского сотрудничества прежде всего в сфере взаимодействия гражданских обществ. Вишеградский кризис также стал свидетельством растущих амбиций стран – участниц «четверки», их желания самостоятельно принимать деятельное участие в вопросах европейского и мирового уровня наравне с ведущими государствами. В этой связи очевидно, что позиция Венгрии и Словакии в отношении поставок ВиВТ на Украину лишь ускорила общий процесс перестройки объединения.

Произошедшие осенью 2023 г. политические перемены в Польше и Словакии, в ходе которых к власти пришли оппоненты предшествовавших руководителей государств, вряд ли смогли изменить общую не доверительную атмосферу внутри «четверки». Возвращение во власть либерального Дональда Туска на смену национал-консервативному Матеушу Моравецкому или четвертый срок Роберта Фицо на посту премьера Словакии привели лишь к перестановке слагаемых при сохранении суммы. Более того, оформилось новое деление группы: на смену чешско-словацкому тандему пришел словацко-венгерский, а Чехия стремилась к более тесному взаимодействию с Польшей. Последние два государства, которые в предшествовавшие годы пытались обозначить по-новому свое место в Европе, предприняли попытку отдалиться от негативного образа «четверки» через приближение к общеевропейскому мейнстриму. Примечательно, что на прошедшем в феврале 2024 г. саммите глав правительств В4, который откладывался в течение восьми месяцев, совместная встреча премьеров четырех государств, как отмечали обозреватели, длилась по времени меньше, чем двусторонние переговоры между польским и чешским коллегами¹⁵¹.

Что касается Словакии, то она, будучи признанным «отличником Евросоюза», стремилась получать выгоды от всех возможных форматов сотрудничества, не игнорируя первостепенность членства в ЕС и НАТО. В то же время словацкий премьер, несмотря на осуждение со стороны европейских партнеров, в конце декабря

¹⁵¹ V4 Leaders Agree on Energy, Immigration, but Russia Remains Elephant in Room // CET. 28.02.2024. URL: <https://centraleuropeantimes.com/2024/02/v4-leaders-agree-on-energy-immigration-but-russia-remains-elephant-in-room/> (дата обращения: 17.02.2024).

2024 г. совершил визит в Москву, где постарался договориться о продолжении поставок природного газа в Словакию на фоне желания Киева приостановить его транзит через свою территорию с 1 января 2025 г. Венгрия же продолжила реализовывать текущий многовекторный политический курс, присущий правительству Виктора Орбана. Подтверждением стала поездка премьера в Россию в первые дни председательства Венгрии в Совете ЕС в июле 2024 г. Тем самым он стал первым европейским политиком, побывавшим в РФ после начала вооруженного российско-украинского конфликта в 2022 г. Такие разнонаправленные действия центральноевропейских политиков не только не способствовали взаимному сближению, а наоборот отдаляли.

2.2. «Инициатива трех морей»: инфраструктурный аспект регионального сотрудничества

«Инициатива трех морей» (далее – Инициатива, ИТМ) – сегодня предельно узнаваемый проект регионального сотрудничества, объединяющий 13 государств Центральной и Юго-Восточной Европы (Польша, Хорватия, Австрия, Болгария, Греция, Литва, Латвия, Эстония, Венгрия, Чехия, Словакия, Румыния, Словения). За почти 10 лет существования данного форума он негласно приобрел статус геополитической концепции, корни которой лежали в исторических проектах руководителя межвоенного польского государства Юзефа Пилсудского (Междуморье)¹⁵² и министра иностранных дел Юзефа Бека («Третья Европа»)¹⁵³. Превалирующий интерес к политическому аспекту Инициативы можно проследить на основе значительного массива научной и публицистической литературы, где в центре внимания находятся вопросы, связанные с ее местом в европейской политике¹⁵⁴, ролью Варшавы в данном

¹⁵² Ворожеина Я.А., Курганский А.А. Генезис и эволюция польской геополитической концепции Междуморья // Современная Европа. 2023. № 1. С. 127–138. DOI: 10.31857/S0201708323010102

¹⁵³ Афонин А. Польские инициативы регионального формирования Центрально-Восточной Европы. Конец XX – первая четверть XXI вв. // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2024. № 3. С. 24.

¹⁵⁴ Zbinkowski G. The Three Seas Initiative and Its Economic and Geopolitical Effect on the European Union and Central and Eastern Europe // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 106–119. DOI: 10.2478/cer-2019-0015

региональном объединении¹⁵⁵, перспективами ИТМ стать новым центром роста ЕС, возможностями блока в противостоянии политике Кремля на фоне российско-украинского конфликта¹⁵⁶ и др. Хотя подобные темы возникали не на пустом месте и подкреплялись заявлениями политиков¹⁵⁷, в момент зарождения формата в середине 2010-х гг. он официально рассматривался прежде всего в качестве инструмента для преодоления негативных факторов в транспортно-инфраструктурной связности региона, решения проблем логистической доступности пространства в центре Европы, усиления энергетической безопасности и цифровизации.

Примечательно, что за прошедшие годы обозначенные цели не были опровергнуты. Наоборот, в официальных декларациях по итогам саммитов Инициативы, которые проводятся каждый год, стабильно декларируется приверженность данному курсу. Впрочем, эта сторона функционирования формата остается менее изученной, что формирует представление об отсутствии результатов на данном направлении. Поэтому стоит остановиться на рассмотрении инфраструктурного аспекта работы ИТМ, определить место этой проблематики в повестке объединения. Учитывая географическое центральное положение стран Вишеградской группы (В4) на пространстве между Балтийским и Черным и Адриатическими морями, следует более предметно изучить отношение и практическую вовлеченность Варшавы, Братиславы, Будапешта и Праги к данному проекту.

¹⁵⁵ *Шишелина Л.Н.* Идея «Триморья»: от возникновения до сегодняшнего дня // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 5. С. 33–38. DOI: 10.15211/vestnikieran520183338; *Ukielski P.* Inicjatywa Trójmorza w polskiej polityce zagranicznej // *Studia Europejskie – Studies in European Affairs*. 2018. No. 2. P. 45–58.

¹⁵⁶ *Borówka A.* Three Seas Initiative Capabilities in Terms of Diversification of Natural Gas Supply Versus Russian Federation Foreign Policy – A Geopolitical Approach // *Scientific Journal of the Military University of Land Forces*. 2020. Vol. 52. No. 3 (197). P. 501–512. DOI: 10.5604/01.3001.0014.3922

¹⁵⁷ Address by the President of the Republic of Poland Mr Andrzej Duda before the National Assembly // The Official Website of the President of the Republic of Poland. 06.09.2015. URL: <https://www.president.pl/news/address-by-the-president-of-the-republic-of-poland-mr-andrzej-duda-before-the-national-assembly,35979> (дата обращения: 03.02.2025).

Истоки ИТМ

Историю возникновения Инициативы в польской научной литературе принято связывать с публикацией в ноябре 2014 г. доклада «Достраивая Европу. От коридора Север – Юг к Союзу энергетики, транспорта и связи», подготовленного американским Атлантическим советом (Atlantic Council) и польским фондом «Центральноевропейские энергетические партнеры» (Central Europe Energy Partners)¹⁵⁸. В работе отмечалось, что интеграция стран ЦЕ¹⁵⁹ в ЕС была далека от завершения ввиду отсутствия «инфраструктурной связности» как между самими государствами, так и западноевропейскими партнерами. Подчеркивались слабые связи по оси Север – Юг из-за влияния наследия советской эпохи, когда «Москва активно препятствовала внутрирегиональной инфраструктурной интеграции, чтобы поддерживать высокий уровень зависимости от Советского Союза»¹⁶⁰. Авторы работы, среди которых был Ян Бжезинский, сын видного американского политика польского происхождения Збигнева Бжезинского, выделяли три сферы, где наиболее фактурно проявлялось отставание региона: энергетика, транспорт и телекоммуникации. Подчеркивалась необходимость преодоления разнородности национальных энергетических рынков, которые были изолированы от остального ЕС и подвержены монополии поставок углеводородов из России.

Начавшийся в 2014 г. конфликт на востоке Украины, по мнению американско-польских аналитиков, подтверждал своевременность момента для реанимации коридора Север – Юг. Работа в этом направлении должна была привести к экономической интеграции и обеспечению стабильности энергетического рынка ЕС. В будущем аналитики считали, что коридор Север – Юг сформирует мощную сеть экономических артерий, вбирающих в себя энергетические трубопроводы, линии электропередач, автомагистрали и железные

¹⁵⁸ Completing Europe From the North–South Corridor to Energy, Transportation, and Telecommunications Union // Atlantic Council. 2014. URL: <https://www.congress.gov/116/meeting/house/109245/witnesses/HHRG-116-FA14-Wstate-JonesJ-20190402-SD001.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁵⁹ Примечательно, что авторы доклада включают в центральноевропейский регион страны – участницы Вишеградской группы, страны Балтии, а также Словению и Хорватию. В то же время в работе упоминается группа стран ЦЕ-6 (Венгрия, Польша, Словакия, Румыния, Хорватия, Чехия), под которой подразумевается ядро будущего регионального объединения.

¹⁶⁰ Completing Europe... P. 1.

дороги, а также телекоммуникационные линии, простирающиеся от балтийского побережья Польши через Чехию, Словакию и Венгрию до побережья Хорватии. Его ответвления могли пройти через страны Балтии и Балканы и достигнуть Молдовы, Украины и Турции. Предполагалось, что созданная система более тесно свяжет Центральную и Западную Европу, дополнив существующую инфраструктуру на оси Запад – Восток. С самого начала важная роль в проекте отводилась Соединенным Штатам, которые могли внести лепту в обеспечение европейской безопасности за счет поставок СПГ, («тем самым продемонстрировав неизменную приверженность миру и процветанию в Европе, особенно в ЦЕ»)¹⁶¹. Примечательно, что для координации действий уже тогда предлагалось организовать Форум «Коридор Север – Юг».

Следующий шаг на пути создания Инициативы был сделан 8 сентября 2015 г. в ходе переговоров президента Польши Анжея Дуды и его хорватского коллеги Колинды Грабар Китарович на Экономическом форуме в Крынице, в рамках которых лидеры государств обсудили возможности конструирования платформы для объединения государств, расположенных на пространстве между тремя морями – Адриатическим, Балтийским и Черным¹⁶². Спустя три недели (29 сентября) на полях 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке по инициативе Грабар Китарович¹⁶³ прошла первая встреча представителей 12 центральноевропейских государств, где им был представлен проект адриатическо-балтийско-черноморского партнерства (Adriatic-Baltic-Black Sea Initiative)¹⁶⁴. На мероприятии присутствовали четыре президента (Хорватия, Польша, Румыния, Болгария), пять министров иностранных дел (Латвия, Литва, Эстония, Венгрия, Словакия) и три чиновника невысокого уровня (Австрия, Словения, Чехия).

¹⁶¹ Ibid. P. 2.

¹⁶² Croatia and Poland Advocate Sending NATO Invitation to Montenegro // CDM. 09.09.2015. URL: <https://www.cdm.me/english/croatia-and-poland-advocate-sending-nato-invitation-to-montenegro/> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁶³ Самойловская Н.А. О перспективах хорватской инициативы «Балтика – Адриатика – Черное море» // Международная аналитика. 2017. № 4 (22). С. 37–44.

¹⁶⁴ Croatian President Boosting Prospects for EU Independence from Russian Energy Supplies // Ina Vukic Blog. 14.10.2015. URL: <https://inavukic.com/tag/adriatic-baltic-black-sea-group/> (дата обращения: 03.02.2025).

Таким образом, с самого начала максимальное внимание к проекту проявили официальные Варшава, Загреб, Бухарест и София, в то время как представители Вены, Праги и Любляны не демонстрировали энтузиазма по этому поводу. Эксперты отмечают, что определенный скепсис также исходил и со стороны Будапешта и Братиславы. В этой связи неудивительно, что уже 8–9 октября Грабар Китарович приняла участие в саммите глав государств Вишеградской группы в г. Балатонфюреде, где также продвигала перспективы нового центральноевропейского сотрудничества¹⁶⁵. Выступая накануне в Университете Корвинус (Будапешт) перед венгерской аудиторией, состоящей, в т.ч. из лиц, принимающих решения в области международных отношений, хорватский лидер представила нарождающуюся Инициативу как региональный формат сотрудничества между странами ЦЕ для более эффективного представления общих интересов в институтах ЕС. Одновременно Инициатива была презентована как платформа сотрудничества для стран – участниц НАТО, обеспокоенных ухудшением ситуации в сфере региональной безопасности после 2014 г.¹⁶⁶

Несомненно, на подготовительном этапе заметную роль играла К. Грабар Китарович, которая с момента вступления в должность в марте 2015 г. и до лета 2016 г. совершила официальные визиты в ключевые страны региона (три визита в Словакию и Словению, два – в Венгрию, Австрию и Польшу, один – в Болгарию и Литву). Дипломатическая активность была нацелена на то, чтобы убедить колеблющиеся страны принять участие в первом саммите Инициативы и обозначить лидирующие позиции Хорватии в этом проекте. Кульминацией приложенных усилий стал саммит в Дубровнике, который прошел 25–26 августа 2016 г. под слоганом «Усиливая Европу. Объединяя Север и Юг». Несмотря на опасения некоторых внешних экспертов о том, что участники ИТМ проявят политические амбиции на фоне разворачивающегося миграционного кризиса, первая декларация, подписанная представителями 12 государств,

¹⁶⁵ Visegrad Group – Croatia Summit in Hungary ends // Hina. 09.10.2015. URL: <https://www.hina.hr/news/9043269> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁶⁶ Nagy D.A. Hungary towards the Three Seas Initiative // The Three Seas Initiative before the Bucharest Summit 2023: The Perspective of Selected Participating Countries. Policy Papers 9. Ed. by Ł. Lewkowicz. Lublin, 2023. P. 18. URL: https://ies.lublin.pl/wp-content/uploads/2023/06/ies_policy_papers_no_2023-009.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

отчетливо свидетельствовала об отсутствии таких намерений. «Инициатива трех морей» была охарактеризована как «неформальная платформа для обеспечения политической поддержки и решительных действий по конкретным трансграничным и макрорегиональным проектам, имеющим стратегическое значение для государств ЦЕ в сфере энергетики, транспорта и цифровой экономики»¹⁶⁷. Таким образом ее инфраструктурная составляющая, нацеленная на усиление связей по оси Север – Юг, была определена в качестве единственной темы взаимодействия, в то же время вопросы, связанные с безопасностью и угрозами, исходящими с Востока, не были зафиксированы в документе. На саммите многократно подчеркивалась идея, что Инициатива является инструментом для углубления евроинтеграции и не представляет собой какую-либо альтернативу ЕС. Участники мероприятия четко заявили, что Инициатива – это экономический проект, цель которого – усиление региона¹⁶⁸.

Несмотря на придаваемое значение мероприятию 2016 г. в Хорватии, эксперты из разных стран сходились в мнении, что оно не получило должного освещения и осталось практически незамеченным в большинстве стран – участниц ИТМ, за исключением Хорватии, Польши и Румынии. Венгерский политолог Миклош Митровиц указал на то, что сообщения в местных СМИ были малочисленны и поверхностны, а исследователи не придали значение перспективам объединения¹⁶⁹. Впрочем, ситуация изменилась на фоне участия американского президента Дональда Трампа во втором саммите Инициативы в 2017 г. в Варшаве. Более того, польский политолог Агнешка Озельска-Стончек полагала, что данный форум стал главным политическим событием в Центральной

¹⁶⁷ The Joint Statement on the Three Seas Initiative (The Dubrovnik Statement). 25.08.2016. URL: https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/DUBROVNIK_deklaratsioon_2016.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁶⁸ The Emergence of a European Project. Three Summits for the Three Seas Initiative // New Strategy Center. OSW.

¹⁶⁹ *Mitrovits M.* The Hungarian Reception of the Three Seas Initiative in Academic Publications // The Three Seas Initiative an Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches. Ed. by A. Orzelska-Stączek. P. 85. URL: <https://3si.politic.edu.pl/wp-content/uploads/2024/09/Three-Seas-Initiative-Research-Center.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

Европе за 2017 г.¹⁷⁰ В этой связи можно вполне обоснованно говорить о перезапуске Инициативы и придании ей дополнительной динамики, но уже под негласным руководством польской стороны. Озельска-Стончек справедливо отмечает, что в последующие месяцы произошли неожиданные изменения в сдержанной политике ФРГ и европейских институтов¹⁷¹. Как следствие, в третьем саммите ИТМ, прошедшем в Бухаресте в 2018 г., впервые приняли участие председатель Еврокомиссии (ЕК) Жан-Клод Юнкер, президент Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) Сума Чакрабартти, президент Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) Вернер Хойер, а также министр иностранных дел Германии Хайко Маас¹⁷².

Бухарестский саммит принес качественные изменения в Инициативу – от разработки целей и стратегий случился переход к фазе реализации идей. Так, в румынской столице состоялся первый бизнес-форум ИТМ, в котором приняли участие более 600 человек, тогда же было сделано совместное заявление о создании сети торгово-промышленных палат стран – участниц объединения (3SI Network of Chambers of Commerce). Важным событием стало подписание соглашения о намерениях по созданию инвестиционного фонда между финансовыми институтами Польши, Хорватии, Чехии, Латвии, Румынии и Словакии. У Инициативы появились официальные страны-партнеры (США и Германия) и институциональные партнеры: ЕК, ЕИБ, ЕБРР и группа Всемирного банка. Однако главным результатом саммита в области инфраструктурного сотрудничества стало утверждение перечня из 48 позиций под названием «Инициатива трех морей – приоритетные проекты по взаимодействию»¹⁷³ (рис. 1). Примечательно, что в принятой по итогам саммита декларации

¹⁷⁰ *Orzelska-Stączek A.* The Three Seas Initiative as an Opportunity and a Challenge for Small States // Small States within the European Union. Challenges – Dilemmas – Strategies. Ed. by P. Bajda. Wydawnictwo Akademii Wymiaru Sprawiedliwości. P. 136. DOI: 10.4324/978100

¹⁷¹ *Orzelska-Stączek A.* Fundusz inwestycyjny inicjatywy Trójmorza: geneza i etapy rozwoju // Studia Polityczne. 2023. Vol. 51. No. 1. S. 133–149. DOI: 10.35757/STP.2023.51.1.06

¹⁷² *Хорольская М.В.* Участие Германии в «Инициативе трех морей»: перспективы для России // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 2. С. 87. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-2-6

¹⁷³ The Three Seas Initiative – Priority Interconnection Projects. URL: three-seas.eu/wp-content/uploads/2018/09/LIST-OF-PRIORITY-INTERCONNECTION-PROJECTS-2018.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

первый пункт документа был посвящен именно этому достижению¹⁷⁴, что подтверждает первостепенную значимость транспортно-логистических и энергетических проектов для участников данного центральноевропейского форума.

Рис. 1. Инфраструктурные проекты «Инициативы трех морей» (2018–2024 гг.)

Источник: составлено автором

Следующий саммит в Словении (Любляна, 5–6 июня 2019 г.) продемонстрировал замедление прогресса в развитии Инициативы. Но уже мероприятие в Эстонии, перенесенное с лета на осень 2020 г. из-за коронавирусных ограничений, наоборот усилило позиции ИТМ, что выразилось в значительном увеличении количества проектов (+37%), выдвинутых Венгрией, Латвией, Литвой, Словенией и Польшей. Местные власти придавали большое значение событию, оценивая его наравне с заседанием министров иностранных дел НАТО в 2010 г. и встречами, проведенными в ходе

¹⁷⁴ Joint Declaration of the Third Summit of the Three Seas Initiative (Bucharest, 17–18 September 2018). URL: https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/BUCHAREST-SUMMIT-JOINT-DECLARATION_2018.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

председательства Эстонии в Совете ЕС в 2017 г.¹⁷⁵ В 2021 г. саммит в Болгарии подтвердил доминирование инфраструктурного аспекта («краеугольный камень») в деятельности Инициативы¹⁷⁶. Подписанты софийской декларации сходились в мнении, что ежегодно проводимые форумы были хорошей площадкой для наработки связей между «парламентами, местными органами власти, торговыми палатами, бизнес-ассоциациями, МСП, технопарками, стартапами и финансово-технологическими компаниями, цифровыми центрами обработки данных и зелеными промышленными зонами»¹⁷⁷.

Видимая трансформация Инициативы произошла на фоне обострившегося в 2022 г. российско-украинского конфликта. Принятые с 2022 по 2024 гг. декларации в Риге, Бухаресте и Таллине отчетливо свидетельствовали о размытии озвучиваемых на официальном уровне целей объединения. Если ранее чиновники стремились скрыть факт политических амбиций или военной составляющей проекта, то теперь открыто было зафиксировано, что создаваемая под эгидой Инициативы инфраструктура имела «двойное назначение» и повышала как гражданскую, так и военную мобильность в соответствии с Планом действий ЕС по военной мобильности (EU Action Plan on Military Mobility)¹⁷⁸. Инициатива также стала площадкой для продвижения идеи о скором членстве Украины в ЕС; было сделано предложение о ее использовании в качестве платформы для восстановления этой страны в будущем. Неудивительно, что в 2023 г. Украина совместно с Молдавией стали ассоциированными участниками ИТМ, а в 2024 г. 25 транспортных и энергетических проектов в эти государствах дополнили список инфраструктурных приоритетов объединения. События, стартовавшие в 2022 г., дали

¹⁷⁵ Estonian Foreign Minister: For Us, the Success of the Tallinn Summit Is about Generating and Agreeing upon the Practical Deliverables // The Three Seas Initiative Research Center. URL: <https://3seas.eu/media/news/estonian-foreign-minister-for-us-the-success-of-the-tallinn-summit-is-about-generating-and-agreeing-upon-the-practical-deliverables> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁷⁶ Joint Declaration of the Sixth Summit of the Three Seas Initiative // The Three Seas Initiative Research Center. URL: <https://3seas.eu/event/joint-declaration-of-the-sixth-summit-of-the-three-seas-initiative> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁷⁷ Ibid.

¹⁷⁸ Joint Declaration of the Eighth Summit of the Three Seas Initiative (Bucharest, 6–7 September 2023) // The Three Seas Initiative Research Center. URL: <https://3si.politic.edu.pl/joint-declaration-of-the-eighth-summit-of-the-three-seas-initiative-bucharest-6-7-september-2023/> (дата обращения: 03.02.2025).

участникам Инициативы возможность говорить об обоснованности концепции форума центральноевропейских государств и необходимости срочной реализации ее целей.

Среди новшеств ИТМ за последние три года следует выделить запуск в 2022 г. Гражданского форума «Инициативы трех морей» (3SI Civil Society Forum). В 2023 г. на бухарестском саммите Греция стала 13-м участником объединения, а Польша, Болгария, Литва и Румыния приняли решение об открытии Ассоциации развития бизнеса (Three Seas Business Development Association). В 2024 г. в Вильнюсе Япония присоединилась к числу стратегических партнеров Инициативы; было подписано письмо о намерении открыть второй Инвестиционный фонд; было объявлено о старте работы Инновационного фонда (3SI Innovation Fund) совместно с Европейским инвестиционным фондом (European Investment Fund).

Инвестиционный фонд Инициативы

Несмотря на сформировавшуюся за 10 лет вокруг Инициативы экосистему различных форумов, ассоциаций и фондов, отметим, что она до сих пор не является международной организацией и выступает в качестве модели постоянного партнерства, в основе которого лежат ежегодные президентские саммиты, где регулярно принимаются декларации о намерениях (не обязательные к исполнению). Ее работа основана на характерной для ЦЕ модели сотрудничества, для которой свойственна повторяемость и отсутствие организационных структур. Таким образом, в основе функционирования ИТМ лежит т.н. дипломатия саммитов, дополненная различными форматами взаимодействия.

На фоне отсутствия постоянных институциональных структур Инициативы внимание исследователей часто привлекает деятельность Инвестиционного фонда «Инициативы трех морей» (The Three Seas Initiative Investment Fund, 3SIIF), который, однако, имеет достаточно запутанную структуру управления и слабую организационную привязку к ИТМ¹⁷⁹.

¹⁷⁹ The Three Seas Initiative Investment Fund // Amber Infrastructure Group. URL: <https://www.amberinfrastructure.com/funds/three-seas-initiative-investment-fund/> (дата обращения: 03.02.2025).

Первый шаг к созданию инвестиционного фонда Инициативы был сделан 17 сентября 2018 г.¹⁸⁰, когда представители финансовых учреждений из шести стран (Польша, Хорватия, Чехия, Латвия, Румыния и Словакия) подписали соглашение о подобном намерении. Спустя полгода (19 мая 2019 г.) в Люксембурге руководители польского (BGK) и румынского банков (Eximbank Romania) зарегистрировали нотариальный акт об основании Фонда. На тот момент его учредители заявили о совместном взносе 520 млн евро, из которых 500 млн евро исходило от BGK, а 20 млн евро – от Eximbank Romania. 26 февраля 2020 г. в Риге было объявлено, что управление фондом передавалось британской инвестиционной компании Amber Fund Management Limited. Таким образом отметим, что, во-первых, среди основателей Фонда не было Хорватии, которая изначально рассматривалась в качестве страны – лидера Инициативы, во-вторых, данная финансовая структура оказалась самостоятельным юридическим лицом, зарегистрированным за пределами стран – участниц ИТМ, в-третьих, выбор приоритетных проектов был предоставлен третьей стороне, что также дистанцировало Фонд от самой Инициативы.

На таллинском саммите ИТМ осенью 2020 г. число инвесторов Фонда пополнилось за счет присоединения Венгрии, Болгарии, Латвии, Литвы, Словении, Хорватии и Эстонии. В то же время Австрия, Словакия и Чехия не поддерживали данную инициативу, хотя чехи и словаки ранее подписывали письма о поддержке Фонда и выражали намерение присоединиться к нему, но без финансовых обязательств. Впрочем, впоследствии эти страны воспользовались возможностью назначить своих представителей в Совет фонда, хотя и не стали его акционерами. Что касается австрийских властей, то они неоднократно заявляли об отсутствии интереса к подобному инвестиционному институту. Однако это не помешало австрийской компании Енегу, работающей в нескольких странах ЦЕ, в 2021 г. оказаться в портфеле инвестиций Фонда.

Нужно иметь в виду, что хотя в официальных документах шла речь о решении стран присоединиться к Фонду, на самом деле

¹⁸⁰ Польский исследователь Озельска-Стончек указывает на символичность даты подписания соглашения. По мнению Озельска-Стончек, она важна для построения нарратива о Фонде как элементе укрепления региона против «российской угрозы». См.: *Orzelska-Stanczek A. Fundusz inwestycyjny...*

к его работе подключались банковские структуры соответствующих государств (см. табл. 1), которые могли быть достаточно самостоятельны при принятии решений. Несмотря на добавление еще семи государств, доминирующая роль в Фонде оставалась за польской стороной, которая вложила в него более 80% всех средств, остальные страны (за исключением Словении – 23 млн евро) выделили по 20 млн евро. Еще 15 млн евро были предоставлены частными инвесторами, имена которых не раскрывались. Таким образом, к маю 2022 г. бюджет Фонда составил 928 млн евро.

Песпективы увеличения капиталовложений Фонда его представители связывали с громким заявлением госсекретаря США Майка Помпео на Мюнхенской конференции по безопасности (15 февраля 2020 г.), где он сказал о намерении Вашингтона инвестировать до 1 млрд долл. в инфраструктуру стран Инициативы¹⁸¹. (Вероятно, это событие послужило спусковым механизмом для некоторых участников ИТМ принять решение об инвестициях средств в Фонд.) Впрочем, в следующие два года, осложненные коронавирусной пандемией и приходом к власти администрации Джоозефа Байдена, американская сторона не предпринимала никаких конкретных шагов по реализации этих намерений. Данная тема получила развитие уже в 2022 г., когда на полях саммита в Риге было озвучено решение Соединенных Штатов, используя возможности Международной финансовой корпорации развития США (U. S. International Development Finance Corporation, DFC), вложить 300 млн долл. (280 млн евро) в Фонд. Через год в Бухаресте это намерение было юридически оформлено, что должно было увеличить капитализацию Фонда до 1,3 млрд евро¹⁸².

¹⁸¹ US Commits \$1 Billion Dollars to Develop Central European Infrastructure // Atlantic Council. 15.02.2020. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/news/press-releases/us-commits-1-billion-dollars-to-develop-central-european-infrastructure/> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁸² DFC Underscores Commitment to Catalyze Private Sector Investment in Clean Energy and Energy Security at the Three Seas Summit // DFC. 08.09.2023. URL: <https://www.dfc.gov/media/press-releases/dfc-underscores-commitment-catalyze-private-sector-investment-clean-energy-and> (дата обращения: 03.02.2025).

**Центральноевропейские вкладчики инвестиционного фонда
«Инициативы трех морей»**

Государство	Организация развития	Выделенные средства (млн евро)	Процент
Польша	Bank Gospodarstwa Krajowego	750	84%
Словения	Slovenska izvozna in razvojna banka	23	3%
Венгрия	EXIM	20	2%
Болгария	Bulgarian Development Bank	20	2%
Латвия	Altum	20	2%
Литва	Investicijų ir verslo garantijos	20	2%
Румыния	EximBank	20	2%
Хорватия	Hrvatska banka za obnovu i razvitak	20	2%
Эстония	Rahandusministeerium	20	2%

Источник: Three Seas Initiative Investment Fund. Basic information // The Three Seas Initiative Research Center. URL: https://3si.politic.edu.pl/wp-content/uploads/2024/07/Prezentacja-2_Three-Seas-Initiative-Investment-Fund.pptx (дата обращения: 03.02.2025).

На данный момент в портфеле Фонда находится пять проектов (три из которых завершены и два находятся в процессе реализации). Первой инвестицией стала покупка в ноябре 2020 г. 100% акций польской компании Cargounit, специализирующейся на аренде и лизинге локомотивов в странах ЦЕ¹⁸³. Аналитики объясняли важность этого актива тем, что он мог усилить связность региона и повысить динамику перевозки грузов по ж/д путям. В этой связи акцент был сделан на обновлении подвижного состава: с 2020 по 2024 гг. было подписано несколько соглашений о приобретении около 200 новых локомотивов (фирмы SIEMENS, NEWAG, PESA).

¹⁸³ About Us // Cargounit. URL: <https://cargounit.eu/en/about-us/> (дата обращения: 03.02.2025).

Второе вложение Фонда (декабрь 2020 г.) было сделано в постройку дата-центров в Эстонии компании Greenergy Data Centers. Проект должен был усилить надежность цифровой инфраструктуры региона. К февралю 2022 г. была завершена первая очередь строительства центра, в конце 2024 г. велось сооружение второй очереди¹⁸⁴. В мае 2021 г. было объявлено о третьей инвестиции Фонда в проект Enegy в области генерации возобновляемых источников энергии посредством солнечных батарей. Несмотря на австрийское происхождение, компания имела работающие станции в Чехии (43), Словакии (3), Болгарии (2), Румынии (12) и Эстонии (2). Примечательно, что первые инвестиции Фонда на сумму 440 млн евро закрывали три ключевые темы инфраструктурного сотрудничества стран – участниц Инициативы: транспорт (Cargounit), энергетика (Enegy) и телекоммуникации (Greenergy Data Centers) – и, скорее всего, были подобраны не случайно.

К июлю 2022 г. завершилась сделка на 200 млн евро по приобретению миноритарной доли в компании BMF Port Burgas, которая управляла двумя терминалами в крупнейшем болгарском порту Бургас. Было подчеркнуто, что данный инфраструктурный объект являлся ближайшим к Босфору глубоководным портом и играл ключевую роль как морские ворота в Софию и Пловдив, крупные промышленные города Болгарии. Сам Бургас также был конечной точкой ж/д линии София – Пловдив – Бургас и являлся частью Трансевропейской транспортной сети (TEN-T). Более того, порт мог послужить важным звеном в Транскаспийском международном транспортном маршруте, соединив Китай и Юго-Восточную Азию с Европой¹⁸⁵. Последним на данный момент проектом Фонда стала инвестиция в феврале 2023 г. 150 млн евро в польскую компанию R.Power Renewables, производителя энергии от возобновляемых источников. Ее привлекательность обосновывалась вовлеченностью в полный цикл выработки энергии от разработки и создания фотоэлектрических установок до сервисного обслуживания и

¹⁸⁴ Greenergy Data Centers. URL: <https://www.greenergydatacenters.com/> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁸⁵ BMF Port Burgas. URL: <https://navbul-portburgas.com/about-us/?lang=en> (дата обращения: 03.02.2025).

самостоятельной генерации электричества¹⁸⁶. Примечательно также, что в октябре 2023 г. в эту сделку удалось привлечь дополнительные 100 млн евро от ЕБРР. Важно отметить, что деятельность R.Power Renewables распространялась далеко за пределы ЦЕ (Польша, Румыния) и доходила до Германии, Италии, Испании и Португалии.

Анализируя работу инвестиционного фонда ИТМ в рассматриваемый период, отметим, что данная структура после завершения процедур, связанных с ее регистрацией в западноевропейских юрисдикциях, максимально отделилась от Инициативы, превратившись в очередной инвестиционный инструмент на европейском рынке. Инвестиции осуществлялись в отношении уже готового, экономически рентабельного бизнеса, зачастую не связанного напрямую с ЦЕ и озвученными целями ИТМ. Вполне характерной стала банальная покупка успешного предприятия с целью придать ему дополнительный импульс для роста. Таким образом Фонд не вкладывался в новые проекты, находившиеся на стадии разработки. Обоснованность работы с конкретным проектом подтверждалась его соответствием «зеленой политике» ЕС и реализацией целей устойчивого развития (ЦУР). Также выделим тот факт, что несмотря на участие в Инициативе 13 государств, интерес к Фонду проявили девять из них, из которых доминирующая роль была у Польши. Это создавало ситуацию, когда набор реализуемых проектов формировался не только из экономической целесообразности, но и с учетом интересов Варшавы, стремящейся укрепить свою инфраструктуру и энергобезопасность.

Инфраструктурные проекты стран В4

Список приоритетных инфраструктурных проектов Инициативы начал формироваться с 2018 г. и к 2024 г. в нем насчитывалось 143 позиции. Каждая страна-участница имела право предложить свой вариант, единственным критерием принятия которого было соответствие целям и задачам объединения. Амбиции государств отличались: если Австрия за всё время не предложила ни одного проекта, то Хорватия была постоянным лидером по

¹⁸⁶ R.Power at a Glance. URL: <https://rpower.solar/en/about-us/> (дата обращения: 03.02.2025).

их количеству (рис. 2). 51% проектов был в области транспорта, 39% – в энергетической сфере и 10% – в телекоммуникационной индустрии. Согласно оценкам экономистов, на реализацию озвученных планов требовалось свыше 111 млрд евро, из которых, однако, только 37% к 2024 г. было обеспечено обязательствами со стороны европейских институтов. Интересно, что финансирование осуществлялось по различным каналам: 27% исходило из национальных бюджетов стран – участниц ИТМ, 27% – из ЕСовского Фонда по соединению Европы (Connecting Europe Facility, CEF), 15% – из других источников, 11% – из иных фондов ЕС, 8% – из ЕИБ, 8% – из Инвестиционного фонда ИТМ, 4% – из ЕБРР. Таким образом очевидно, что реализация озвученных планов была возможна только при содействии Брюсселя, и страны ЦЕ не рассчитывали на собственные возможности. На данный момент 14 проектов завершены, 19 находятся в стадии реализации, 15 проходят обсуждение, а большая часть (95) просто зарегистрированы.

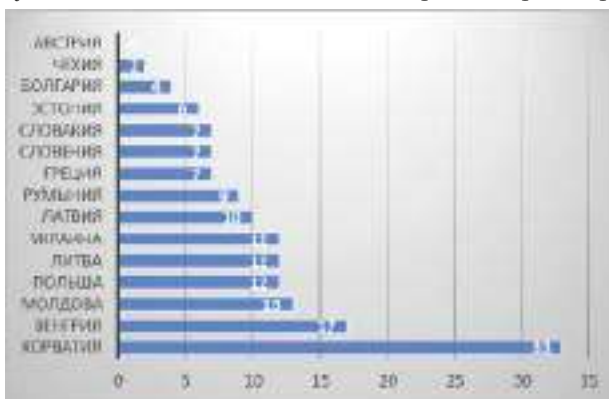

Рис. 2. Распределение инфраструктурных проектов «Инициативы трех морей» по странам (2024 г.)

Источник: Status Report of 2024. 3seas. URL: projects.3seas.eu/report (дата обращения: 03.02.2025).

ПОЛЬША. Несмотря на размещение Польши на четвертом месте по количеству инфраструктурных проектов, оно не отражает позицию страны в Инициативе и ее вовлеченность в их реализа-

цию. Прежде всего польское руководство стремилось удовлетворить собственные политические амбиции, рассматривая объединение как «некий форум для укрепления национальных интересов отдельных стран, но не целой группы»¹⁸⁷. В то же время данный формат сотрудничества был интересен Варшаве как инструмент консолидации центральноевропейских государств для решения схожих проблем¹⁸⁸, в первую очередь инфраструктурных, и привлечения дополнительных средств из фондов ЕС. Таким образом ИТМ могла использоваться для усиления голоса группы центральноевропейских стран при обсуждении вопросов, связанных с распределением средств в рамках ЕС. В этой связи многие проекты, фактическими инициаторами которых выступали польские партнеры, также были критически важны для самих поляков. На правах соучредителей они принимали участие еще в 24 проектах.

В отличие от союзников по В4 польское руководство изначально понимало предназначение Инициативы, и поэтому неудивительно, что проекты, выдвинутые в качестве приоритетных, являлись предельно востребованными и вписывались в долгосрочные планы по развитию национальной инфраструктуры (табл. 2). Польский исследователь М. Чех полагал, что именно наличие перспективных нереализованных проектов как *Via Carpatia* стало импульсом для возникновения этого центральноевропейского объединения, а не наоборот¹⁸⁹. Логика Варшавы в сфере транспорта исходила из трех базовых задач: 1) необходимости усилить инфраструктурную связность балтийского, черноморского и адриатического регионов; 2) модернизации трансграничных коммуникаций с южными соседями (Чехией и Словакией); 3) улучшения ж/д сообщения внутри страны, в т.ч. за счет строительства высокоскоростных магистралей. Флагманскими проектами Польши стали строительство автомобильной дороги *Via Carpatia*, которая должна была соединить литовскую Клайпеду с греческими

¹⁸⁷ *Nitszke A.* Inicjatywa Trójmorza. Role – funkcje – kontrowersje z perspektywy teorii europeizacji // *Rocznik Integracji Europejskiej*. 2022. Vol. 16. P. 308. DOI: 10.14746/rie.2022.16.18

¹⁸⁸ *Sienkiewicz M.* Koncepcja Trójmorza w polityce zagranicznej polski po 2015 r. // *Dyplomacja i Bezpieczeństwo*. 2016. Vol. 1. No. 4. P. 139–151.

¹⁸⁹ *Czech M.* *Via Carpatia* w polityce transportowej Unii Europejskiej. Praca Doktorska. Rzeszów, 2022. URL: <https://repozytorium.ur.edu.pl/server/api/core/bitstreams/5730c00c-d1f8-41eb-9f93-c263e0d7d925/content> (дата обращения: 03.02.2025).

Салониками; Балтико-Адриатический ж/д коридор между польским Гданьском и итальянской Болоньей; Rail Baltica – ж/д магистраль, нацеленная на преодоление препятствий в связности между Польшей и странами Балтии; грузовой коридор «Янтарь» – ж/д маршрут, соединяющий Варшаву со словенским портом Копером. Особенностью польского погружения в ИТМ было то, что происходило поступательное расширение масштабов участия в ней. Так, например, в 2020 и 2023 гг. в список приоритетов были добавлены проекты по строительству комплекса высокоскоростных ж/д в Польше, связанные с национальным планом Центрального коммуникационного порта (Centralny Port Komunikacyjny). Предварительные инвестиции оценивались в 14 млрд евро, что делало этот проект самым дорогостоящим. В сфере энергетики поляки поступательно добивались задач по обеспечению максимальной диверсификации источников поступления природного газа и созданию из Польши центральноевропейского энергетического хаба за счет разветвленной сети интерконнекторов с соседними странами. Прежде всего речь шла о необходимости создания надежной структуры поставки энергоресурсов по коридору Север – Юг, который снабжался бы голубым топливом из норвежских месторождений и американского СПГ. Несмотря на то, что Варшава выступила инициатором только трех проектов в области энергетики, она была активным участником десятка других начинаний. Наиболее масштабными были проекты по сооружению газопроводов между Литвой (GIPL, реализован), Чехией (STORK 2), Словакией и Украиной.

Таблица 2

Инфраструктурные проекты Польши в рамках Инициативы

Название проекта	Статус	Страны, участвующие в проекте	Бюджет проекта (млн евро)	Год начала проекта	Год ожидаемого завершения проекта	Комментарий
Энергетика						
GIPL	Завершено	LV, LT, EE	330	2019	2022	Трубопровод соединяет газотранспортные системы Польши и Литвы. Обеспечивается интеграция изолированных газовых рынков стран Балтии (и Финляндии) с Польшей и ЕС

Продолжение таблицы 2

Диверсификация источников газа в странах Инициативы	Значительный прогресс	SK + DK, NO, UA	1 563	2018	2031	Проект предполагает строительство новой и модернизацию уже имеющейся инфраструктуры. 1) Усиление мощностей газопровода Baltic pipe, 2) возведение польско-словацкого интерконнектора, 3) постройка польско-украинского интерконнектора, 4) расширение СПГ терминала в Свиноустье
Posejdon + HyFly2	Зарегистрирован	LV, LT, EE + FI, SE	854	2023	2030	Цель проекта – использовать избыточную выработку электроэнергии морских ветровых электростанций для производства «зеленого» водорода на Мажейском нефтеперерабатывающем комплексе в Литве для замены «серого» водорода (производство на основе газа), используемого в процессах нефтепереработки
Транспорт						
Via Carpatia	Ведутся работы	BG, LT, HR, EL, HU, RO, SK	6 500	2018	2027	А/м маршрут пройдет по оси Север – Юг через Литву, Польшу, Словакию, Венгрию, Грецию и Румынию. Должен связать следующие города: Клайпеда – Каунас – Белосток – Люблин – Жешув – Кошице – Мишкольц – Дебрецен – Орадя – Лугож – Констанца – София – Салоники
Балтико-Адриатический коридор	Значительный прогресс	AT, CZ, SK, SI	8 200	2018	2030	Благодаря реализации Балтийско-Адриатического коридора, усиливаются транспортные потоки между балтийскими и адриатическими портами и их внутренними районами
Rail Baltica	Ведутся работы	LV, LT, EE	3 449	2018	–	840 км новой ж/д инфраструктуры в Литве, Латвии и Эстонии и 370 км модернизированной инфраструктуры в Польше

Окончание таблицы 2

Грузовой коридор «Янтарь»	Завершено	HU, SK, SI	461	2018	2019	Создание коридора обеспечивает связь между портами Адриатического моря в Словении и внутренними портами на Дунае в Венгрии и Словакии, а также открывает перспективы развития ж/д сообщения с Сербией и улучшения ж/д соединения по направлению Европа – Азия
Улучшение польско-чешского речного сообщения	Зарегистрирован	CZ	–	2023	2030+	Улучшение транспортного сообщения по Одерскому водному пути на участке от Гливице, Ополе, Кендзежина-Козле до морских портов Щецин и Свиноуйсьце с возможностью транспортировки грузов из островской агломерации
Высокоскоростное ж/д сообщение Польши	Ведутся работы	CZ, SK + DE, UA	14 000	2020	2030+	Цель проекта – создание системы межрегиональных и международных пассажирских ж/д линий
Высокоскоростное ж/д сообщение Варшава – Люблин – Травники – Замосць с перспективой продления до Львова	Зарегистрирован	UA	163	2023		–
Телекоммуникации						
Расширение возможностей дронов	Завершено	UA, MD	–	2018	2022	Основная цель – создать среду, обеспечивающую безопасную интеграцию беспилотников в воздушное пространство, и в экономику в целом

Источник: Projects // 3seas. URL: <https://projects.3seas.eu/> (дата обращения: 03.02.2025).

ВЕНГРИЯ. Если важность участия в Инициативе в польской научной литературе практически не ставилась под сомнение, и все эксперты сходились в мнении, что данный проект усиливает европейские и международные позиции страны, то в других государствах В4 настроения были иные. Венгерские ученые рассматривали объединение преимущественно как польскую геополитическую концепцию, которая отражала ее властные амбиции¹⁹⁰. Например, аналитик Беатрис Тёльдьеши, говоря о том, что одной из целей Варшавы является стать энергетическим хабом ЦЕ, указывал на незаинтересованность Будапешта, который был предельно зависим от энергопоставок из России и не желал полностью переходить на американский СПГ, активно продвигавшийся поляками. Также звучало мнение об опасениях венгров, что со временем Инициатива сумеет заместить Вишеградскую группу. Преимущества последней им виделись в том, что она «могла быстрее реагировать на современные вызовы, и в то же время не требовала никаких сложных предварительных процедур»¹⁹¹.

Тем удивительнее, что страна подала на регистрацию значительное количество инфраструктурных проектов, опередив Польшу. Политолог Сусанна Вег находит объяснение такому подходу в следующем: во-первых, Будапешт увидел добавленную ценность объединения на фоне растущей с 2020 г. поддержки Вашингтона, который озвучил планы по значительным инвестициям в регион; во-вторых, ИТМ стала рассматриваться прагматично как экономический проект, способный привлечь дополнительное финансирование из новых источников для создания энергетических и транспортно-инфраструктурных проектов необходимых для сопряжения стран ЦЕ¹⁹². Примечательно, что если на первых саммитах Инициативы страну представлял президент Янош Адер, то на последующих в делегации присутствовал уже министр иностранных дел Петер

¹⁹⁰ *Mitrovits M.* Op. cit.

¹⁹¹ *Gonczi R.* Hungary towards the Three Seas Initiative // Warsaw Institute. 13.12.2022. URL: <https://warsawinstitute.org/hungary-towards-the-three-seas-initiative/> (дата обращения: 03.02.2025).

¹⁹² *Dostál V., Strážay T., Végh Zs.* The Perspective of the Czech Republic, Hungary, and Slovakia on the Three Seas Initiative // AMO. June 2021. URL: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2021/06/AMO_The_Perspective_on_the_3SI.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

Сийярто. Эксперты увидели в этом сигнал, свидетельствующий о возникновении практического интереса к объединению ввиду символической роли главы государства в венгерской политической системе.

Что касается самих проектов, то все 17 из них были зарегистрированы в 2020 г. и на данный момент ни один не завершен (табл. 3). Транспортные проекты нацелены на обновление ж/д инфраструктуры, увеличение пропускной способности путей. Логика преобразований связана с желанием сделать Венгрию комфортной для транзита грузовых товаров, обеспечить их постоянный поток на фоне существующих и складывающихся маршрутов между Юго-Восточной Европой – Турцией и Западной Европой. В энергетической сфере Будапешт стремился защитить собственную безопасность за счет усиления связности с соседями (Румыния, Словакия, Хорватия), диверсифицируя источники поступления природного газа в страну. Акцент также был сделан на развитие технологий в области энергии водорода, который в перспективе мог прийти на смену газу. В то же время шла речь о перспективах добычи сланцевого газа, залежей которого, по мнению венгерских ученых, в стране было достаточно. При этом несколько проектов были нацелены на обновление существующих ТЭЦ за счет их перевода с «грязных» источников энергии на более экологически чистые. В рамках цифровизации планировалось обеспечить надежное интернет-соединение с помощью сетей нового поколения 5G вдоль ж/д путей, а также создать центральноевропейскую инфраструктуру для высокопроизводительных вычислений. Венгрия также участвует в 18 многосторонних проектах. Наиболее значимыми из них в транспортной сфере стоит назвать: грузовой коридор «Янтарь», участок автодороги на венгеро-хорватской границе, Rail-2-Sea (ж/д дорога, соединяющая польский Гданьск с румынской Констанцей) и Via Carpatia. В энергетической сфере венгры присоединились к румынской инициативе по созданию газопровода BRUA, усилению мощностей газопровода Слободница (Хорватия) – Варошфьолд (Венгрия), словацкому газовому коридору Eastring.

Таблица 3

**Инфраструктурные проекты Венгрии в рамках
«Инициативы трех морей»**

Название проекта	Статус	Страны, участвующие в проекте	Бюджет (млн евро)	Год начала проекта	Год завершения проекта	Комментарий
Транспорт						
Строительство участка ж / д дороги (Залашенти-ван)	Зарегистрирован	–	–	2020	–	–
Строительство второго пути на участке дороги Шопрон – Дьёр	Зарегистрирован	–	–	2020	–	Данный проект улучшит доступ к интермодальному терминалу и сортировочной станции Шопрон. Она выполняет функцию шлюза для международных перевозок между Западной и Юго-Восточной Европой – Турцией
ROHU – вторая фаза	Зарегистрирован	AT, RO, SK, SI + UA	–	2020		Вторая очередь газопровода ROHU увеличит его совокупную мощность до 4,4 млрд м³ в год, что позволит газовым ресурсам с румынского побережья Черного моря достичь Венгрии и Центральной Европы
HUSIT	Зарегистрирован	SI – IT	–	2020		Газовый коридор Венгрия – Словения – Италия (HUSIT) послужит диверсификации маршрутов и источников, обеспечивающих транзит румынского газа в Италию. Газопровод станет точкой доступа Венгрии и ряда других стран Центральной и Восточной Европы к итальянскому рынку СПГ

Продолжение таблицы 3

Изучение водорода	Зареги- стрирован	–	–	2020	–	Помимо ядерной и солнечной энергии, третьим по важности возобновляемым источником энергии может стать водород. Однако высокая стоимость технологии должна значительно снизиться в ближайшие годы. Для этого необходимы дальнейшие разработки, что является капиталоемким процессом
Добыча нетрадиционного газа	Зареги- стрирован	AT, RO, SK	200	2020	–	Венгрия имеет значительные запасы нетрадиционного газа, например сланцевого
Строительство нового энергоблока мощностью 500 МВт на газовом топливе на ТЭС Матра	Зареги- стрирован	–	–	2020	–	–
Разработка солнечной электростанции мощностью 130–260 МВт	Зареги- стрирован	–	–	2020	–	–
Модернизация и повышение мощности тяговых подстанций в Венгрии	Зареги- стрирован	–	–	2020	–	Модернизация предполагается на следующих участках: линия № 1. Будапешт – Хедьешалом (граница Австрии) – Райка (граница Словакии) как часть коридоров Orient/East–Med и Rhine–Danube; линия № 40. Будапешт – Домбовар (– Печ); линия № 80 и 100. Будапешт – Мишкольц – Ньиредьхаза

Продолжение таблицы 3

Модернизация железнодорожной инфраструктуры Будапешта	Зарегистрирован	–	–	2020	–	–
Электрификация ж/д линии Зала-шентиван – Надьканижа	Зарегистрирован	–	–	2020	–	–
Строительство нового автомобильного моста через реку Тису в районе Захонь	Зарегистрирован	–	–	2020	–	–
Энергетика						
Газовый коридор Север – Юг для расширения существующих мощностей между Венгрией и Словакией	Зарегистрирован	AT, CZ, PL, HR, RO, SK + UA, RS		2020		Текущая мощность интерконнектора по направлению Словакия – Венгрия составляет 4,4 млрд м³ в год, а по направлению Венгрия – Словакия – 1,75 млрд м³ в год. Расширение мощности до 5,2 млрд м³ в год в сторону Словакии будет означать значительный шаг в развитии газового коридора Север – Юг
Развитие умных электросетей	Зарегистрирован	–	898,6	2020	2030	–
Телекоммуникации						
Создание инфраструктуры для высокопроизводительных вычислений (HPC), создание HPC экосистемы в ЦЕ	Зарегистрирован	AT, CZ, PL, SK, SI	50	2020	–	–

Окончание таблицы 3

Адаптация вышек GSM-R к 5G	Зарегистри- рован	–	–	2020	–	На 3 500 км ж/д линий будут установлены вышки с сетью 5G
----------------------------------	----------------------	---	---	------	---	---

Источник: Projects // 3seas. URL: <https://projects.3seas.eu/> (дата обращения: 03.02.2025).

СЛОВАКИЯ. В отличие от венгерского кейса в Словакии внимание к Инициативе было ограничено со стороны научного и экспертного общества. Более того, тема вызывала мало интереса даже в историческом или геополитическом разрезе. Данный расклад вытекал из проявляемой незаинтересованности словацкого истеблишмента в углублении сотрудничества в рамках объединения в практической плоскости. Наиболее ярким проявлением стало неучастие Словакии в Инвестиционном фонде ИТМ. Словацкий политолог Томаш Стражай подчеркивал, что Братислава была среди самых нерешительных участников Инициативы из-за опасений ввиду ее возможной политизации и возникновения разногласий с Брюсселем. Ученый замечал: «Словакия не заинтересована в какой-либо политической эмансипации Инициативы»¹⁹³. Другой эксперт, Матей Кадрик, объяснял такую осторожность «неприятием риска в стратегическом мышлении словацких политических элит»¹⁹⁴. В то же время существовала и прагматичная трактовка подобного подхода, которая обосновывалась именно отсутствием четких перспектив экономического сотрудничества в этом формате. Во-первых, словаки поднимали вопрос о перспективах финансирования, поскольку с самого начала было очевидно, что собственных средств стран и инвестиционного фонда было недостаточно для реализации озвученных планов. Во-вторых, у Братиславы вызывало озабоченность слабая вовлеченность в ИТМ таких серьезных партнеров, как ЕИБ и ЕБРР. В-третьих, опасения также возникали из-за невнимания

¹⁹³ Dostál V., Strážay T., Végh Zs. Op. cit. P. 11–12.

¹⁹⁴ Kandrik M. The Three Seas Initiative from the Slovak Perspective: A Story of Missed Opportunities // Warsaw Institute. 26.09.2022. URL: <https://warsawinstitute.org/the-three-seas-initiative-from-the-slovak-perspective-a-story-of-missed-opportunities/> (дата обращения: 03.02.2025).

частных инвесторов к проектам объединения¹⁹⁵.

Несмотря на колебания Словакия внесла в список приоритетных проектов свои предложения. В ее портфеле находилось семь позиций, ни одна из которых на данный момент не реализована (табл. 4). Т. Стражай полагал, что трубопровод Eastring и автомагистраль Via Carpatia R4 были включены в список на основе личных пожеланий отдельных политиков без просчета реальных возможностей в надежде на дополнительную поддержку со стороны Соединенных Штатов. Таким образом он сомневался в перспективах их воплощения. В то же время у Братиславы были более реалистичные, небольшие проекты как поддержка производства литий-ионных (InoBat) и свинцово-натриевых (GridStor) аккумуляторных батарей, а также строительство геотермальных электростанций в г. Жьяр-над-Гроном и г. Прешов. Между тем страна участвовала и в 22 многосторонних проектах. В транспортной сфере – в грузовом коридоре «Янтарь», автомобильной дороге Via Carpatia, Rail-2-Sea, Балтико-Адриатическом коридоре, в проектах по улучшению транспортной связности с соседними странами (Польша, Венгрия). В энергетике планы Словакии были устремлены в сторону диверсификации источников поступления природного газа: она участвовала в создании польско-словацкого интерконнектора, венгеро-словацкого газового коридора Север – Юг.

Таблица 4

**Инфраструктурные проекты Словакии в рамках
«Инициативы трех морей»**

Название проекта	Статус	Страны, участвующие в проекте	Бюджет проекта (млн евро)	Год начала проекта	Год ожидаемого завершения проекта	Комментарий
Транспорт						
Скоростная автомагистраль Via Carpatia R4	Зарегистрирован	PL, HU	906	2021	–	Дорога от польской границы до г. Прешов длиной 55 км

¹⁹⁵ *Strážay T.* Agenda Setter or Agenda Follower? Slovakia's Perception of the 3SI and Other Regional Formats // The Three Seas Initiative. An Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches. Ed. by A. Orzelska-Stączek. P. 181–203. URL: <https://3si.politic.edu.pl/wp-content/uploads/2024/09/Three-Seas-Initiative-Research-Center.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

Энергетика						
Eastring	Зареги- стрирован	BG, RO, HU	2 060	–		Двунаправленный газопровод, проходящий через территории Венгрии и Румынии и соединяющий Словакию с внешней границей ЕС в Болгарии. Первоначальная техническая мощность проекта составляет 20 млрд м³ в год, в дальнейшем она может быть увеличена до 40 млрд м³ в год
InoBat	Зареги- стрирован	CZ, HU	165	2021	–	Компания предлагает новейшие разработки в области литий-ионных аккумуляторных батарей
Геотермальная электростанция в г. Жьяр-над-Гроном	Зареги- стрирован	SK	162,8	2021	–	–
Геотермальная электростанция в г. Прешов	Зареги- стрирован	SK	162	2021	–	–
GridStor	Зареги- стрирован	CZ	10,5	2021	–	Производство свинцово-натриевых батарей
FUERGY	Зареги- стрирован	CZ, PL	10,8	2021	–	Сервис по оптимизации затрат на электроэнергию для крупных промышленных предприятий

Источник: Projects // 3seas. URL: <https://projects.3seas.eu/> (дата обращения: 03.02.2025).

ЧЕХИЯ оказалась самым пассивным в Инициативе участником В4, что проявилось, с одной стороны, в решении не вкладывать средства в ее инвестиционный Фонд и, с другой – в нежелании развивать собственные инфраструктурные проекты. Примечательно, что до 2022 г. в ее портфеле находился только один мегапроект по сооружению водного канала, соединяющего Дунай, Одер и Эльбу, который энергично продвигал президент М. Земан. Однако этот проект активно критиковался со стороны оппозиции. После ухода Земана с поста в 2023 г. страна отказалась от подобной инициативы, ввиду экономической нецелесообразности и потенциального экологического урона для окружающей среды. Только в 2024 г. список приоритетов Чехии пополнился двумя новыми позициями (табл. 5). Объясняя причины участия Праги в ИТМ, чешский политолог Вит Достал говорил, что, «исходя из национальных интересов было лучше находиться внутри Инициативы и знать, что в ней происходит, нежели быть за ее пределами и не иметь шансов влиять на ее будущий курс»¹⁹⁶. Парадокс чешского кейса сводился прежде всего к тому, что, воспринимая Инициативу как инфраструктурный проект (на первый саммит от страны поехал министр транспорта Дан Ток), чиновники так и не смогли озвучить широкий набор преобразований, который смог бы улучшить связность стран ЦЕ. Также вызвали опасения политические амбиции, приписываемые объединению. Политики отчетливо констатировали, что на региональном уровне Чехии было достаточно В4 и Славковского формата, объединявшего Прагу с Веной и Братиславой¹⁹⁷.

Два чешских предложения были зарегистрированы относительно недавно и, соответственно, находились еще только на подготовительной стадии. Чешско-польский газопровод STORK II, нацеленный на увеличение пропускной способности газа между двумя странами, ранее в 2020 г. был исключен ЕК из списка проектов общего интереса (Projects of Common Interest, PCI) и таким образом Прага в 2024 г. на фоне усугубления геополитической обстановки стремилась реанимировать проект, который мог обеспечить диверсификацию

¹⁹⁶ Dostál V., Strážay T., Végh Zs. Op. cit. P. 9.

¹⁹⁷ Dostál V. The Czech Republic and the Three Seas Initiative // The Three Seas Initiative. An Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches. Ed. by A. Orzelska-Stączek. P. 64. URL: <https://3si.politic.edu.pl/wp-content/uploads/2024/09/Three-Seas-Initiative-Research-Center.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

источников голубого топлива. Второй проект в транспортной сфере должен был стать частью Балтико-Адриатического коридора и улучшить движение грузов и товаров между индустриальными городами Чехии – Брно и Оставой – с перспективой укрепления связности с соседями (Австрия, Польша). Примечательно, что обе чешские инициативы реализовывались вместе с польскими коллегами, что могло упростить их претворение в жизнь, ввиду высокой заинтересованности Варшавы.

Таблица 5
Инфраструктурные проекты Чехии в рамках «Инициативы трех морей»

Название проекта	Статус	Страны, участвующие в проекте	Бюджет проекта (млн евро)	Год начала проекта	Год ожидаемого завершения проекта	Комментарий
Энергетика						
<i>STORK II</i>	Зарегистрирован	PL	400	2024	2028	Чешско-польский газопровод обеспечит Чехии доступ к норвежскому газу через Baltic Pipe, к терминалам СПГ в Гданьске и Свиноуйсьце
Транспорт						
Модернизация ж/д дороги Брно – Пшеров – Острава	Зарегистрирован	PL	5 340	2025	2032	–

Источник: Projects // 3seas. URL: <https://projects.3seas.eu/> (дата обращения: 03.02.2025).

«Инициатива трех морей» за прошедшие годы заняла собственную нишу среди центральноевропейских региональных объединений. Она перестала восприниматься как некий «сепаратистский» политический центр, возникший вокруг Варшавы. Уже с 2018 г. Германия и ЕСовские структуры стали неотъемлемыми участниками всех ее саммитов. Страны – участницы ИТМ восприняли

Инициативу прежде всего как дополнительный инструмент продвижения интересов в сфере инфраструктурного развития пространства между тремя морями. Важную роль в закреплении их позиции сыграли Соединенные Штаты, которые выразили не только политическую поддержку странам ЦЕ, но и пообещали щедрые инвестиции в транспорт и энергетику региона. Хотя Вашингтон так и не сделал озвученных миллиардных вливаний, вера в особое значение Инициативы для поддержания и усиления американо-центральноевропейских отношений сохраняется. События 2022 г. подвергли корректировке цели и задачи объединения. Если ранее все военно-политические амбиции структуры оставались уделом размышлений экспертов и аналитиков, то после начала российско-украинского конфликта официальные документы Инициативы свидетельствовали о «двойном назначении» инфраструктуры и противодействии российскому влиянию. Особое место заняла украинская проблематика и тема поствоенного восстановления страны.

Наиболее вовлеченным государством В4 в Инициативу ожидало стала Польша, которая со старта проекта озвучила смелые планы по созданию транспортно-логистической инфраструктуры на оси Север – Юг. Несколько проектов на данный момент уже завершены, некоторые находятся в стадии активного строительства. Несмотря на разницу в подходах трех остальных стран (Венгрии, Словакии и Чехии), их руководство с самого начала испытывало скепсис в отношении объединения, однако приняло решение присоединиться к нему, поскольку было «лучше оказаться внутри, нежели смотреть на него снаружи». Чехи, словаки и венгры отмечали второстепенность Инициативы в сравнении с такими региональными группами, как В4 или Славковский формат. Хотя они озвучивали планы по реализации проектов в рамках Инициативы, очевидно, что в трех столицах хорошо осознавали, что строительство того или иного путепровода зависело прежде всего от софинансирования со стороны ЕС, нежели от каких-то бы ни было иных факторов. Наиболее ярким симптомом нежелания углублять отношения в рамках объединения стал отказ Чехии и Словакии стать участниками ее инвестиционного фонда.

2.3. Бухарестская «девятка»: формат военно-политического взаимодействия

На фоне нарочитого дистанцирования «Инициативы трех морей» в публичном пространстве от военно-политических вопросов с небольшой разницей во времени в политических верхах стран ЦЕ стала обсуждаться идея создания форума, где ключевой темой должны были стать сюжеты, связанные с обеспечением безопасности восточного фланга НАТО ввиду роста угроз, вызванных событиями на востоке Украины. Как и в случае с ИТМ, за основу нового политического проекта негласно была взята идея Юзефа Пилсудского о необходимости объединения государств между Балтийским и Черным морями для сдерживания Советского Союза/России¹⁹⁸. Главную роль в нарождавшемся проекте, несомненно, с самого начала заняла Польша, которая в 2014–2015 гг. провела интенсивные дискуссии с ее потенциальными участниками. В 2014 г. Варшава организовала встречи с главами государств Вишеградской группы, стран Балтии и по отдельности – Болгарии и Румынии. Последняя, будучи после Польши второй страной по размеру армии и тратам на нее, выступила активным сторонником новой центральноевропейской инициативы. Уже в марте 2015 г. президент Румынии Клаус Йоханнис на переговорах со своим польским коллегой Брониславом Коморовским говорил о достигнутой договоренности о встрече девяти глав государств в Бухаресте¹⁹⁹. Примечательно, что, как и в случае с ИТМ, официальная Варшава демонстрировала желание формально отдалить данное объединение от себя, представив его как коллективную идею стран ЦЕ.

Первая встреча в формате Бухарестской «девятки» (Б9) прошла 4 ноября 2015 г. в столице Румынии, где собрались представители Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Словакии, Чехии и Эстонии. Традиционно первое заседание описывают как встречу глав девяти постсоциалистических государств. Однако стоит уточнить, что Чехию на этом мероприятии

¹⁹⁸ Vaida O. The Bucharest 9 Format Between Rational Ambitious Goals and Real Influence // *Studia Ubb. Europaea*. 2022. Vol. LXVII. No. 2. P. 183–197. DOI: 10.24193/subbeuropaea.2022.2.07

¹⁹⁹ Romanian President's Visit Fosters Closer Ties // President of the Republic of Poland. 12.03.2015. URL: <https://www.president.pl/president-komorowski/news/romanian-presidents-visit-fosters-closer-ties,39076> (дата обращения: 13.02.2025).

представлял спикер парламента Ян Гамачек, что подтвердило неоднозначную позицию чешского президента Милоша Земана в отношении действий ЕС и НАТО в ходе украинского кризиса²⁰⁰. Результатом собрания стала совместная декларация «Союзническая солидарность и общая ответственность»²⁰¹, где были озвучены две основные цели нового объединения: укрепление коллективной безопасности на восточных рубежах Европы и накопление политического капитала девяти государств в рамках НАТО²⁰². Последняя задача напрямую коррелировала с сугубо практическими намерениями Польши, которая стремилась использовать новый формат регионального взаимодействия как подготовительный этап накануне более важного для нее события, а именно варшавского саммита НАТО в июле 2016 г.

Стремясь заполучить особое место в рамках Альянса, Польша представила на нем повестку, ориентированную на удовлетворение интересов центральноевропейских государств (CE-centric agenda) в области безопасности. Прежде всего голосом девяти государств, которые непосредственно граничили с Россией и имели богатый опыт взаимодействия с ней, она была названа в качестве ключевой угрозы для западного мира. Также была озвучена готовность принять на своей территории дополнительные контингенты вооруженных сил стран-союзниц. Очевидно, что усилия Варшавы не оказались напрасны. По итогам натовского саммита было принято решение об усилении коллективной обороны через увеличение расширенного передового присутствия (Enhanced forward presence, eFP) Альянса на восточном фланге в Эстонии, Латвии, Литве и Польше, а также путем разработки адаптированного передового присутствия (Tailored forward presence, tFP) в Болгарии и Румынии.

После варшавского саммита и до 2022 г. актуальность бухарестского формата поддерживалась за счет относительно регулярных встреч президентов (2018, 2019, 2021 гг.) и ежегодных

²⁰⁰ До 2022 г. страну представляли спикер парламента, а затем премьер-министр.

²⁰¹ Joint Declaration on “Allied Solidarity and Shared Responsibility” // Romania’s Permanent Delegation to NATO. 15.11.2015. URL: <https://nato.mae.ro/en/local-news/904#null> (дата обращения: 13.02.2025).

²⁰² Nagy T.A. The Bucharest Nine: Enhancing Security on NATO’s Eastern Flank // German Marshall Fund of the United States, 2024. P. 18.

консультаций на уровне министров иностранных дел и министров обороны. Эксперты стали воспринимать «девятку» как некий консультативный орган стран ЦЕ накануне встреч НАТО, где их представители могли координировать общую позицию, наличие которой могло бы придать объединению добавленную стоимость. Аналитики указывали на гибкий формат участия в Б9 («платформа для консультаций и диалога») как несомненное преимущество, поскольку государства не несли юридические обязательства, были избавлены от вложений в организационные структуры и спасены от критики со стороны ЕС, который мог увидеть в «девятке» параллельную структуру.

Вторая встреча глав государств в формате Б9 при участии генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга состоялась 8 июня 2018 г. в Варшаве (т.е. спустя три года после первой). Содержание совместной декларации²⁰³ во многом повторяло ключевые пункты предыдущего документа с добавлением упоминания глобальных угроз (миграция, терроризм, распространение оружия массового уничтожения). Встреча в 2019 г., состоявшаяся в г. Кошице (Словакия), была посвящена 70-летию Североатлантического альянса²⁰⁴. Новый этап в развитии «девятки» связан с выступлением 10 мая 2021 г. на ее заседании по видеосвязи американского президента Джозефа Байдена. Он в отличие от Дональда Трампа сделал ставку именно на этот формат центральноевропейского сотрудничества, который в меньшей степени ассоциировался с его предшественником²⁰⁵. Примечательно, что все участники бухарестского саммита подчеркивали необходимость

²⁰³ Joint Declaration of the Heads of State Bucharest 9 Meeting // President of the Republic of Poland. 08.11.2018. URL: <https://www.president.pl/news/joint-declaration-of-the-heads-of-state-bucharest-9-meeting,36736> (дата обращения: 13.02.2025).

²⁰⁴ Declaration of the Heads of State Bucharest 9 Meeting (Košice, 28th of February 2019) // President of the Republic of Poland. 28.02.2019. URL: <https://www.president.pl/news/declaration-of-the-heads-of-state-bucharest-9-meeting-,36938> (дата обращения: 13.02.2025).

²⁰⁵ Readout of President Joseph R. Biden, Jr.'s Participation in the Bucharest Nine Virtual Summit // The American Presidency Project. 10.05.2021. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/readout-president-joseph-r-biden-jrs-participation-the-bucharest-nine-virtual-summit> (дата обращения: 13.02.2025).

«восстановления Альянса»²⁰⁶ и «углубления трансатлантических связей»²⁰⁷, связывая с новой администрацией «новую главу в отношениях». Важно обозначить, что вне зависимости от находящихся в Белом доме политиков, США играли для «девятки» центральную роль в любой конфигурации системы безопасности ЦЕ, нацеленной на сдерживание и защиту от России. Таким образом пристальное внимание со стороны Вашингтона на высшем уровне было воспринято в центральноевропейских столицах, и прежде всего в Варшаве, как признание их особой роли в международных отношениях в Старом Свете. Для польских властей это событие также являлось дополнительной возможностью установить тесный контакт с администрацией нового американского руководителя, который изначально достаточно скептически относился к активизации американо-польских отношений. Можно согласиться с мнением польского политолога Томаша Павлушко, что данное событие демонстрировало вовне «возникновение нового пространства регионального консенсуса» и создавало «символическое впечатление единства ЦЕ» на фоне повышения его политического и экономического статуса²⁰⁸.

Для полноты картины отметим, что помимо встреч на высшем уровне деятельность Б9 проходила в рамках переговоров представителей МИД и министерств обороны, оставаясь для широкой аудитории практически не замеченной. С 2015 по 2022 гг. состоялось четыре консультации между дипломатами (2016, 2017, 2020, 2021 гг.) и столько же между военными (2018 – дважды, 2019, 2021 гг.). Примечательно, что чиновники обсуждали достаточно широкий круг вопросов, не ограничиваясь констатацией угроз, исходящих со стороны России, и призывами нарастить присутствие войск НАТО

²⁰⁶ Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Bucharest 9 (B-9) Summit 2021 // NATO. 10.05.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_183588.htm (дата обращения: 13.02.2025).

²⁰⁷ Opening Statement by the President of Romania, Klaus Iohannis, at the Bucharest Nine Format Summit // Presidential Administration of Romania. 10.05.2021. URL: <https://www.presidency.ro/en/media/opening-statement-by-the-president-of-romania-klaus-iohannis-at-the-bucharest-nine-format-summit> (дата обращения: 13.02.2025).

²⁰⁸ *Pawłuszko T.* The Rise of Geopolitics in Poland and Eastern Europe: The Three Seas and the Bucharest Nine Initiatives // The Copernicus Journal of Political Studies. 2021. No. 1. Pp. 5–26. DOI: 10.12775/CJPS.2021.001

на восточном фланге. Поднималась тема трансатлантических отношений, взаимодействия ЕС и НАТО на фоне запуска программы Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO), обстановка в Афганистане и Ираке. Отмечалась важность соблюдения Минских договоренностей и сотрудничества с Украиной, Молдавией и Грузией в широком диапазоне проектов. Интересно, что в тот момент политики подчеркивали важность сохранения политического диалога с Россией «на основе взаимности и в целях повышения прозрачности и предсказуемости»²⁰⁹. В центре внимания находились вопросы взаимодействия с американскими партнерами: одно из мероприятий «девятки» в 2019 г. посетил представитель министра обороны в Европе Ричард Лэндолт²¹⁰, а на встрече министров иностранных дел Б9 в 2021 г. побывала помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии Карен Донфрид²¹¹. В 2020 г. на переднем плане находились вопросы, связанные с противодействием пандемии коронавируса, в 2021 г. – события, вызванные обострением миграционной обстановки на польско-белорусской границе, которые оценивались как «гибридная атака белорусского режима на границе ЕС и НАТО»²¹².

Таким образом, можно констатировать, что повестка Б9 была подвижна и поступательно усложнялась, подстраиваясь под актуальные события. Несмотря на положительные сдвиги, это вело к трансформации объединения в сторону рутинизации, его превращения в одну из многих консультационных структур с дублирующим функционалом. Очевидно, что первоначальная идея была реализована, и структура на тот момент объективно не имела перспектив для укрепления своих позиций на международном уровне. Вдобавок

²⁰⁹ Joint Statement by the Ministers of Foreign Affairs of Bucharest 9 Format (B9) // MFA. 10.11.2017. URL: <https://www.mae.ro/en/node/43579#null> (дата обращения: 13.02.2025).

²¹⁰ National Security Bureau Head: Bucharest Nine Unity Strengthens NATO // President of the Republic of Poland. 05.05.2019. URL: <https://www.president.pl/news/national-security-bureau-head-bucharest-nine-unity-strengthens-nato,36961> (дата обращения: 13.02.2025).

²¹¹ Participarea secretarului de stat pentru afaceri strategice Dan Neculăescu la reuniunea miniștrilor de externe din statele B9 // MAE. 27.10.2021. URL: <https://www.mae.ro/node/57048> (дата обращения: 13.02.2025).

²¹² B9 Countries in Solidarity with Hybrid Aggression // Ministry of National Defence Republic of Poland. 25.11.2021. URL: <https://www.gov.pl/web/national-defence/b9-countries-in-solidarity-with-hybrid-aggression> (дата обращения: 13.02.2025).

на фоне стабилизации обстановки в Европе во второй половине 2010-х гг. их алармистская позиция на публичном уровне казалась чрезмерной и преувеличенной. Американская сторона также интересовалась «девяткой» в ограниченном формате. За саммитом с Байденом не последовали практические шаги в сторону усиления контактов. Однако события 2022 г., приведшие к усилению европейского кризиса, возвысили позиции «девятки» ввиду подтверждения многих опасений центральноевропейцев, актуальности деятельности Б9.

Б9 после начала российско-украинского конфликта

На фоне эскалации российского-украинского конфликта и его перехода в горячую фазу голос «девятки» многократно усилился. Справедливо мнение Л. Н. Шишелиной, которая считала, что Б9 «перехватила военно-политическую инициативу»²¹³. Примечательно, что уже на следующий день после начала военных действий главы государств при участии председателя ЕК Урсулы фон дер Ляйен очно встретились в Варшаве для обсуждения совместной позиции. Выступая на правах хозяина, президент Польши Анджей Дуда четко заявил: «Пришло время для фундаментальных военных изменений на восточном фланге НАТО. Я хочу подчеркнуть, что наша военная адаптация больше не может рассматриваться как долгосрочная цель; она нужна нам здесь и сейчас»²¹⁴. Для усиления своей позиции он обратился к историческому опыту ЦЕ: «Значительная часть истории XX в. в нашей части Европы была омрачена российским господством. Мы прекрасно знаем ход мыслей, принятый в российской политической элите. Они понимают только язык силы. Так функционировала царская, затем коммунистическая, а сейчас современная Россия. Пришло время общаться с русскими на одном языке»²¹⁵. Говоря о продемонстрированном единстве стран – участниц «девятки», нужно отметить, что в этот раз в саммите принял участие (по видеосвязи) глава Чехии Милош Земан, который ранее уклонялся от всех мероприятий этого формата. Политик, в прежние годы прагматично

²¹³ Шишелина Л.Н. Роль «Бухарестской девятки» на восточном фланге НАТО // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 2. С. 8. DOI: 10.15211/vestnikieran20203714

²¹⁴ Opening Remarks at Bucharest Nine Summit...

²¹⁵ Ibid.

смотревший на контакты с Москвой и видевший значительный ущерб Праге от экономических санкций ЕС, кардинально сменил позицию²¹⁶. Венгрия также была представлена президентом Яношем Адером, несмотря на особый подход премьер-министра Виктора Орбана к украинскому кризису.

Следующая встреча в рамках Б9 на уровне министров иностранных дел при участии заместителя генсека НАТО Мирча Джоанэ и Карен Донфрид состоялась спустя месяц (31 марта) в Братиславе на фоне российско-украинских переговоров в Стамбуле. Главы дипломатических ведомств призвали усилить расширенное присутствие НАТО на восточном фланге Североатлантического альянса и подтвердили готовность принять дополнительные четыре боевые группы в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии²¹⁷. 6 июня прошла видеоконференция министров обороны Б9, на которой также присутствовали их американский (Селеста А. Уолландер, помощник министра обороны США по вопросам международной безопасности) и британский (Бен Уоллес, министр обороны) коллеги²¹⁸. Президентская встреча 10 июня 2022 г. в Бухаресте, назначенная накануне саммита НАТО в Мадриде, зафиксировала непоколебимую позицию девяти центральноевропейских государств в необходимости усиления натовского присутствия на востоке Европы. «Мы должны масштабировать многопрофильное присутствие союзников и обеспечить себя совместимыми боеспособными силами в мирное время, улучшенными механизмами командования и управления, усиленной противовоздушной и противоракетной обороной, улучшенной

²¹⁶ Отвечая на вопрос о причинах его благожелательного отношения к России, Милош Земан отвечал: «Чехии нужны были дешевые энергоресурсы, в этом плане мы шли по одному пути вместе с Германией. Но, как я неоднократно повторял, интересы безопасности выше экономической выгоды. Поэтому для меня всё закончилось после ошибки президента России Владимира Путина...» См.: Můj odkaz je nudný, vždy jsem byl nezdvořilý člověk. Zeman hodnotil své prezidentování // CNN Prima News. 06.03.2023. URL: <https://cnn.iprima.cz/muj-odkaz-je-nudny-vzdy-jsem-byl-nezdvorily-zeman-zhodnotil-sve-prezidentovani-206598> (дата обращения: 13.02.2025).

²¹⁷ NATO Deputy Secretary General Participates in Meeting of B9 Countries // NATO. 31.03.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_194070.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.02.2025).

²¹⁸ Joint Statement by the Defence Ministers of the Bucharest 9 // Ministerul Apărării Naționale. 06.06.2022. URL: https://www.mapn.ro/cpresa/17469_joint-statement-by-the-defence-ministers-of-the-bucharest-9 (дата обращения: 13.02.2025).

инфраструктурой, военной мобильностью и устойчивым доступом к цепочкам поставок топлива»²¹⁹. Словацкий политолог Томаш Надь полагал, что механизмы координации, используемые в формате Б9, способствовали продвижению общей позиции в рамках Альянса, что впоследствии получило отражение на страницах принятой в 2022 г. Стратегической концепции НАТО²²⁰. Ключевые темы «девятки» оказались на «вершине иерархии приоритетов Альянса»²²¹. Румынский исследователь Овидиу Вайда указывала, что на саммите в испанской столице страны – участницы Б9 действовали единым блоком, убеждая партнеров в необходимости увеличения численности войск в регионе²²².

Вершиной политического развития Б9 стал внеочередной саммит, состоявшийся в Варшаве 22 февраля 2023 г., в котором принял участие президент Соединенных Штатов Дж. Байден, за день до этого посетивший Киев. В своей речи он подчеркнул значение действий центральноевропейских государств в первые дни конфликта, которые доказали единство североатлантического блока («я думаю, что эта встреча служит подтверждением того насколько сильны мы сегодня»)²²³. Лейтмотив его выступления сводился к мысли об усилившихся позициях Альянса, его сплоченности и непреходящих обязательствах США перед европейскими партнерами. «Наша приверженность НАТО абсолютно ясна. Пятая статья – это священное обязательство, которое мы взяли на себя. Мы будем защищать буквально каждый дюйм НАТО»²²⁴. Помимо демонстрации возросших позиций группы данное событие вновь подтвердило особое значение Польши для американской администрации и свидетельствовало

²¹⁹ Declaration of the Heads of State Bucharest 9 Meeting // President of the Republic of Poland. 10.06.2022. URL: <https://www.president.pl/news/declaration-of-the-heads-of-state-bucharest-9-meeting-,55290> (дата обращения: 13.02.2025).

²²⁰ NATO 2022 Strategic Concept. 29.06.2022. URL: <https://strategicconcept2022.com/wp-content/uploads/2023/06/290622-strategic-concept.pdf> (дата обращения: 13.02.2025).

²²¹ Nagy T.A. Op. cit. P. 10.

²²² Vaida O. Op. cit. P. 189.

²²³ Remarks by President Biden Before Meeting with the Leaders of the Bucharest Nine // The White House. 22.02.2023. URL: <https://web.archive.org/web/20230328072123/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/22/remarks-by-president-biden-before-meeting-with-the-leaders-of-the-bucharest-nine/> (дата обращения: 13.02.2025).

²²⁴ Ibid.

о ее возросших позициях в европейском геополитическом раскладе. В своей речи Байден ставил Польшу в пример другим европейским странам, недостаточно активно помогавшим Украине²²⁵.

На фоне затягивания украинского кризиса и провала попыток Киева изменить ход боевых действий во второй половине 2023 г., несмотря на усиленную накачку его западными образцами ВиВТ, две следующие встречи «девятки» (6 июня 2023 г., 11 июня 2024 г.) на высшем уровне уже имели проходной характер, не принесли прорывных решений. Вновь говорилось о «непоколебимой поддержке Украины»²²⁶ и о том, что «Альянс сильнее и сплоченнее, чем когда-либо»²²⁷. Впрочем, объективная реальность свидетельствовала об обратном. Затухание Б9 было вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, проявленная солидарность стран в начале украинского кризиса спустя время начала слабнуть, прежде всего из-за устойчивой позиции Виктора Орбана и вернувшегося во власть словацкого премьера Роберта Фицо (напомним, что несколько саммитов и министерских заседаний прошли при деятельном участии именно Братиславы). Во-вторых, материально-технические возможности Альянса в усилении своего присутствия на восточном фланге оказались ограничены, что делало нереалистичными завышенные требования «девятки». Дискуссии о наращивании натовских контингентов в ЦЕ наталкивались на ограниченный потенциал стран – участниц НАТО в развертывании дополнительных контингентов. В-третьих, тенденции политического развития США демонстрировали наличие значительного числа политиков (прежде всего из Республиканской партии), выступающих против финансовой и военной помощи Украине. В-четвертых, на исходе второго года конфликта стало вполне очевидно нереалистичность планов о вступлении Киева в НАТО, что было одним из центральных программных пунктов деклараций

²²⁵ Visit of US President Joseph R. Biden to Poland // The Chancellery of the Prime Minister Republic of Poland. 23.02.2023. URL: <https://www.gov.pl/web/primeminister/us-president-joseph-r-biden-visits-poland> (дата обращения: 13.02.2025).

²²⁶ Statement by the Leaders of the Bucharest Nine // Kancelária prezidenta SR. 06.06.2023. URL: <https://www.prezident.sk/en/article/spolocne-vyhlasenie-prezidentov-b9/> (дата обращения: 13.02.2025).

²²⁷ Secretary General Underlines B9 Countries' Crucial Role in Strengthening NATO's Deterrence and Defence // NATO. 11.06.2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_226316.htm (дата обращения: 13.02.2025).

Б9 после 2022 г. В-пятых, возвращение в начале 2025 г. Дональда Трампа в Белый дом привнесло много неопределенности в будущее Североатлантического альянса, Украины и трансатлантического диалога. Таким образом, деятельность «девятки» становилась исключительно декларативной, поскольку она постепенно лишалась практической поддержки со стороны ключевого игрока в противостоянии России со странами Запада.

Учитывая отсутствие у объединения организационных структур и общей задекларированной стратегии, которое функционировало по принципу *ad hoc*, очевидно, что произошедшие перемены не могли сказаться на его судьбе летально. Вполне вероятно, что за периодом неопределенности, возможно, наступит новый этап, который даст дополнительный импульс для развития «девятки».

Усиление присутствия НАТО на восточном фланге с 2016 г.

Одним из ключевых мотивов создания Б9 стало устремление центральноевропейских государств создать надежные механизмы сдерживания России, основанные на постоянном присутствии оперативно значимых войск на восточном фланге НАТО. Страны – участницы «девятки» говорили об обеспечении быстрого и эффективного подкрепления союзников в случае возникновения критической ситуации.

Первым успехом в этом направлении стало принятое на варшавском саммите НАТО решение о формировании расширенного передового присутствия войск НАТО в странах Балтии и Польше. Согласно ему, в 2017 г. были развернуты четыре многонациональные боевые группы в Латвии, Литве, Польше и Эстонии, возглавляемые, соответственно, Канадой, Германией, США и Британией. Они находились под командованием НАТО через штаб Многонационального корпуса «Северо-восток» в Щецине (Польша). Еще два штаба дивизионного уровня координировали учебные и подготовительные мероприятия своих соответствующих боевых групп. Первый штаб, расположенный в Эльблонге (Польша), достиг полного оперативного потенциала в декабре 2018 г. Он тесно взаимодействовал с боевыми группами в Польше и Литве. Второй штаб был введен в действие НАТО в октябре 2020 г. Его передовые подразделения были распо-

ложены в Адажи (Латвия), в то время как остальная часть штаба расквартирована в Карупе (Дания). Он активно взаимодействовал с боевыми группами в Латвии и Эстонии²²⁸. Общая численность военнослужащих до 2022 г. составляла около 5 тыс. человек²²⁹. Служба иностранных военных проходила на ротационной основе, их смена происходила каждые полгода.

Также по итогам варшавского саммита была реализована инициатива по усилению адаптированного передового присутствия в черноморском регионе. Помимо усиления сухопутных войск за счет многонациональной бригады на территории Румынии и Болгарии был сделан акцент на регулярном патрулировании воздушного пространства объединенными силами стран – участниц Альянса (ВВС Великобритании, Канады и Италии). Эта инициатива была направлена на улучшение ситуационной осведомленности, усиление морской безопасности и укрепление сотрудничества с региональными партнерами. Усиливая свое присутствие в регионе Черного моря, НАТО стремилось обеспечить стабильность и сдержать любые потенциальные угрозы в этом стратегически важном для него регионе²³⁰. Отмечая дисбаланс в размещении контингентов в сторону их перевеса в странах Балтики, военные эксперты отмечали необходимость повысить приоритет черноморского региона, сделав все «адаптированные силы» – «расширенными»²³¹.

Вторая волна усиления восточного фланга НАТО была вызвана началом российско-украинского противостояния в 2022 г. Боевые группы расширенного присутствия появились на территории Румынии, Болгарии, Венгрии и Словакии практически в первые месяцы конфликта. Примечательно, что Чехия, несмотря на поддержку всех

²²⁸NATO's Military Presence in the East of the Alliance // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.02.2025).

²²⁹NATO's Enhanced Forward Presence // NATO. 02.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/2/pdf/2202-factsheet_efp_en.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

²³⁰NATO Encyclopedia 2017. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20180201_2017-nato-encyclopedia-eng.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

²³¹Hodges B. Strengthening NATO in the Black Sea Region // Foundation for Defense of Democracies. 15.12.2020. URL: <https://www.fdd.org/analysis/2020/12/15/defending-forward-strengthening-nato-in-the-black-sea-region/> (дата обращения: 13.02.2025).

натовских инициатив, уклонилась от развертывания на своей территории дополнительных контингентов, хотя ее военные активно принимали участие в работе других многонациональных подразделений. В то же время Венгрия, которая активно выступала за дипломатическое решение конфликта, не возражала против такой натовской инициативы, более того в рамках Б9 поддержала ее. Стоит подчеркнуть, что произошло кратное увеличение численности военнослужащих до 25 тыс. человек. Самые большие боевые группы были сформированы на территории Польши (11 тыс.) и Румынии (4,7 тыс.) В Латвии они насчитывали 4 тыс., в Литве – 3,7 тыс., в Эстонии – 2,2 тыс., в Болгарии – 1,6 тыс., в Венгрии и Словакии – по 1 тыс. военных (табл. 6).

Таблица 6

Боевые группы в рамках расширенного передового присутствия войск НАТО в 2024 г.

Начало деятельности	Дислокация	Численность	Вовлеченные страны	ВиВТ	Задачи
Боевая группа в Эстонии (eFP Estonia)					
2017	Тапа, Эстония	~2,200	Великобритания (ведущая), Франция, Дания, Исландия, США	Танки Challenger 2, боевые машины Warrior, CAV CAESAR, системы ПВО	Сдерживание через демонстрацию единства, защита территории Эстонии, совместные учения с местными войсками
Боевая группа в Латвии (eFP Latvia)					
2017	Адажи, Латвия	~4,000	Канада (ведущая), Албания, Чехия, Дания, Исландия, Италия, Польша, Словения, Испания, Швеция	Бронетехника LAV 6.0, танки Leopard 2, артиллерия Zuzana 2	Обеспечение оперативной совместимости, защита воздушного пространства, отработка сценариев гибридных угроз

Боевая группа в Литве (eFP Lithuania)					
2017	Рукла, Литва	~3,700	Германия (ведущая), Бельгия, Хорватия, Чехия, Франция, Люксембург, Нидерланды, Норвегия	Танки Leopard 2A7, БМП Puma, системы ПВО	Сдерживание через ротацию сил, усиление восточного фланга, интеграция с национальными войсками
Боевая группа в Польше (eFP Poland)					
2017	Орзыш, Польша	~11,600	США (ведущая), Хорватия, Румыния, Великобритания	Танки M1 Abrams, БТР Stryker, системы HIMARS	Защита ключевых инфраструктурных объектов, отражение потенциального нападения, поддержка операций НАТО в регионе
Боевая группа в Румынии (eFP Romania)					
2022	Чинку, Румыния	~4,700	Франция (ведущая), Бельгия, Люксембург, Северная Македония, Польша, Португалия	Танки Leclerc, CAU CAESAR, системы ПВО SAMP/T	Контроль над Черноморским регионом, противодействие гибридным угрозам, укрепление южного фланга НАТО
Боевая группа в Болгарии (eFP Bulgaria)					
2022	Кабиле, Болгария	~1,650	Италия (ведущая), Албания, Греция, Черногория, Северная Македония, Турция	Танки Ariete, БМП Freccia, системы ПВО	Защита воздушного пространства, усиление присутствия в Юго-Восточной Европе

Боевая группа в Венгрии (eFP Hungary)					
2022	Тага, Венгрия	~1,054	Венгрия (ведущая), Хорватия, Италия, Турция	БТР PzH 2000, артиллерия Gidrán, системы РЭБ	Обеспечение логистической поддержки, защита транспортных узлов, интеграция с силами ЕС
Боевая группа в Словакии (eFP Slovakia)					
2022	Лешт, Словакия	~1,100	Чехия (ведущая), Германия, Словения	САУ Zuzana 2, БМП CV90, системы ПВО RBS-70	Контроль над Карпатским регионом, усиление взаимодействия с Украиной, отражение кибератак

Источник: The NATO Forward Presence In Eastern Europe // Joint-forces.com. 28.04.2024. URL: <https://www.joint-forces.com/features/72859-the-nato-forward-presence-in-eastern-europe> (дата обращения: 13.02.2025); NATO's Military Presence in the East of the Alliance // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 13.02.2025).

Важным итогом трансформации военной политики стран – участниц Б9 стало закрепление на официальном уровне целенаправленного курса на увеличение военных расходов, о чем из раза в раз впоследствии повторяли политики в ходе совместных заседаний и сольных выступлений. Отметим, что, как сообщали аналитики шведского аналитического центра СИПРИ, до 2014 г. в западных странах (Северной Америке, Западной и Центральной Европе и Океании) военные расходы, наоборот, сокращались из-за воздействия курса на строгую экономию²³². Исключением тогда не стали и страны «девятки». Таким образом после 2014 г. произошел резкий крен в вопросе военных трат в сторону их увеличения.

²³² Перло-Фримен С., Солмирано К., Виланд Х. Военные расходы и производство вооружений // Ежегодник СИПРИ 2014: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 183.

Желаемым показателем военных расходов стали 2% от ВВП страны. Хотя данный результат к началу 2024 г. не был реализован всеми членами «девятки», шесть государств (страны Балтии, Польша, Словакия и Венгрия) его достигли (табл. 7). Примечательно, что к очевидным «ястребам» примкнули две страны, представители которых озвучивали призывы к перенесению российско-украинского конфликта в дипломатическую плоскость и прекращению боевых действий. В то же время Чехия, один из наиболее ярых сторонников Киева, которая говорила только о военном разрешении восточно-европейского противостояния, демонстрировала самые удручающие результаты среди участников «девятки» (1,52%). Расхождение официальных заявлений и реальных действий свидетельствовало о внутриполитических преградах на пути наращивания оборонного потенциала страны и расколе общества по украинскому вопросу.

Показательно сравнение результатов «девятки» с ее европейскими партнерами по НАТО. Оно подтверждает бульшую заинтересованность центральноевропейцев в увеличении средств на оборону с учетом их экономических возможностей. Так, среди западноевропейских государств к 2024 г. показатель в 2% смогли преодолеть только Греция (3,23%), Финляндия (2,42%), Британия (2,26%) и Франция (2,02%). Таким образом Польша (3,83%), претендуя на место наиболее вовлеченного государства НАТО в европейскую безопасность, не только доказывала на деле свою лидерскую позицию в ЦЕ, но и претендовала на особое место на европейском уровне.

Таблица 7
Военные расходы по странам Б9 в процентах от ВВП в 2014–2023 гг.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Болгария	1,31%	1,25%	1,24%	1,22%	1,45%	3,13%	1,59%	1,52%	1,59%	1,85%
Венгрия	0,86%	0,90%	1,00%	1,19%	1,01%	1,34%	1,76%	1,32%	1,84%	2,13%
Латвия	0,94%	1,04%	1,45%	1,59%	2,06%	2,02%	2,16%	2,09%	2,09%	2,27%
Литва	0,88%	1,14%	1,48%	1,71%	1,97%	2,00%	2,07%	1,96%	2,45%	2,72%
Польша	1,92%	2,14%	1,95%	1,90%	2,04%	1,98%	2,29%	2,24%	2,23%	3,83%
Румыния	1,35%	1,45%	1,43%	1,73%	1,79%	1,84%	2,01%	1,85%	1,72%	1,61%
Словакия	0,98%	1,11%	1,12%	1,10%	1,22%	1,70%	1,92%	1,74%	1,81%	2,02%

Оокончание таблицы 7

Чехия	0,97%	0,95%	1,00%	0,96%	1,09%	1,15%	1,32%	1,40%	1,38%	1,52%
Эстония	1,93%	2,03%	2,07%	2,01%	2,01%	2,04%	2,30%	2,03%	2,16%	2,87%

Источник: SIPRI Military Expenditure Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 13.02.2025).

На фоне колебания вышеприведенного показателя траты всех стран в абсолютных цифрах за прошедшее десятилетие увеличивались из года в год (табл. 8). Наиболее резкий скачок военных расходов произошел у Литвы (+311%) и Венгрии (+278%). Траты Латвии возросли на 200%, Польши – 185%, Словакии – 135%, Болгарии – 123%. К условно отстающим можно отнести Румынию (+94%), Эстонию (+90%) и Чехию (+79%). В то же время отметим, что на протяжении рассматриваемого срока Польша оставалась неизменным лидером по объему военного бюджета, который к 2023 г. достиг отметки в 26,8 млрд долл. Следом за ней с большим отставанием шла Румыния (4,9 млрд долл.) и Чехия (4,3 млрд долл.) Примечательно, что с 2014 по 2023 гг. позиции Варшавы в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы только усиливались, в то время как ее партнеры испытывали затруднения в попытках соответствовать польскому курсу. Интересно, что несмотря на милитаристскую риторику стран – участниц Б9 после начала российско-украинского кризиса только Польша смогла продемонстрировать резкий рост расходов на ВиВТ (на 11 млрд долл, +43%), в то время как ее партнеры увеличивали траты подчас теми же темпами, что в предшествовавшие «мирные» годы. Например, Болгарии удалось в 2019 г. увеличить военные вливания практически на 1 млрд долл., в то время как в 2023 г. в сравнении с показателем 2022 г. только на 280 млн долл.

Таблица 8

Военные расходы по странам Б9 в 2014–2023 гг., млн долл.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Болгария	769,6	780,2	835,8	866,5	1069,8	2456,2	1230,0	1308,0	1436,9	1721,4
Венгрия	1026,5	1154,6	1319,0	1665,2	1507,6	2127,6	2757,0	2248,6	3256,8	3884,7
Латвия	309,8	353,7	509,8	578,9	789,1	789,2	829,5	858,8	856,1	926,1
Литва	467,9	623,4	835,4	1014,6	1221,6	1303,1	1357,5	1391,2	1734,4	1924,4
Польша	9520,9	11330,5	10702,9	10944,7	12396,7	12605,5	14426,2	15153,7	15341,3	26778,8

Румыния	2542,2	2932,6	3094,2	4198,4	4669,4	5111,3	5467,4	5348,2	5188,0	4944,7
Словакия	991,6	1176,1	1206,2	1227,3	1405,9	2008,0	2197,4	2071,0	2085,7	2337,1
Чехия	2409,8	2504,9	2715,2	2711,8	3197,8	3523,2	3863,8	4206,9	4005,4	4328,6
Эстония	550,6	599,2	644,2	663,0	697,2	744,5	828,0	794,9	818,3	1052,9

Источник: SIPRI Military Expenditure Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 13.02.2025).

За 10 лет Бухарестская «девятка» стала узнаваемым центральноевропейским брендом наравне с В4 и ИТМ, определявшим политический ландшафт региона. Впрочем, у объединения были и свои особенности. Если при запуске «четверки» и Инициативы в них закладывались долгосрочные цели как, например, интеграция в ЕС и НАТО или создание транспортно-логистической инфраструктуры ЦЕ, то Б9 создавалась как ответная реактивная мера на изменение геополитической ситуации в регионе. Таким образом, данный форум не осмысливался, тогда как постоянно действующий формат сотрудничества и был создан под конкретную, четко очерченную задачу. События с 2015 по 2021 гг. постепенно демонстрировали ослабевание актуальности данного объединения. Однако кризис 2022 г. сделал на какое-то время Б9 ключевым региональным объединением ввиду его сугубо военно-организационной составляющей. Но по мере рутинизации восточноевропейского конфликта голос «девятки» снова начал заглушаться, выводя на первые позиции более привычные общеевропейские и региональные форматы взаимодействия.

Глава 3

Внешний – внеконтинентальный – фактор в развитии региона

Будучи регионом, зажатым между двумя крупными континентальными державами – Германией и Россией – центральноевропейские государства стремились заполучить поддержку за пределами Старого Света. Находясь в положении между «молотом и наковальней», подтверждавшимся историческими событиями XX в., они стремились найти альтернативный центр притяжения для реализации своих национальных устремлений, среди которых было сохранение национальной идентичности и поддержание мира в регионе. В этой связи Соединенные Штаты и Британия выступали естественными, внеконтинентальными союзниками центральноевропейских государств, поскольку в их поддержке американцы и британцы видели возможность для усиления собственных позиций в Европе, расширения зоны влияния и сдерживания России. Таким образом, стремления народов ЦЕ и «англосаксов» соприкасались, что вело к формированию особой системы взаимоотношений. Более того, под воздействием кризисов XXI в. она претерпевала существенные трансформации, которые требуют пристального изучения.

3.1. Подходы США к Центральной Европе: от «бархатных революций» до наших дней

После краха социалистических режимов в Центральной Европе страны региона заявили о желании двигаться по пути «возвращения в Европу». Это направление внешнеполитического курса, изначально подразумевавшее тесное сотрудничество с государствами Западной Европы и США в области экономики, продвижения демократии и культуры, в дальнейшем трансформировалось в убежденность центральноевропейских элит в неизбежности интеграции их стран

в евро-атлантические военное-политические блоки – ЕС и НАТО. Стремительность смены подходов подтверждает тот факт, что пришедший во власть на волне политических перемен президент Чехословакии Вацлав Гавел, который 21 февраля 1990 г. в ходе выступления перед Конгрессом США опровергал планы по вступлению в НАТО²³³, уже 21 марта 1991 г. первым среди постсоциалистических лидеров посетил штаб-квартиру НАТО в Брюсселе.

Академик О. Т. Богомолов, анализируя тогдашние настроения в политических элитах ЦЕ, справедливо отмечал, что «их не устраивало длительное пребывание в зале ожидания, с помощью различных политических маневров они планировали форсировать свой прием в члены ЕС и НАТО»²³⁴. Если вступление в ЕС соответствовало парадигме «назад в Европу» и получало всеобщее одобрение, то членство в Североатлантическом альянсе вызывало определенные вопросы ввиду последующего усиления присутствия США в Европе, что противоречило многим постулатам, озвученным после крушения биполярной системы международных отношений. Однако центральноевропейские политики не скупались на доводы. По мнению польского президента Александр Квасьневского, прочная связь с США и интеграция в НАТО могла успокоить народы ЦЕ, поскольку история XX в. заставила их скептически относиться к готовности Западной Европы защищать «другую Европу» без материальной помощи и морального давления со стороны Вашингтона²³⁵.

Соединенные Штаты полностью поддерживали поворот стран бывшего соцблока в сторону Запада, что согласовывалось с их прежней деятельностью на данном дипломатическом треке. Так, историк В. Н. Белевцева в своем исследовании показала, что США во второй половине 1980-х гг. активно работали в ЦЕ, реализуя стратегию «распространения демократии» на фоне самоустранения СССР от проблем своих сателлитов и общего ухудшения социального-экономического положения в странах соцблока. Она констатировала,

²³³ A Joint Session of the U.S. Congress // Prezident republiky. 21.02.1990. URL: http://old.hrad.cz/president/Havel/speeches/1990/2102_uk.html (дата обращения: 09.11.2023).

²³⁴ Богомолов О.Т. Восточная Европа и мы // Международная жизнь. 1994. № 4. С. 29.

²³⁵ Giusti S. Visegrad – Balancing Between United States and European Union? // Visegrad Countries in an Enlarged Transatlantic Community. Ed. by M. Štátný. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2002. P. 85–113.

что «в конечном итоге доктрина “распространения демократии” привела в 1989 г. к переходу [ЦЕ. – *Примеч. авт.*] на путь демократических преобразований»²³⁶. Глубокая вовлеченность Вашингтона в судьбы ЦЕ, с одной стороны, была вызвана особым геополитическим значением пространства между Германией и Россией, с другой – тем фактом, что многие американские граждане, в т.ч. и в истеблишменте, являлись выходцами из Центральной Европы. Последнее обстоятельство предоставляло американцам специальный мандат на вовлечение в проблемы этого региона, давало возможность говорить о сопричастности к проблемам местного населения.

Впрочем, в начале 1990-х гг. главные опасения американцев были связаны с возможностью повторения в центре Европы межнациональных конфликтов, превращением региона в пространство нестабильности на фоне усиления венгерского, польского, чешского и словацкого национализмов. Поводов для таких страхов было предостаточно, поскольку, как точно подметил академик Богомолов, на Балканах «в условиях обретенной свободы и независимости, как и вакуума влияния в регионе, джинн национализма и национальной вражды вырвался из бутылки»²³⁷. Российский философ И. Н. Панарин подтверждал: «Всем тем по обеим сторонам Атлантики, кто приложил руку к их созданию, пора понять, что доминирующей государственной идеей в ЦЕ становится национализм»²³⁸. Если маховик югославянской нестабильности к началу 1990-х гг. был уже запущен, то в случае с Центральной Европой у Соединенных Штатов был определенный запас времени. Барьером на пути расползания нестабильности, согласно американским доктринальным документам, должно было стать распространение демократии, плюрализма и экономических свобод. Среди государств, с которыми Вашингтон планировал наиболее плотно работать в Центральной Европе²³⁹ на пути демократической эволюции и продвижения свободного рынка, были Венгрия, Польша и Чехословакия, прежде всего из-за их

²³⁶ *Белевцева В.Н.* Восточноевропейская стратегия США в конце 1980-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 22.

²³⁷ *Богомолов О.Т.* Указ. соч. С. 29.

²³⁸ *Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / сост. Л.Н. Шишелина. М.: Наука, 2007. С. 580.

²³⁹ Примечательна смена обозначения стран региона в Национальных стратегиях США. Так, в документе за 1990 г. они определяются как восточноевропейские, с 1991 г. их относят к региону Центральной или Центральной и Восточной Европы.

принадлежности «к политической и культурной традиции Европы». По мнению американцев, укрепление демократии и сильная экономика в ЦЕ снижали вероятность того, что США придется вести еще одну войну в Европе²⁴⁰.

Важным этапом на пути консолидации Центральной Европы стало создание в 1991 г. Вишеградской группы (В4). Ее стратегическими задачами были заполнение вакуума в сфере экономики и безопасности, возникшего в регионе в результате фундаментальных международных перемен. Как отмечал один из создателей В4 венгерский дипломат, экс-министр иностранных дел Геза Есенский, незамедлительно за публикацией новости о создании такого центральноевропейского формата последовали поздравления из США²⁴¹. Для них появление подобной региональной структуры, как отмечал словацкий политик Рудольф Хмел, являлось гарантией поддержания стабильности в ЦЕ и постепенного расширения зоны демократии и свобод на Восток, в т.ч. и на территорию СССР²⁴². В этой связи примечательно, что в дни августовского путча в Москве (19 августа 1991 г.) Г. Есенскому поступили телефонные звонки от президента США Джорджа Буша ст. и генерального секретаря НАТО Манфреда Вёрнера, в ходе которых венгерский политик получил заверения о готовности западных стран оказывать и далее поддержку демократическим преобразованиям в странах региона²⁴³.

США, не снимая с себя политической и моральной ответственности за демократическое будущее стран ЦЕ, за успех их рыночной трансформации, поначалу скептически относились к возможности их интеграции в НАТО. Примечательно, что бывший советник по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский, впоследствии автор концепции расширения Альянса на Восток, в 1990 г. для поддержания стабильности в Европе продвигал идею создания центральноевропейской конфедерации, состоящей из Чехословакии

²⁴⁰ National Security Strategy 1996 // National Security Strategy Archive. 01.02.1996. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1996/> (дата обращения: 09.11.2023).

²⁴¹ *Есенский Г.* 25 лет Вишеградской группе // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 13–19.

²⁴² *Chmel R.* My Visegrad Question // The Visegrad Group A Central European Constellation. Ed. by A. Jagodziński. Bratislava: International Visegrad Fund, 2006. P. 36–38.

²⁴³ *Есенский Г.* Указ. соч. С. 13–19.

и Польши²⁴⁴. Его коллега, экс-госсекретарь Генри Киссинджер, выступая в Рыцарском зале Вальдштейнского дворца в Праге (16 июня 1990 г.), предлагал создать пояс нейтральных государств из Чехословакии, Польши и Венгрии как противовес Германии и Советскому Союзу²⁴⁵.

Смена позиций наступила следом за стремительным распадом СССР и наступившим концом холодной войны. Впрочем, как отмечал бывший посол США в ФРГ Джон Корнблум в вопросе присоединения стран ЦЕ к НАТО официальный Вашингтон не имел единой позиции: «...одни рассматривали расширение как историческую необходимость, в то время как другие опасались, что это приведет к возобновлению конфронтации с русскими и подорвет роль НАТО “как жизнеспособного оборонительного военного альянса”»²⁴⁶. В 1995 г. З. Бжезинский в статье «План для Европы» отмечал, что администрация президента Билла Клинтона должна была «устранить двусмысленность, создаваемую его нынешними колебаниями»²⁴⁷. По его мнению, расширение НАТО должно было произойти «без ущерба для отношений с Россией», что было возможно, если «Германия и Польша помирятся, Запад и Россия – успокоят Украину, а проблема Прибалтики – будет решена»²⁴⁸. Примечательно, что он также считал, что нельзя допускать равенства в подходах к странам бывшего Варшавского договора, а приоритет следует отдать Польше, Венгрии, Чехии и Словакии. Оценивая свершившийся факт приема центральноевропейских стран в НАТО, профессор Школы передовых международных исследований Университета Джона Хопкинса Майкл Мандельбаум подчеркнул ошибочность расширения НАТО потому, что оно принесло с собой «отчуждение новой некоммунистической, неимперской России» от Запада. Он отмечал, что ущерб, который «расширение НАТО нанесло американской внешней политике в целом», перевешивает выгоды от

²⁴⁴ *Dienstbier J.* Visegrád // *Mezinárodní politika*. 1999. No. 2. P. 4–7.

²⁴⁵ *Kissinger H.* O současných mezinárodních vztazích // *Mezinárodní vztahy*. 1990. № 8. P. 60–67.

²⁴⁶ *Kornblum J., Mandelbaum M.* NATO Expansion, a Decade On // *The American Interest*. Vol. 3. No. 5. 01.05.2008. URL: <https://www.the-american-interest.com/2008/05/01/nato-expansion-a-decade-on/> (дата обращения: 21.11.2023).

²⁴⁷ *Brzezinski Z.* A Plan for Europe // *Foreign Affairs*. 1995. Vol. 74. No. 1. P. 27.

²⁴⁸ *Ibid.*

вступления стран ЦЕ в Североатлантический блок²⁴⁹.

После интеграции стран ЦЕ в НАТО в 1999 г. (Венгрия, Польша, Чехия) и 2004 г. (Словакия) очевидно, что внимание Соединенных Штатов переключается с этого региона, поскольку здесь удалось добиться поставленных целей, т.е. избежать эскалации насилия и предотвратить возрождение националистических тенденций. Взятые на вооружение инструменты – продвижение демократии и рыночной экономики – с издержками и заметными трудностями дали возможность местным обществам преодолеть наиболее сложный этап общественно-политической трансформации. С 2004 г. можно говорить об инерционном характере взаимоотношений между США и странами региона как на двустороннем, так и региональном уровнях. Несмотря на громкие слова американского президента Джорджа Буша мл. о Польше как «сердце Европы», являвшейся мостом для молодых демократий, в это время подобная риторика была направлена на поддержание американского образа, но не несла конструктивного содержания²⁵⁰. Доказательством стало то, что озвученные инициативы того времени так и остались на бумаге, не получив развития.

Попыткой повысить значение ЦЕ стала дискуссия о размещении в Чехии и Польше систем американской ПРО в годы второго срока правления администрации Дж. Буша мл. (2004–2008 гг.) Столкнувшись с противодействием внутри стран (в Чехии) и со стороны России, которая воспринимала дислокацию комплексов как угрозу национальной безопасности, пришедшая к власти в конце 2009 г. администрация Барака Обамы решила отказаться от ПРО в Центральной Европе²⁵¹. Решение Белого дома вынудило страны ЦЕ искать пути повышения своей региональной значимости и возвращение статуса ключевого партнера США. Одной из таких прорывных инициатив стало создание странами В4 в 2009 г. программы «Восточное партнерство» – платформы для

²⁴⁹ Kornblum J., Mandelbaum M. Op. cit.

²⁵⁰ Remarks by the President in Address to Faculty and Students of Warsaw University // The White House. 15.01.2001. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/06/20010615-1.html> (дата обращения: 21.11.2023).

²⁵¹ Klatka-Urbaniak K, Papla M. Central and Eastern Europe in the Foreign Policy of the United States of America under President Barack Obama. Case Study: Poland // Obama's America: Change and Continuity. Ed. by A. Mania. Jagiellonian University Press, 2012. P. 47–58.

дипломатической, экономической и культурной коммуникации с Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной. В свою очередь представители США активно поддерживали данный проект. Белорусский исследователь Т. В. Свентецкая объясняет это тем, что Вашингтон, не желавший в то время углубляться в дела постсоветских государств, передал странам Вишеградской группы на «аутсорсинг» миссию демократизаторства в Восточной Европе²⁵². Она также вполне аргументировано показывает, что политика США в отношении центральноевропейских государств в годы первого срока Б. Обамы была перемещена на периферию американской дипломатии, несмотря на попытки центральноевропейцев привлечь к себе внимание.

Такой вывод подтверждается анализом Национальных стратегий безопасности, откуда еще начиная с 2006 г. исчезает упоминание Центральной и Восточной Европы, которая с 1990 г. присутствовала во всех подобных опубликованных стратегических документах²⁵³. Научный сотрудник «Херитэдж Фаундейшн» Джек Спенсер признавал, что до 2014 г. администрация Б. Обамы «придавала малое значения трансатлантическим отношениям, а Европа едва ли фигурировала во внешней политике администрации»²⁵⁴. В то же время союзники США в ЦЕ оставались не услышанными, начиная с российско-грузинского конфликта 2008 г., в своих уверениях о необходимости укреплять безопасность «восточного фланга» НАТО и угрозах, исходящих со стороны России²⁵⁵.

²⁵² *Свентецкая Т.В.* Политика США в отношении стран Вишеградской группы в период первого президентского срока Барака Обамы // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2022. № 3 (14). С. 134–141.

²⁵³ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement // National Security Strategy Archive. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1995.pdf> (дата обращения: 22.11.2023).

²⁵⁴ *Gardiner N., Spencer J., Loris N., Coffey L.* Beyond the Crimea Crisis: Comprehensive Next Steps in U.S.–Russian Relations // Heritage. 25.03.2014. URL: <https://clck.ru/3AxLQC> (дата обращения: 22.11.2023).

²⁵⁵ Ibid.

Соединенные Штаты и Центральная Европа после начала российско-украинского конфликта

Воссоединение Крыма с Россией и начало вооруженных действий на востоке Украины в 2014 г. заставили Белый дом переосмыслить место центральноевропейских государств в своей внешнеполитической деятельности. В Стратегии национальной безопасности США 2015 г. впервые после долгого отсутствия упоминается Центральная Европа как пространство, которое могло использоваться для «сдерживания России и проведения военных учений НАТО». В документе подчеркивалось, что в ответ на «действия России на Украине» США «возглавили международные усилия по поддержке украинского народа, который выбрал демократичное будущее и рыночную экономику»²⁵⁶. На фоне обозначенных целей резко возрастала роль центральноевропейских государств и их проектов, направленных на демократизацию постсоветских стран. Более того, активная вовлеченность стран Вишеградской группы в «революционные события» в Киеве на начальном этапе кризиса и накануне него (например, Вильнюсский саммит ВП) продемонстрировала компетентность данных государств в восточноевропейских делах, их способность успешно продвигать интересы Запада²⁵⁷. Тем самым представители США могли констатировать, что за время их «временного отсутствия» в этом регионе «молодые европейцы» проявили себя как талантливые создатели нарративов, получивших общеевропейское звучание, и их лоббистов на уровне высших органов ЕС.

Прежде всего на фоне газовых кризисов между Россией и Украиной (2006, 2009 гг.) центральноевропейцы крепко ухватились за проблему энергобезопасности ЕС, которая могла быть поставлена под угрозу со стороны Москвы, осознававшей высокую зависимость многих европейских государств от поставок энергоресурсов из России и способной, по их мнению, использовать это в угоду своих «геополитических интересов». Историк Карел Гвиждяла обобщил представление о России, бытовавшее в то время в ЦЕ: «Россия по-прежнему считает нас составной частью Восточной Европы, при

²⁵⁶ National Security Strategy 2015 // National Security Strategy Archive. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения: 22.11.2023).

²⁵⁷ Шишелина Л.Н., Дрыночкин А.В., Лыкошина Л.С., Щербакова Ю.А. Отношения России и стран Вишеградской группы: испытание Украиной. М.: Спецкнига, 2015.

этом отвергая само понятие Центральной Европы. Парадоксально, но этот подход возрождает понятие, потому что мы используем его для защиты от России (как когда-то от Германии), которая всё еще пытается включить нас в свою сферу влияния и игнорирует тот факт, что мы являемся частью НАТО и ЕС»²⁵⁸.

В свою очередь секьюритизация этого вопроса в западноевропейских странах в «нулевые» годы не воспринималась так остро, как в постсоциалистических государствах, которые начали реанимировать свои исторические травмы, указывая на непрекращающийся характер имперских устремлений восточного соседа и его готовность покуситься на суверенитет своих бывших сателлитов. Изначально дискуссия по этому вопросу исходила преимущественно от экспертного и академического сообщества и оппозиционных политиков, однако постепенно по мере накопления кризисных явлений в российско-европейских отношениях их голос становился громче и проникал на более высокие международные площадки.

Несмотря на заявления США о повышенном внимании к ЦЕ нельзя утверждать, что инициативы, получившие развитие в это время, исходили из Белого дома напрямую. Можно говорить о наложении внутрирегиональных настроений, формирующихся на основе ностальгии, страха и стереотипов, и американских представлений о возможностях пространства, граничащего с Россией. Отметим, что «мозговые центры», оказывающие большое влияние на принятие решение в Соединенных Штатах, активно разрабатывали и продвигали концепции повышения значимости центральноевропейского региона. Например, Джордж Фридман, основатель частного аналитического центра «Стратфор», прогнозировал, что Польша станет влиятельным государством, для чего ей необходимо было «дистанцироваться от Европейского Союза и сформировать региональную группировку, объединяющую страны ЦВЕ»²⁵⁹.

Неудивительно, что возникшие после 2014 г. проекты, направленные на повышение значимости региона и его связности, получили активную поддержку со стороны Вашингтона. В обозначенное время появляются две новые региональные структуры взаимодействия –

²⁵⁸ *Hvižďala K.* Východní střední Evropa jako fenomén... S. 10.

²⁵⁹ *Zięba R.* Three Seas Initiative // *Politics and Security of Central and Eastern Europe. Contributions to Political Science.* Ed. by R. Zięba. Springer; Cham, 2023. P. 261–275.

Бухарестская «девятка» и «Инициатива трех морей», объединившие государства Центральной и Юго-Восточной Европы «с негативным опытом взаимодействия с Россией». Научный сотрудник МГИМО И. Д. Лошкарев справедливо утверждал, что польская элита в работе ИТМ видела «необходимость организации пространства между Германией и Россией с целью политического сдерживания этих государств»²⁶⁰, т.е. стремилась преодолеть исторически сложившийся «эффект сдавленности», который традиционно характеризовал регион ЦЕ.

В условиях подобного курса, несомненно, Польша усиливала атлантический вектор внешней политики, что подразумевало тесное взаимодействие с Соединенными Штатами, где в конце 2016 г. на президентских выборах победу одержал республиканец Дональд Трамп. Эксперты и аналитики отмечали, что он не скрывал своего негативно-пренебрежительного отношения к Евросоюзу и стремился выстраивать отношения с партнерами в двустороннем формате «государство – государство», для которого не требуются какие-либо многосторонние организации²⁶¹. В этой связи примечательно, что по отношению к ИТМ он сформировал «благожелательно-нейтральное отношение», которое выразил в ходе визита в Варшаву летом 2017 г.²⁶² на саммит этой центральноевропейской инициативы. Произнесенная на главной площади польской столицы речь Д. Трампа стала программным манифестом его восприятия этой страны («Польша является сердцем Европы»²⁶³) и сигналом западноевропейским партнерам. Неудивительно, что политические обозреватели зафиксировали факт разделения Европы на два лагеря²⁶⁴. Во главе первого, объединившего 12 стран – участниц ИТМ, находилась Польша, которая активно поддерживала курс США,

²⁶⁰ Лошкарев И.Д. Изменение политики США в Центральной и Восточной Европе // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 173.

²⁶¹ Портанский А. США – Европа: союзнические отношения под угрозой // Современная Европа. 2019. № 6. С. 30–39.

²⁶² Лошкарев И.Д. Указ. соч. С. 169–183.

²⁶³ Trump's Speech in Warsaw (Full Transcript, Video) // CNN. 06.07.2017. URL: <https://edition.cnn.com/2017/07/06/politics/trump-speech-poland-transcript/index.html> (дата обращения: 22.11.2024).

²⁶⁴ Trump's Foreign Trip Tells a Tale of Two Europes // Heritage. 07.07.2017. URL: <https://www.heritage.org/europe/commentary/trumps-foreign-trip-tells-tale-two-europes> (дата обращения: 22.11.24).

перевыполняла обязательства по расходованию 2% ВВП на оборону и вовлекалась в совместные экономические проекты. Второй лагерь презентовали представители «старой Европы» и политические структуры ЕС, которые в представлении президента Трампа были «врагами»: «...с точки зрения как ЕС поступает с нами в торговле, он является нашим врагом. Я не говорю о ЕС в целом, но они наши враги...»²⁶⁵. Подтверждением наметившейся тенденции также стало турне госсекретаря Майка Помпео в 2019 г., наложившееся на 30-летнюю годовщину «бархатных революций». Местные СМИ констатировали, что основное послание, которое высокопоставленный чиновник хотел донести до центральноевропейцев, сводилось к лозунгу «Америка вернулась»²⁶⁶.

На фоне «разворота администрации Трампа от Западной Европы» в пользу более активного участия в делах в центре и на востоке Европы²⁶⁷, очевидно, что повышался не только интерес к региону, но и видоизменялось его восприятие в американском истеблишменте. Если раньше ЦЕ рассматривалась в основном как территория, очерченная еще со времен Милана Кундеры границами четырех государств, основавших В4, то после 2014 г. пределы этого пространства расширяются как на север, так и на юг. В него начинают вбираться все постсоветские, постсоциалистические и постъюгославские государства, входящие в ЕС и/или НАТО. «Разбухание» региона от Северного до Черного и Адриатического морей произошло во многом за счет изменения функционала, вкладываемого в пространственное деление Европы: так придаваемый ЦЕ гуманитарно-цивилизационный характер, подразумевавший распространение демократии, прав человека и рыночной экономики внутри региона и за его пределами, дополняется – с выдвиганием на приоритетные позиции – военно-политического инструментария. Если ранее регион должен был закрепиться в демократическом лагере и стремиться распространять такие идеи на Восток, в т.ч. на Россию, то после крымских событий 2014 г. на первый план

²⁶⁵ Журкин В.В., Носов М.Г. Дональд Трамп и Европа // Современная Европа. 2018. № 4. С. 17.

²⁶⁶ The Mike Pompeo Road Show in Central Europe // Carnegie. 14.02.2019. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/78359> (дата обращения: 22.11.2023).

²⁶⁷ Waśko-Owsiejczuk E. Central and Eastern Europe in U.S. Foreign Policy // Politics and Security of Central and Eastern Europe. Contributions to Political Science. Ed. by R. Zięba. Springer; Cham, 2023. P. 277–295. DOI: 10.1007/978-3-031-16419-4_14

выводится миссия по ее сдерживанию и поддержке тех режимов, которые противодействовали Москве. Вполне оправданно замечание И. Д. Лошкарева о произошедшем «структурировании политического пространства ЦЕ и появлении условного ядра (В4) и периферии (к которой относятся, в частности остальные участники ИТМ)»²⁶⁸.

Также стоит подчеркнуть усиление голоса Польши, которая переняла статус неформального регионального лидера у Чехословакии/Чехии, что было обусловлено именно изменившимся функционалом ЦЕ. Если после «бархатных революций» перед регионом стояла ценностно-гуманистическая миссия по «возврату в Европу», которую прекрасно реализовывали чешско-словацкие диссиденты, интеллектуалы и их последователи, то после 2014 г. востребованным стал исторический опыт Польши (Речи Посполитой) по взаимодействию с Россией и русскими. Повышение статуса Варшавы среди своих соседей также происходило за счет предельно глубокой вовлеченности в американские проекты, которой не было ни у одного другого государства в ЦЕ. В этой связи стоит более подробно осветить детали польско-американского сотрудничества, поскольку через него можно более четко понять восприятие ЦЕ американским истеблишментом, получившее распространение в годы нахождения у власти первой администрации Д. Трампа (2017–2021 гг.).

Прежде всего взаимодействие между Варшавой и Вашингтоном стало поступательно набирать обороты в военной сфере. Готовность США обеспечивать безопасность Польши соответствовала стратегическому позиционированию польского правительства. Взгляды последнего базировались на представлении о Польше как «крепости», сдерживающей «негативные процессы и явления [в Европе. – *Примеч. авт.*] с помощью максимального повышения издержек любого оппонента при нападении и осознание собственной самодостаточности в международных отношениях»²⁶⁹. В такой ситуации польские власти настаивали на усилении американского военного присутствия в стране за счет увеличения контингентов армии США и создания постоянных баз дислокации. Решение об отправке танковой бригады было принято еще Бараком Обамой на варшавском саммите НАТО

²⁶⁸ Лошкарев И.Д. Указ. соч. С. 181.

²⁶⁹ Лошкарев И.Д., Пареньков Д.А. Неэкспансионистские типы стратегической культуры Польши: идейная ретроспектива и современные последствия // Балтийский регион. 2022. № 2 (14). С. 72.

летом 2016 г., однако практическая реализация этого намерения пришлось уже на каденцию Д. Трампа в январе 2017 г. Как отмечал О. Ю. Михалев, расквартирование в Польше техники и вооружения позволяли «Соединенным Штатам в случае необходимости быстро развернуть в ЦЕ крупное воинское соединение, просто перебросив в этот район дополнительный личный состав»²⁷⁰. Мегапроектом, так и не получившим реализацию, стало предложение польского президента Анджея Дуды о создании в Польше крупной военной базы, т.н. Форт Трамп, которая должна была стать громким сигналом о закреплении американской армии в ЦЕ и выдвижении Варшавы в качестве главной силы Запада по сдерживанию Москвы.

Другой важный аспект сотрудничества в военной сфере был связан с закупками польской стороной американского ВиВТ. Активно кооперируясь в этом вопросе с заокеанским партнером, поляки решали три задачи как внутреннего, так и внешнего свойства: во-первых, страна проводила масштабную модернизацию вооруженных сил, во-вторых, правительство подтверждало свои обещания перед населением об обеспечении обороноспособности государства, в-третьих, Варшава демонстрировала выполнение обязательств перед США по расходованию 2% национального ВВП на военные цели. В свою очередь американская сторона, заключая договоры на поставку в Польшу вооружения, продвигала интересы отечественных военно-технических корпораций. Можно предположить, что в обстоятельствах широкой популяризации американо-польского военно-технического сотрудничества срабатывал «эффект фургона с оркестром» (*bandwagon effect*), который способствовал увеличению заинтересованности к американской продукции со стороны других центральноевропейских стран.

Второе направление сотрудничества было связано с энергетическим сектором и продвижением на польский рынок американского СПГ. Во-первых, это соответствовало долгосрочному курсу Польши по отказу от российских углеводородов (СПГ-терминал в Свиноуйсьце начали строить еще в 2011 г., завершили в 2016 г.), во-вторых, Соединенные Штаты, начавшие экспорт собственного СПГ в 2016 г.,

²⁷⁰ Михалев О.Ю. Польско-американские отношения в период президентства Д. Трампа (2017–2020 гг.) // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы: сборник научных статей. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. С. 229.

были заинтересованы в завоевании новых рынков. В этой связи Польша, идущая навстречу американским предложениям, могла повысить свою роль в ЦЕ, став «входными воротами» для СПГ США и получив роль газораспределительного хаба на севере континента. В таких обстоятельствах возрастала роль ИТМ, которая, по словам эксперта А. А. Конопляника, начинала выполнять роль «коридора “Север – Юг” на востоке Европы для СПГ США»²⁷¹.

Несомненно, что таким способом ставилась задача «внеэкономическими, политически мотивированными административными методами» убрать «более дешевый российский газ как конкурента с газового рынка ЕС»²⁷². Американский президент Д. Трамп не скрывал своих намерений: «Мы располагаем огромными энергетическими ресурсами, и теперь мы экспортируем их. Так что, если кому-то из вас нужна энергия, просто дайте нам знать... ИТМ... преобразует и перестроит весь регион и даст уверенность в том, что ваша инфраструктура, так же как ваша приверженность свободе и верховенству права, связывает вас со всей Европой и конкретно с Западом»²⁷³. Говоря о преимуществах американского газа, он указывал на опасность, исходящую от России в этом вопросе: «Соединенные Штаты никогда не будут использовать энергию как средство принуждения в отношении ваших государств, и мы не можем позволить другим делать это»²⁷⁴. Подтверждением особого статуса ИТМ на европейском треке американской внешней политики стало решение Палаты представителей США в феврале 2020 г. выделить 1 млрд долл. на поддержание «экономического роста, устойчивости, транспортной и цифровой связности, а также энергетической безопасности данного стратегического региона»²⁷⁵. В этой связи вполне закономерно

²⁷¹ Конопляник А. Американский СПГ в ЕС против России и самой Европы // Энергетическая политика. 2022. № 7(173). С. 18.

²⁷² Там же. С. 16.

²⁷³ Выступление президента США Дональда Трампа на саммите ИТМ // Посольство и консульства США в Российской Федерации. 06.07.2017. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-president-trump-three-seas-initiative-summit-ru/> (дата обращения: 22.11.2023).

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ H.Res.672 – Expressing Support of the Three Seas Initiative in Its Efforts to Increase Energy Independence and Infrastructure Connectivity Thereby Strengthening the United States and European National Security // Congress. 18.11.2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/672/text> (дата обращения: 22.11.2023).

утверждение польского политолога Адриана Чояна, что «энергетическая политика Трампа – это не что иное, как достижение особых интересов Америки и желание укрепить свои позиции в качестве энергетической сверхдержавы»²⁷⁶.

Третье направление польско-американского сотрудничества, которое основывалось на внедрении запретно-ограничительных норм в правовой сфере государства, было нацелено на сдерживание России и Китая. Российский американист С. В. Кислицын подчеркивал, что Польша «рассматривалась как важнейший союзник в препятствовании распространения влияния КНР и РФ»²⁷⁷. Впрочем, важно отметить, что несмотря на заметные сдвиги в международных отношениях в Восточной Европе, инициированные Москвой после 2014 г., Вашингтон был прежде всего обеспокоен подъемом влияния Пекина и его платформы «17+1», направленной на инфраструктурное сближение стран Центральной и Восточной Европы с Китаем. В случае с польско-американским взаимодействием связка двух держав, расположенных на Востоке, была обоснована тем, что для центральноевропейцев угрозы, исходящие от Китая, были не вполне очевидны из-за отсутствия долгой истории контактов и недостатка конфликтности в отношениях. В то же время опасности, связанные с Россией и ее «империалистическими устремлениями» были осязаемы и не требовали долгого объяснения ввиду стереотипного восприятия последней. Поэтому размещение двух стран рядом в Стратегии национальной безопасности США в 2017 г. как тех, кто «бросает вызов американской мощи, влиянию и интересам», дополняло общую картину стремления Вашингтона обозначить оппонентов на пути к мировому господству. В свою очередь ЦЕ при лидерстве Польши могла стать преградой для продвижения «авторитарных политических систем». Примечательно, что альтернативой китайским инициативам «17+1» и «Пояса и пути», которые, по мнению американцев, были «источником коррупции, долговых ловушек и плохих экологических и трудовых стандартов», являлась ИТМ²⁷⁸. Последней вменялась роль американского

²⁷⁶ *Chojan A.* The United States on the Three Seas Initiative // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2019. No. 17. P. 90.

²⁷⁷ *Кислицын С.В.* Политика США в условиях растущих невоенных вызовов в Европе // *Современная Европа*. 2021. № 6. С. 61.

²⁷⁸ *Chojan A.* Op. cit. P. 85.

плацдарма на Евразийском континенте, который мог стать эффективным трамплином для продвижения в Евразию международного демократического порядка и взаимовыгодного сотрудничества. По мнению отечественного эксперта Д. Г. Евстафьева, ИТМ становилась «почти идеальной пространственной “пробкой” на пути китайского глобального проекта “Пояс и путь”. Преодолеть препятствие за счет коррекции маршрутов... сложно, если вообще возможно»²⁷⁹.

Таким образом, на примере Польши и ее ИТМ обозначены ключевые аспекты восприятия Соединенными Штатами центрально-европейского региона, сформировавшиеся после 2014 г. Его характеризовали инструментальная оценка пространства, во-первых, как противовеса «старой Европе» (некий «троянский конь»), во-вторых, как заслон перед усилением влияния России и Китая, в-третьих, как перспективный рынок сбыта своей продукции – энергоресурсы и вооружение – и, в-четвертых, как площадка для продвижения торгово-экономических интересов. Также примечательно расширение границ ЦЕ и обозначение ее неформального лидера. Говоря о причинах трансформации ЦЕ, обоснованно утверждение заведующей Отделом исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН Л. Н. Шишединой о том, что толчком к переменам стала «мировая конфронтационность»²⁸⁰. В обстановке ее нарастания накануне 2022 г. максимально оправданно звучало мнение Евстафьева: «ИТМ... по геополитическому и геоэкономическому потенциалу далеко выходит за рамки классической “польской геополитики и... при определенных условиях [она. – *Примеч. авт.*] способна стать основой для альтернативного Евросоюзу проекта, где намного легче сформировать полноценный военно-силовой компонент»²⁸¹.

Соединенные Штаты и Центральная Европа после начала СВО

После начала СВО в феврале 2022 г. значение центрально-европейского региона существенно возрастает для американской

²⁷⁹ *Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М.* Новое вино в старые мехи // Россия в глобальной политике. 2023. № 5 (21). С. 190.

²⁸⁰ *Шишедина Л.Н.* Триморье: постпандемическое пробуждение // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 4 (22). С. 24–29.

²⁸¹ *Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М.* Указ. соч. С. 184.

дипломатии и продвижения интересов США в мире. Джо Байден, пришедший на смену Дональду Трампу в начале 2021 г., несмотря на свое прохладное отношение к Центральной Европе²⁸², продемонстрированное в первый год каденции, в изменившихся обстоятельствах перенял подходы своего предшественника. Произошла активизация выработанных механизмов американо-центральноевропейского взаимодействия, которые запускали процессы, укрепляющие позиции Соединенных Штатов как в региональном, так и в глобальном измерениях при сокращении их издержек. В этой связи символичен визит Байдена в Варшаву 26 марта 2022 г., который подтвердил высокий статус сотрудничества США и Польши и ведущее место последней на пространстве между Германией и Россией. Выступая в Королевском замке, американский президент оценивал разразившийся российско-украинский конфликт как продолжение борьбы европейских народов за свободу. Украинские события были им поставлены в один ряд с 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии. Байден отмечал: «Мы вновь вступили в великое сражение: битву между демократией и автократией, между свободой и репрессиями, между порядком, основанным на правилах, и порядком, управляемым грубой силой»²⁸³. Российский полонист О. Ю. Михалев констатировал: «Разворачивающиеся события поставили Польшу в эпицентр мировой политики, и она применяла все имеющиеся в ее распоряжении возможности, чтобы, опираясь на США, сплотить партнеров по ЕС и НАТО»²⁸⁴.

Несмотря на закрепление за Польшей роли регионального лидера, подходы американских политиков свидетельствовали о сохранении восприятия центральноевропейского пространства как единого целого. Подтверждением именно такого подхода стала активизация региональных форматов сотрудничества. Помимо ИТМ, которая к этому времени стала полифункциональной региональной структурой, объединившей работу парламентского, инвестиционного и бизнес-

²⁸² Павлова М.С. Польша в трансатлантической политике администрации Дж. Байдена в 2021 г. // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. Спецвыпуск, 2021.

²⁸³ Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine // The White House. 26.03.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/> (дата обращения: 22.11.2023).

²⁸⁴ Михалев О.Ю. Изменение международной роли Польши... С. 45.

форумов, была реанимирована Б9. На фоне российско-украинского кризиса американцы сделали акцент именно на нее, поскольку она объединяла страны на основе общих подходов в политике безопасности, сдерживании России и приверженности укреплению НАТО. Подтверждением особого статуса Б9 стало участие Д. Байдена в бухарестском саммите, организованном в первую годовщину с начала СВО на Украине²⁸⁵. Американский президент, выступая перед лидерами девяти государств и генсеком НАТО, акцентировал внимание: «Будучи восточным флангом Альянса, вы находитесь на переднем крае нашей коллективной обороны. Вы лучше, чем кто-либо, знаете, что поставлено на карту в этом конфликте не только для Украины, но и для демократий по всему миру»²⁸⁶.

Важным аспектом трансформации ЦЕ является изменение границ ее восприятия, что подтверждало продемонстрированную в предшествовавшие исторические эпохи территориальную лабильность. Прежде всего, в рамках центральноевропейского дискурса впервые это пространство начинает вбирать в себя Украину как государство, а не отдельные ее регионы, например, входившие в Австро-Венгрию. Для подобных изменений использовался комплекс обоснований, сочетавший исторические, ценностные и функциональные доводы. Во-первых, отмечалось, что Украина после начала СВО встала в один ряд с Польшей, Венгрией и Чехословакией, переживших ранее в XX в. вмешательство извне и продемонстрировавших твердое несогласие с ним. Во-вторых, Киев в глазах Европы и Соединенных Штатов выступил в качестве защитника западных ценностей, готового отстаивать их всеми возможными способами. В-третьих, Украина, пройдя через возникшие испытания, переняла на себя миссию по охране западной цивилизации, став форпостом на Востоке, сдерживающим ее от авторитарных режимов.

Помимо изменения содержательной компоненты ЦЕ можно обозначить политическую трансформацию региона – качественный сдвиг его места в евро-атлантическом сообществе.

Во-первых, в контексте украинского кризиса произошло выдвижение на передний край центральноевропейских государств, действия которых отличались большей решительностью и бескомпромиссностью

²⁸⁵ *Шишедина Л.Н.* Роль «Бухарестской девятки» на восточном фланге НАТО...

²⁸⁶ Remarks by President Biden Before Meeting with the Leaders of the Bucharest Nine...

в отношении России и глубокой вовлеченностью в конфликт как в политической, военной и гуманитарной плоскостях. Их позиция в первые дни после начала СВО заметно контрастировала с неуверенным поведением западноевропейских политиков, которые избегали резких заявлений и действовали в пределах установленных ранее правил²⁸⁷. Проявившиеся различия, с одной стороны, давали Соединенным Штатам возможность играть на противоречиях внутри Европейского союза, с другой – это способствовало более глубокому вовлечению стран «старой Европы» в конфликт ввиду их нежелания допустить перенос центра тяжести на восточную часть ЕС.

В этой связи показательны данные о поставках вооружения на Украину, в которых страны ЦЕ в первые месяцы конфликта были более радикальными как по объемам предоставленных единиц техники и боеприпасов, так и по ее номенклатуре. Например, они были пионерами по передаче отдельных видов вооружения: так, Чехия стала первой европейской страной, которая направила Киеву тяжелую военную технику (танки, БМП), Словакия – системы ПРО, Польша – истребители. Если в абсолютных числах вклад Соединенных Штатов в первый год конфликта был очевиден (они обеспечили 70% совокупной военной помощи и почти 50% от общего объема помощи Украине)²⁸⁸, то государства ЦЕ лидировали в объемах помощи в пересчете на национальный ВВП. К примеру, за период с февраля по август 2022 г. первенство имела Эстония – 0,83%, за ней следовала Латвия (0,8%), на третьем месте была Польша (0,49%). Объем помощи Чехии и Словакии составлял 0,19%. В то же время на помощь Германии приходилось 0,08% ее ВВП, а Франции – 0,04%²⁸⁹. Как отмечал эксперт РСМД С. Андреев, данный показатель «давал более

²⁸⁷ Например, Германия изначально исключила отправку оружия на Украину и запретила Эстонии отправлять туда гаубицы немецкого производства. См.: Germany to Send Ukraine Weapons in Historic Shift on Military Aid // Politico. 26.02.2022. URL: <https://www.politico.eu/article/ukraine-war-russia-germany-still-blocking-arms-supplies/> (дата обращения: 22.11.2023).

²⁸⁸ *Евтодьева М.* Западная военная помощь и передачи вооружений Украине в 2022 – начале 2023 г.: ключевые тенденции // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 11–30.

²⁸⁹ К концу 2024 г. американская помощь Украине составила 114 млрд долл., из которых 64,13 млрд долл. пришлось на военные поставки. Это было 45% от общего объема безвозмездных поставок. См.: Ukraine Support Tracker // The Kiel Institute for the World Economy. URL: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/> (дата обращения: 22.11.2023).

точное представление об уровне союзнических отношений с Киевом и заинтересованности той или иной страны в нанесении максимального ущерба России»²⁹⁰.

Во-вторых, начало СВО было использовано американскими властями для того, чтобы продвинуть интересы отечественных производителей СПГ и нарастить его поставки на европейские рынки. В 2022 г. США удвоили экспорт СПГ в Евросоюз (56 млрд м³ против 22 млрд м³ в 2021 г.), что сделало ЕС его крупнейшим потребителем и главным рынком сбыта для американских газовых концернов²⁹¹. Позиция центральноевропейских правительств, публично призывавших положить конец господству российских энергокомпаний в ЕС с конца «нулевых», способствовала цементированию на уровне ЕС постулата об использовании газа/нефти в качестве «оружия» и инструмента политического давления. В свою очередь, американский газ воспринимался местными элитами как гарантия безопасности и способ продвижения демократических ценностей. Таким образом, скорейший отказ от энергозависимости от России рассматривался как шаг по защите национальных интересов. Примечательно, что страны ЦЕ (Польша, Чехия) были лидерами по темпам замещения российского трубопроводного газа, что давало им «моральное» право говорить о том, что переход на «демократический» газ вполне возможен и не ведет к экономическому коллапсу.

Помимо продвижения интересов Соединенных Штатов в газовом секторе, американцы стремились заполнить все экономические направления, где было ощутимо присутствие российского бизнеса. В этом стремлении они наталкивались на понимание со стороны центральноевропейцев относительно атомной энергетики, где сильные позиции «Росатома» воспринимались как инструмент возможного политического воздействия и давления из-за долгосрочности контрактов на возведение новых АЭС и зависимость от критически важных технологий, заменимость которых на иностранные аналоги была проблематична. Показательны решения

²⁹⁰ Андреев С. Международная помощь Украине: доноры, объемы, перспективы // РСМД. 20.09.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-pomoshch-ukraine-donory-obemy-perspektivy/?ysclid=lrn6tmj2z786281509> (дата обращения: 22.11.2023).

²⁹¹ EU – U.S. Cooperation on Energy Issues // European Commission. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/international-cooperation/key-partner-countries-and-regions/united-states-america_en (дата обращения: 22.11.2023).

чешского правительства об исключении российской компании из конкурса на постройку дополнительных энергоблоков АЭС «Дукованы» и выдвижение на приоритетные позиции американской компании Westinghouse²⁹², с которой ранее чешская фирма EZ заключила контракт на поставку ядерного топлива. Свидетельством усиления позиций Westinghouse в ЦЕ стало оформление ее представителями в сентябре 2023 г. соглашения с польскими коллегами о воздвижении первой в стране атомной электростанции на площадке Люботово-Копалино²⁹³.

Реализуя экономические интересы страны, США также стремились загрузить мощности своих производителей ВиВТ на фоне боевых действий в зоне СВО. В этой связи передача оружия центральноевропейскими странами вела не только к поддержанию боеспособности ВСУ, но и обеспечивала модернизацию местных армий, которые избавляясь от техники, произведенной в социалистическую эпоху, приобретали вооружение, соответствующее стандартам НАТО. Примечательно, что практически все новости о выделении странами ЦЕ военной помощи Киеву сопровождались впоследствии сведениями о заключенных контрактах на поставку американского ВиВТ. Таким образом их экспорт способствовал достижению США поставленных целей во внешней политике²⁹⁴, а именно закрепление ЦЕ в трансатлантическом сообществе и создание из этого пространства зоны отчуждения России от Европы.

Третье инструментальное восприятие ЦЕ американской администрацией было связано с использованием потенциала этого региона для предотвращения распространения китайского и российского влияний. Если российский фактор был ограничен санкциями и иными неправовыми инструментами и после 2022 г. сузился задачами вокруг СВО, то китайский вопрос заметно актуализировался на фоне формирова-

²⁹² Однако в июле 2024 г. чешское правительство заявило о победе корейской компании KHNP в тендере на достройку двух энергоблоков на сумму 8,7 млрд долл. В свою очередь, американский концерн Westinghouse заявил о желании добиться пересмотра данного решения через суд.

²⁹³ Америка пострит первую в Польше АЭС // Нефтегазовая вертикаль. 22.09.2023. URL: https://ngv.ru/news/amerika_postroit_pevuyu_v_polshe_aes/ (дата обращения: 22.11.2023).

²⁹⁴ Репников Д.А. Приоритеты США в системе регулирования международной торговли вооружениями // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 8. С. 33–46.

ния новой системы международных отношений. Политолог Дэниел Хегедюш подчеркивал, что Соединенным Штатам не следовало сосредотачивать свои усилия только на Азиатско-Тихоокеанском регионе, если они заинтересованы в ограничении глобального влияния Китая. Успех на центральноевропейском направлении, по его мнению, был возможен за счет того, что большинство стран ЦЕ являлись членами НАТО, и они в значительной степени зависели от предоставленных Вашингтоном гарантий безопасности. По мнению эксперта, если Штатам не удастся сдержать китайское влияние в Центральной Европе, подобное развитие событий привело бы не только к провалу усилий по противодействию Пекину в других регионах мира, но и к урону целостности НАТО, который окажет воздействие на способность блока поддерживать устойчивость перед лицом угрозы со стороны России²⁹⁵.

На китайском направлении в 2022–2023 гг. странам ЦЕ удалось продемонстрировать неприятие политических и инфраструктурных проектов Пекина, которые рассматривались как инструменты продвижения его интересов. Например, центральноевропейские политики осенью 2023 г., за исключением премьера Венгрии В. Орбана, проигнорировали форум «Один пояс – один путь». Также из инициативы «17+1», направленной на развитие китайско-центральноевропейского сотрудничества, вышли три балтийских участника, что привело фактически к приостановке деятельности этой структуры на том уровне как она изначально планировалась. Местные политики нарочито демонстрировали свою вовлеченность в тайваньский вопрос, указывая на демократический характер частично признанного государства и его противостояние авторитаризму континентального Китая²⁹⁶.

Обобщая сказанное можно констатировать, что с момента «бархатных революций» украинский кризис, интенсифицированный запуском СВО, стал наиболее мощным толчком для усиления политической значимости центральноевропейского региона. Как и тогда импульс для укрепления данного пространства исходил как от самих государств, так и был существенно поддержан Соединенными Штатами. Если в начале 1990-х гг. перед государствами стояла четкая цель

²⁹⁵ *Hegedüs D.* Why Central and Eastern Europe Will Matter for the Biden Administration // GMUS. URL: <https://www.gmfus.org/news/why-central-and-eastern-europe-will-matter-biden-administration> (дата обращения: 24.11.23).

²⁹⁶ *Ведерников М.В.* Чешско-тайваньские отношения: поворот на Восток? // Современная Европа. 2023. № 7. С. 86–97.

по «возвращению в Европу» через вступление в евро-атлантические структуры, то в 2020-х гг. они, не озвучивая напрямую, демонстрировали желание «покинуть зал ожидания» и попасть в лагерь западных стран. Кризисные, переломные события могли предоставить возможность достигнуть этого на политическом уровне для некоторых из них. В отличие от Брюсселя, который не был готов к такому, Вашингтон был вполне заинтересован в появлении дополнительных сильных игроков, которые могли неэкономическими методами ослабить традиционных лидеров ЕС – Францию и Германию. На этом фоне он предпринимал меры как по продвижению своих интересов, так и поддержке усилий государств ЦЕ, прежде всего Польши, которая стала очевидным лидером ЦЕ.

Как показала история, сохранение локальной идентичности народов ЦЕ всегда было возможно только под опекой или в союзе с более крупным государством (Австро-Венгрией / Германией / СССР / США). В этой связи распад социалистической системы поставил соответствующий вопрос, предполагавший поиск гарантий безопасности. В тот момент для стран ЦЕ, желавших интегрироваться в западное общество, логичной была ориентация на Соединенные Штаты, которые после холодной войны остались единственной сверхдержавой. Что касается последних, то они восприняли ЦЕ сугубо инструментально, очертив его пределы границами четырех наиболее развитых постсоциалистических стран (Чехия, Польша, Венгрия, Словакия), которые должны были стать витриной установления демократического и свободного общества. По мере того, как поставленная задача была выполнена, к началу XXI в. Вашингтон переключил свое внимание на другие регионы мира, а центральноевропейская идея стала постепенно угасать.

Ее «возрождение» связано с неожиданным кризисом, всколыхнувшим Европу в 2014 г. и поднявшим вопрос о безопасности региона. Примечательно, что в обстановке озвученной миссии по сдерживанию России, а затем и Китая, политическая роль ЦЕ трансформировалась. Происходит отход от восприятия пространства между Россией и Германией как источника продвижения демократии и прав человека в сторону его оценки в качестве форпоста, охраняющего

Запад от авторитарного Востока. Подобный центральноевропейский «санитарный кордон» был эффективен только при расширении его прежних «ментальных границ», поэтому с 2014 г. американские политики включают в ЦЕ все постсоветские, постсоциалистические и постъюгославские государства, входящие в ЕС и/или НАТО. Символичным стало создание двух региональных организаций – Б9 и ИТМ, объединивших Болгарию, Венгрию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, Словакию, Словению, Хорватию, Чехию и Эстонию. Однако отметим, что место ЦЕ в американской внешней политике с 2014 по 2022 г. менялось в зависимости от находившейся у власти администрации: Д. Трамп вывел отношения с регионом на особый уровень, его преемник Д. Байден поначалу не придавал значение ЦЕ.

После начала СВО на Украине происходит изменение подхода американской дипломатии к центральноевропейскому региону. Вашингтон увидел в этих государствах инструмент для продвижения своих национальных интересов в более широком масштабе, нежели Соединенные Штаты делали это в предшествующие годы. Во-первых, на фоне более решительных действий стран ЦЕ в начале российско-украинского кризиса США получили дополнительный механизм для воздействия на Евросоюз в вопросе формирования солидарного подхода в вопросе помощи Киеву. Во-вторых, категорическая позиция стран ЦЕ относительно использования российских углеводородов и торгово-экономических отношений с Москвой способствовала продвижению американских компаний на европейский рынок, прежде всего в энергетической сфере. В-третьих, ультимативное неприятие действий России на Украине делало из центральноевропейских государств плацдарм по сдерживанию политического, экономического и культурного продвижения России и Китая в ЕС. Также важным моментом в трансформации ЦЕ стало вовлечение в ее пространство Украины, которая вполне успешно способствовала реализации указанных интересов США в Европе. Этот факт подтверждал присущее ЦЕ свойство: нестабильность границ, поступательное движение на Восток и наступательный характер по отношению к России.

3.2. Британский фактор: непреходящие ценности Лондона

Наравне с американским фактором в трансформации политической роли ЦЕ, который был, несомненно, более значимым

и находился на виду для внешних экспертов, особую роль играла и политика Британии. Однако она подчас ускользала от взора наблюдателей, сконцентрированных исключительно на отслеживании действий Вашингтона, а также Брюсселя. После выхода страны из ЕС ее политические элиты стремились перестроить внешнюю политику, «застолбив» для себя место в новом политическом раскладе международных центров силы. Принятый в 2021 г. документ «Глобальная Британия» отчетливо свидетельствовал о желании британцев восстановить международные позиции Лондона после брексита²⁹⁷. Хотя документ в первую очередь провозглашал о «повороте в Индо-Пацифику», сотрудник ИМЭМО РАН Д. Л. Кувшинов доказывал, что «в последние годы [Британия. – *Примеч. авт.*] значительно закрепились в ЦВЕ»²⁹⁸. Отечественный англовед К. А. Годованюк считала: «Несмотря на новую риторику, внешняя политика Соединенного Королевства базировалась на традиционных ценностях и дипломатических установках страны»²⁹⁹. Таким образом, Центральная и Восточная Европа как один из компонентов внешнеполитических интересов Британии продолжала играть не последнюю роль в ее мировой политике.

Подход Лондона к ЦЕ: исторический аспект

В этой связи важно рассмотреть устоявшиеся за несколько столетий паттерны британской политики, которые несмотря на события XX в., связанные с развалом колониальной империи, продолжали формировать основы внешнеполитического курса страны. Британский историк Роберт Сетон-Уотсон, работавший еще в первой половине XX в., выделял две ключевые тенденции национальной политики. Во-первых, страна инстинктивно проти-

²⁹⁷ Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy // UK Government. 2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 11.03.2025).

²⁹⁸ Кувшинов Д.Л., Морозов А.С. «Незаменимый союзник»: польско-британское военно-политическое партнерство как элемент «Глобальной Британии» // Ответственные науки и современность. 2022. № 6. С. 26.

²⁹⁹ Годованюк К.А. «Глобальная Британия» в преддверии брексита. М.: ИЕ РАН, 2020. С. 17.

водействовала любым претензиям на мировое господство, откуда бы они ни исходили, стремясь добиться определенного равновесия на европейском континенте. Во-вторых, препятствуя возвышению любого всемогущего соперника, политика Лондона была направлена на экспорт британских либеральных институтов. Существовало представление, что правительства, которые их принимают, должны пользоваться активной поддержкой Британии против своих соперников, и что единственный надежный способ предотвратить революционные и подрывные движения – это пресечь их на корню путем поддержания хорошего и, по возможности, свободного правительства или, где это необходимо, путем проведения политических реформ. В этой связи, как отмечал ученый, Британия всячески приветствовала в XIX – начале XX вв. появление в Европе малых и средних государств³⁰⁰, которые, не являясь угрозой для британского могущества, могли стать реципиентами политической культуры Соединенного Королевства. Неудивительно, что в ходе Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) по итогам Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Лондон активно способствовал дезинтеграции Австро-Венгрии и созданию/воссозданию на ее руинах новых независимых государств (Австрия, Чехословакия, Венгрия, Польша).

Центральноевропейские народы династии Габсбургов также испытывали симпатии к Британии, что обосновывалось глубинными страхами по отношению к Германской империи, которая на фоне националистического подъема конца XIX – начала XX вв. становилась угрозой для еще неокрепших центральноевропейцев. Вместе с тем в это время среди интеллектуалов и политиков ЦЕ широко распространилась англomania, которая стала попыткой покончить с немецким господством, противостоять гегемонии Берлина в регионе. Как отмечал научный сотрудник Словацкой академии наук Адам Гудек: «Это был способ напрямую обратиться к центру европейской современности, либерализма и демократии, а не просто ждать то, что придет через “немецкий фильтр”». Соединенное Королевство рассматривалось как один из немногих возможных

³⁰⁰ *Seton-Watson R.* Britain in Europe (1789–1914): A Survey of Foreign Policy. Cambridge University Press, 1937. P. 646–650.

противовесов немецкой мощи и влиянию в регионе»³⁰¹. В свою очередь центральноевропейцы, как, например, впоследствии первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик, призывали вступить за ЦЕ. В 1916 г. в газете «Новая Европа» он писал: «Как только Германия завоюет ЦЕ, вскоре настанет время нанести удар по Британии. Берлин, имея в своем распоряжении Австро-Венгрию, Балканы и Турцию, получит свободный проход в Египет и Индию, и тогда ничто не сможет остановить ее от вторжения в Голландию, Бельгию и на север Франции...»³⁰².

Однако события межвоенного времени (рост национализма, притеснение национальных меньшинств, распространение левых революционных идей в ЦЕ) отталкивали Британию от проведения проактивной политики в регионе. Лондон пребывал в роли пассивного наблюдателя. В то же время дипломаты, работавшие на этом направлении, тщетно предпринимали усилия по запуску политических и экономических платформ, способных восстановить, как это было возможно, былое пространство сотрудничества. Доцент МГИМО И. Э. Магадеев, говоря о преследовавшей в это время англичан «тени империй», указывал на стремление британской дипломатии поспособствовать возрождению (в той или иной форме) единого торгово-экономического пространства бывлой Австро-Венгрии и попытку «сгруппировать» новообразованные государства в более крупные конфедерации или блоки³⁰³. С этим мнением соглашается венгерский исследователь Габор Батони, который отмечал: «Для британских дипломатов исчезновение “двуединой монархии” оставило огромный разрыв в сердце Европы. Соответственно, в начале 1920-х гг. Форин офис предпринимал безуспешные усилия, чтобы восполнить этот пробел и связать государства в дунайском треугольнике (т.е. Австрию, Венгрию

³⁰¹ *Hudek A.* The United Kingdom and Central Europe: A Dream of an Alternative // Contemporary European History. 2019. No. 1 (28). P. 61. DOI: 10.1017/S0960777318000826

³⁰² *Masaryk T.G.* Pangermanism and the Eastern Question // New Europe. 19.10.1916.

³⁰³ *Магадеев И.Э.* «Тень империй»: проблемы стабильности в Центральной и Восточной Европе в оценках британских дипломатов и политиков (1920-е годы) // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 82–96. DOI: 10.31857/S013038640013654-7

и Чехословакию)»³⁰⁴. В то же время часть политиков, например, Уинстон Черчилль, делали предположение о «мрачном будущем затоптанных народов Центральной и Восточной Европы» и ставили под сомнение правильность британского внешнеполитического курса после окончания мировой войны, когда Лондон поддержал возникновение новых государств. С некоторой долей ностальгии по временам Австро-Венгрии и разочарования относительно текущего состояния новых стран ЦЕ писал английский генерал Том Бриджес: «Эти новые республики и зарождающиеся демократии... являются печальными и уродливыми местами. Бедные люди только начинают понимать, что нет никакой свободы, а есть только смена хозяина. Особенно печальна Австрия. Она похожа на прекрасную и милостивую мать, которая умерла, родив чудовищного ребенка...»³⁰⁵

Тем не удивительно, что на фоне убывания мощи победительниц в Первой мировой войне и усиления в 1930-е гг. позиций Германии, заявившей о своих геополитических претензиях на молодые государства ЦЕ, Британия в ситуации острого кризиса довольно легко отказалась от защиты их национальных интересов, что наиболее явно проявилось в ходе Мюнхенской конференции (сентябрь 1938 г.). Слова премьера Невилла Чемберлена («о далекой стране, где поссорились люди, о которых нам ничего не известно»³⁰⁶) отчетливо фиксировали генеральную линию британского правительства. Оказание военной помощи с его стороны было исключено. В своих воспоминаниях советский дипломат А. М. Коллонтай писала: «Англия исходит из старознакомого положения: Красная Армия

³⁰⁴ Batonyi G. Britain and Central Europe, 1918–1932: DPhil. Thesis. University of Oxford, 1994. I–III. URL: https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:4364e5ed-bbf2-44c3-8d4b-587cb14f69cc/download_file?file_format=pdf&safe_filename=602327007.pdf&type_of_work=Thesis (дата обращения: 11.03.2025).

³⁰⁵ Ibid. P. 8.

³⁰⁶ Полностью высказывание звучит следующим образом: «Сколько ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно. Еще более невозможным представляется то, что уже принципиально улаженная ссора может стать предметом войны». См.: PM Neville Chamberlain's Speech on His Peace Negotiations with Hitler – 27 September 1938. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vi_qfxsp2Pk (дата обращения: 19.02.2025).

в центре Европы³⁰⁷ опаснее, чем Гитлер, особенно после Мюнхенского сговора»³⁰⁸

Между тем советские войска оказались в странах Центральной Европы спустя несколько лет, освобождая Европу от нацистского диктата. В последующие четыре десятилетия британские власти особо не интересовались делами ЦЕ, которая в стенах Форин Оффиса стала именоваться Восточной, что свидетельствовало о ее переходе в новое качество и отдалении от западноевропейского мира. Общее впечатление британцев от холодной войны, старт которой был непосредственно дан с их подачи (Фултонская речь У. Черчилля), было метко – и цинично с точки зрения ЦЕ – описано министром иностранных дел Британии Дугласом Хёрдом как «система... в которой мы прожили вполне счастливо 40 лет»³⁰⁹. Ведущий отечественный англовед Н. К. Капитонова отмечала невысокое место Восточной (Центральной) Европы в списке британских приоритетов. Оно стало повышаться в годы правления кабинетов Маргарет Тэтчер (1979–1990 гг.), которая стала стремиться лидировать в выработке общей линии НАТО и Европейского экономического сообщества в отношении этих государств³¹⁰. Руководствуясь дифференцированным подходом к странам в зависимости от их места в соцлагере, Лондон отдавал приоритет Польше, Венгрии и Чехословакии.

Поступательная активизация британо-центральноевропейских отношений, как указывает Капитонова, начинается с 1983 г. На первом этапе происходило расширение торгово-экономических отношений, далее акцент был перенесен на права человека, а затем Британия поставила условием предоставления западной помощи проведение внутривнутриполитических реформ³¹¹. Впоследствии на волне внутривнутриполитических трансформаций 1989 г. британские власти

³⁰⁷ Имеется в виду оказание помощи со стороны СССР в соответствии с советско-чехословацким договором 1935 г. Согласно ему, Москва должна была прийти на помощь Праге в случае начала аналогичных действий со стороны Парижа.

³⁰⁸ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1930-х гг. и истоки Второй мировой войны. М.: Родина, 2020. С. 447.

³⁰⁹ Цит. по: Hudek A. Op. cit. P. 62.

³¹⁰ Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям «Международные отношения» и «Регионоведение». М.: Международные отношения, 2016. С. 621.

³¹¹ Там же. С. 622.

сделали немало для привлечения внимания представителей мирового истеблишмента к восточноевропейской проблематике. Тэтчер в письме президенту США Джорджу Бушу ст. (сентябрь 1989 г.) полагала, что несмотря на позитивные тенденции «впереди нас ждет много неопределенностей». Она призывала оказать финансовую поддержку Польше, которая могла стать «неотразимым примером для других стран региона». В то же время Тэтчер считала, что «неудача затормозила бы процесс реформ, и подчеркивала, что «возможности Запада ограничены». Политик констатировала: «Мы обязаны помочь новому польскому правительству. Будущие поколения осудят нас, и будут правы, если мы упустим эту историческую возможность»³¹².

Сотрудники департамента планирования Форин Оффис в октябре 1989 г. следующим образом видели интересы Британии в Восточной Европе. Прежде всего они считали, что в отличие от своих союзников (ФРГ) ее интересы не были там значительны, но не могли и игнорироваться. Интересы понимались следующим образом: во-первых, ожидалось сокращение военной угрозы со стороны Советского Союза и его стран-сателлитов, поскольку «демократические государства с меньшей вероятностью атакуют нас». Во-вторых, Лондон был заинтересован в успехе реформ и их распространении («если восточноевропейцы станут уважать права человека, то мы сможем быть более уверены в их внешней политике»). В-третьих, предполагалось сведение к минимуму нестабильности в регионе. В-четвертых, указывалась необходимость учитывать позицию Москвы («чтобы она не чувствовала, что ее безопасность под угрозой»). В-пятых, подчеркивался момент максимального единения западных государств³¹³. Говоря о механизмах продвижения британских интересов, дипломаты указывали на необходимость индивидуального подхода к странам и формирования у них завышенных ожиданий, в т.ч. относительно вступления в Европейское сообщество. Поддержка реформирующихся стран должна была осуществляться посредством экономической помощи для их превращения в «успешные

³¹² Letter from Mrs Thatcher to President Bush, 4 September 1989 (FCO 28/9327, ENP 093/1/G) // Britain and the Revolutions in Eastern Europe, 1989: Documents on British Policy Overseas. No. 105. Ed. By R. Smith. P. 205. DOI: 10.4324/9780429465420

³¹³ Draft Paper from Policy Planning Staff on Policy towards Eastern Europe, October 1989. Confidential (FCO 28/9025, EN 021/11/D) // Britain and the Revolutions in Eastern Europe, 1989: Documents on British Policy Overseas. No. 132. Ed. By R. Smith. P. 256.

либеральные, капиталистические государства» и политической поддержки через привязку к Западу как можно большим количеством формальных и неформальных связей³¹⁴.

Успех трансформационных революций в ЦЕ и развал Советского Союза активно приветствовался в Лондоне. Впоследствии М. Тэтчер, ушедшая в отставку в конце 1990 г., в своих мемуарах писала, что «падение коммунизма в Европе стало самым долгожданным политическим событием в моей жизни»³¹⁵. Британия выступила ярким сторонником скорейшей интеграции ЦЕ (прежде всего Польши, Чехии и Венгрии) в западные международные структуры – ЕС и НАТО. Последовательный подход страны в вопросе расширения ЕС исходил из того, что «наряду с усилением его веса в мировой политике, это могло сдерживать развитие интеграционных процессов вглубь», против которых активно выступал Лондон³¹⁶. Что касается членства стран ЦЕ в Североатлантическом альянсе, то дискуссии по данному вопросу сводились не к вопросу о его целесообразности, а к процедуре («темп и способ») этого процесса. В одном из докладов, выпущенных в 1990-е гг. британской стороной, в оправдание необходимости укрепления указанной организации подчеркивалось, что «Россия продолжает оставаться военной державой с высоким потенциалом, способной к напористым действиям»³¹⁷. Таким образом, центральноевропейцы, оказавшись в ЕС и НАТО, становились, по выражению Тэтчер, «естественными союзниками Британии». Примечательно, что этот взгляд на ЦЕ передан британской политической элите, которая стала позиционировать Лондон после 2004 г. как неформального лидера и защитника малых государств, скептически относившихся к идеям более тесной евроинтеграции. Не будет преувеличением сказать, что Британия стала символом альтернативы доминирующим политическим тенденциям в ЕС и единомышленником для всех евроскептиков и критиков развития ЕС, которые ставили ему в вину популизм на национальный суверенитет. Адам Гудек подчеркивает, что, как и в XIX в., сотрудничество с Великобританией стало рассматриваться среди центральноевро-

³¹⁴ Ibid. P. 257.

³¹⁵ *Thatcher M.* The Downing Street Years. London: HarperCollins, 2013. P. 790.

³¹⁶ *Капитонова Н.К., Романова Е.В.* Указ. соч. С. 668–669.

³¹⁷ Цит. по: *Капитонова Н.К.* Приоритеты внешней политики Великобритании (1990–1997 гг.). М.: РОССПЭН, 1999. С. 117.

пейцев в качестве преграды на пути растущего политического и экономического доминирования ФРГ в Европе³¹⁸. Наиболее фактурно взаимодействие с Лондоном проявилось в процессе утверждения (неудачном) Конституции ЕС в 2004–2007 гг., когда вокруг британцев сложилась группа стран (Чехия, Польша, Венгрия, Словакия, Мальта, Кипр, Словения, страны Балтии), отдающих предпочтение трансатлантическим отношениям и «готовых действовать в ущерб укреплению связей со своими европейскими партнерами»³¹⁹.

Не стоит упускать из внимания тот факт, что в свою очередь постсоциалистические страны, находящиеся в 1990-е и начале 2000-х гг. в процессе глубокой трансформации, видели в Британии образец для подражания и обращались к ее опыту для проведения реформ. Не прерываясь, англomania центральноевропейцев продолжалась и в годы реального социализма, когда многие представители местной интеллигенции проходили краткосрочные стажировки в образовательных учреждениях Туманного Альбиона. Наиболее примечательна взаимосвязь реформ Вацлава Клауса в Чехии с экономическим курсом Маргарет Тэтчер, который она проводила в 1980-х гг. Клаус писал: «Ее политические и особенно экономические реформы служат нам сегодня <...> не только примером мужества и бесстрашия в их проведении, но и источником вдохновения в преодолении краткосрочных последствий болезненного состояния. Наша экономическая трансформация имеет много общего с британской <...> в схожей ситуации мы пришли к схожим выводам о решении экономических проблем. Можно сказать, что мы питаемся одним и тем же идеологическим источником. Этот ресурс существует уже два столетия, но его повторное открытие требует необычайного нового подвига»³²⁰. В свою очередь, британские власти публично и в закрытом режиме говорили о необходимости отправки западных консультантов в страны ЦЕ и обучения центральноевропейцев для проведения преобразований в правильном русле. Таким образом подтверждалась преемственность британского подхода, который, как и веком ранее, делал ставку на экспорт либеральных ценностей при проведении политики в отношении малых государств Европы.

³¹⁸ Hudek A. Op.cit. P. 63.

³¹⁹ Капитонова Н.К., Романова Е.В. Указ. соч. С. 707.

³²⁰ Šmigol O. "Napájení ze stejného zdroje". Thatcherismus a Československo po sametové revoluci // Dvacáté století. 2017. No. 1. S. 99.

Хотя с момента членства стран ЦЕ в ЕС и НАТО между ними и Британией не установилось дополнительных институционализированных структур за пределами евро-атлантических организаций, не возникла объемная договорная база сотрудничества, государства региона всё же были крепко связаны с островным государством. Наиболее внятно эта связка для внешнего наблюдателя проявилась в самый кризисный момент истории Британии в рамках ЕС, а именно накануне и в ходе брексита, который отчетливо обозначил реперные точки сопряжения государств. Владимир Бартович, директор пражского института EUROPEUM, выделял три наиболее сильные стороны сотрудничества: поддержка трансатлантического партнерства, продвижение программы ВП и осторожная позиция по отношению к России. Он предполагал, что брекзит значительно ослабит позиции государств, не входящих в Еврозону. Павел Зерка, сотрудник аналитического центра WiseEuropa (Варшава), полагал, что страны ЦЕ без Британии в ЕС могли оказаться в значительно менее дружественном объединении, чем тот, в который они вступили ранее. Он отмечал: «Знак равенства между Европой и ЕС, который после холодной войны стал чуть ли не аксиомой, перестанет действовать. Страны ЦЕ, большинство из которых всё еще находятся за пределами Еврозоны, будут вытесняться на периферию, если они не примут правила игры, предпочитаемые гегемоном региона – Германией. В таком новом ЕС изменится и психологическая карта пространства, которая будет напоминать жителям ЦЕ об их географической близости к Москве»³²¹. Примечательно, что заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН Л. Н. Шишелина полагала, что накануне голосования о выходе Британии из ЕС существовали явные свидетельства о «формировании зимой 2015 г. британско-вишеградского альянса»³²². Однако британцы сказали «да» брекситу, что означало старт новой главы в британо-центральноевропейских отношениях.

³²¹ Britain's EU Referendum: A View from Central Europe // RUSI. 17.06.2016. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/britains-eu-referendum-view-central-europe> (дата обращения: 12.03.2025).

³²² Шишелина Л.Н. Отношения Великобритании и Вишеградской четверки до и после референдума в Британии // Аналитические записки ИЕ РАН. 2016. № 14 (44). С. 5.

Отношения Британии с отдельными государствами ЦЕ (Чехия, Словакия, Венгрия) после брекзита

В отличие от Соединенных Штатов, которые в своих внешне-политических концепциях после 1989 г. отчетливо делали акцент на важности региона ЦЕ/ЦВЕ, Британия в своих аналогичных документах его не выделяла. Более того, в британских доктринальных документах, за исключением Польши, ни разу не упоминаются страны «ядра ЦЕ» – Чехия, Венгрия и Словакия. В то же время роль Польши как «ключевого союзника по НАТО в ЦВЕ выступает константой целеполагания Лондона»³²³. Более того, с 2014 г. можно отметить поступательное усиление значения Варшавы для Лондона. Если в Стратегии национальной безопасности (2015 г.) Польша приведена в списке наиболее важных стран из т.н. Северной группы (Дания, Эстония, Финляндия, ФРГ, Исландия, Латвия, Литва, Нидерланды, Норвегия, Польша, Швеция)³²⁴, то в концепции «Глобальная Британия» (2021 г.) она уже обозначена как «первостепенный партнер в сфере европейской безопасности, с которым нас связывает глубокая история»³²⁵. В обновленном комплексном обзоре (2023 г.) Польша названа «ключевым европейским партнером» в одном ряду с Францией, ФРГ и Италией³²⁶. В апреле 2024 г. министр иностранных дел Дэвид Лэмми поставил Польшу на третье место по значимости после ФРГ и Франции³²⁷. Вдобавок, можно заметить, что у британских политиков происходит смещение приоритетов в Центральной и Восточной Европе. Если ранее Лондон группировал вокруг себя государства недовольные унифицирующей политикой Брюсселя, то после выхода из ЕС он стал сближаться с государствами со схожими идейно-ценностными установками, испытывающими угрозу со стороны России. В этой связи углубление сотрудничества с такими государствами, как Чехия, Словакия

³²³ Кувшинов Д.Л., Морозов А.С. Указ. соч. С. 28.

³²⁴ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. November 2015. P. 53.

³²⁵ Global Britain in a Competitive Age... P. 61.

³²⁶ Integrated Review Refresh 2023. Responding to a More Contested and Volatile World. March 2023. P. 11.

³²⁷ King's Speech 2024: Foreign Affairs and International Development. P. 7. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/LLN-2024-0035/LLN-2024-0035.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

и Венгрия, которые были расколоты изнутри по вопросу отношения к Москве (даже после начала СВО), не рассматривалось в качестве приоритета Лондона. В то же время сближение с Польшей, странами Балтии и Скандинавии, где были укоренены антироссийские настроения в широких слоях общества, оценивалось как отвечающее интересам страны. Подтверждение этого можно найти в том, что, следуя призыву стран ЦЕ в 2016 г. усилить присутствие войск НАТО на его восточном фланге, Лондон принял участие в формировании боевых групп именно на территории Эстонии и Польши³²⁸.

Может сложиться ложное впечатление, что отношения с Прагой, Будапештом и Братиславой стагнировали и были абсолютно не интересны Лондону. Примечательно, что аналитики из этих городов, а также британские дипломаты, начиная со времен «бархатных революций», говорили о продуктивном сотрудничестве на основе «идеологического сродства», которое не имело барьеров в торгово-экономической сфере. Как следствие, для каждой страны В4 Британия стала одним из важнейших торговых партнеров, расположившись в первой десятке соответствующего рейтинга. Внешнеполитические концепции государств отчетливо свидетельствовали о желании официальных лиц развивать отношения с Соединенным Королевством. Словаки называли его «ключевым торговым партнером и союзником в НАТО»³²⁹, чехи – «видным актором»³³⁰. Однако эти государства наталкивались на ограничения, которые возникали из-за специфического восприятия Британией своего места в мире и Европе. Видный чешский политолог Ондřej Дитрих характеризовал отношения как ассиметричные: «Несмотря на утрату империи и статуса великой державы, внешнеполитические амбиции Британии остаются глобальными, и она продолжает играть значимую роль на международной арене... Кроме того, британская внешняя политика традиционно характеризуется высокой степенью прагматизма, гиб-

³²⁸ Brooke-Holland L. UK Forces in Estonia // Research Briefing. 21.10.2022. P. 2. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9639/CBP-9639.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

³²⁹ Správa o plnení úloh zahraničnej a európskej politiky SR v roku 2016 a jej zameranie na rok 2017 // Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí SR. Február 2017. S. 13.

³³⁰ Concept of the Czech Republic's Foreign Policy // MZV ČR. 03.08.2015. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/en/foreign_relations/policy_planning/concept_of_the_czech_republic_s_foreign.html (дата обращения: 12.03.2025).

костью и определенной расчетливостью, выраженной в популярном выражении – “у Британии нет союзников, есть только интересы”»³³¹. Политолог пришел к выводу, что Чехия из-за своего незначительного веса на мировой арене не являлась для нее равным партнером³³². Подобные мысли об отсутствии «особого значения» британо-чешских отношений «кочевали» в чешском политологическом дискурсе как до выхода Британии из ЕС, так и в обстановке пост-брекзита, значительно сократившем пространство диалога. Двусторонние отношения стали характеризоваться как стандартные, в которых Лондону была свойственна реактивная модель поведения³³³. Очевидно, что Чехия, как и ее соседи, не могла рассчитывать на многое, учитывая также заинтересованность Британии, как отмечает научный сотрудник ИМЭМО РАН А. А. Алёшин, в многосторонних форматах сотрудничества, способствующих достижению будущего в сравнении с двусторонними связями³³⁴. Общую модель взаимоотношений британцев с центральноевропейцами сформулировал член Палаты лордов Дэвид Фрост: «Хорошие торговые отношения между нами всё еще продолжаются, но политические связи в некотором роде зашли в тупик»³³⁵.

Отчетливые перемены в подходе Лондона к странам ЦЕ происходят после начала СВО в 2022 г., хотя нельзя сказать о начале комплексного восприятия региона и придании ему большого значения. Отношения строились выборочно с учетом взаимной заинтересованности сторон в расширении сотрудничества. Можно обозначить явное желание британцев перезагрузить отношения с партнерами для реализации своей внешнеполитической стратегии, которая,

³³¹ *Ditrych O.* Současné česko-britské vztahy // Policy paper ÚMV. Červenec 2009. S. 8. URL: <https://www.dokumenty-iir.cz/PolicyPapers/Ditrych-VB.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

³³² Ibid.

³³³ *Kasáková Z., Fialová B.* Velká Británie v české zahraniční politice // Česká zahraniční politika v roce 2014. Analýza ÚMV. S. 270. URL: <https://www.dokumenty-iir.cz/CZP/2015/Kapitola%2013%20Velk%C3%A1%20Brit%C3%A1nie.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

³³⁴ *Алешин А.А.* Великобритания в многосторонних военно-политических структурах // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 3. С. 35–48. DOI: 10.20542/afij-2023-3-35-48

³³⁵ *The Stalling British-Hungarian Relationship – Interview with Lord David Frost* // Hungary Today. 20.09.2024. URL: <https://hungarytoday.hu/lord-david-frost-interview/> (дата обращения: 12.03.2025).

по словам Д. Л. Кувшинова, была на этом этапе «полностью подчинена цели лишить Россию способности получить стратегическую выгоду в результате украинского конфликта»³³⁶.

Первым шагом в этом направлении стало подписание в Праге 27 мая 2022 г. Заявления о намерениях между Британией и Чехией³³⁷, которое было призвано стать фундаментом для последующей декларации о стратегическом партнерстве. Несмотря на пространность формулировок документа, он достаточно ясно определял круг вопросов и общие подходы к ключевым проблемам региональной и глобальной политики. Первоочередной целью озвучивалась работа по защите свобод и демократии в мире, далее подчеркивалась важность защиты стратегического единства Европы и евро-атлантического пространства, противодействия гибридным угрозам и дезинформации, в т.ч. посредством стратегической коммуникации. Особо выделялась необходимость работы с гражданским обществом и правозащитниками за рубежом, защиты свободы слова через членство в «Коалиции свободных СМИ» и «Глобальном фонде защиты СМИ». В области европейской безопасности чехи и британцы договаривались о «твердой поддержке Украины» и «усилении институтов и устойчивости». Также в документе шла речь о нарушении прав человека в Беларуси, стратегической важности Западных Балкан, вызовах со стороны Китая, восходящей роли Индо-Тихоокеанского региона, совместных действиях в Африке, а также о намерениях по интенсификации двусторонней торговли и сотрудничества в области науки и технологий³³⁸. Хотя между государствами к началу 2025 г. так и не было подписано Соглашение о стратегическом партнерстве, что было предусмотрено правительствами, дипломаты полагали, что обе стороны к этому времени сумели реализовать первоначальный план сотрудничества. В ноябре 2024 г. полити-

³³⁶ Кувшинов Д.Л. Обновленный Комплексный обзор: новые акценты в британской политической и оборонной стратегии // ИМЭМО РАН. 29.03.2023. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/obnovlenniy-kompleksniy-obzor-vozvrashchenie-v-evropu-pushki-vmesto-masla-i-konets-globalynoy-britanii> (дата обращения: 12.03.2025).

³³⁷ Joint Statement of Intent between the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic and the Foreign, Commonwealth and Development Office of the United Kingdom // MZV ČR. 27.05.2022. URL: https://mzv.gov.cz/file/4658523/Statement_of_Intent_.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

³³⁸ Ibid.

ки одобрили новый документ о двустороннем взаимодействии³³⁹. «Важным этапом в отношения», как отмечал министр иностранных дел Чехии Ян Липавский³⁴⁰, стало подписание в октябре 2024 г. инвестиционного соглашения на 40 млн долл. между чешским индустриальным гигантом EZ и британской Rolls-Royce SMR относительно совместных разработок малых модульных реакторов³⁴¹.

Что касается Словакии, то начало СВО послужило мощным толчком для активизации двустороннего военно-политического партнерства Братиславы с Лондоном. Отметим, что накануне восточноевропейского кризиса сотрудничество между ними поступательно развивалось только в торгово-экономической сфере, где наиболее крупным проектом после брежневского стало соглашение о строительстве завода концерна Jaguar Land Rover в г. Нитре³⁴². Таким образом, двусторонняя встреча премьера Британии Бориса Джонсона и его словацкого коллеги Эдуарда Хегера 9 марта 2022 г. стала во всех смыслах знаменательным событием, поскольку на ней политики заявили о запуске британо-словацкого стратегического диалога и формировании в британском парламенте группы дружбы со Словакией, которая заменила существовавшее ранее чешско-словацкое объединение³⁴³. Важным маркером интенсификации взаимодействия было турне британского министра обороны Бена Уоллеса в Словакию 25 июля 2022 г., которое стало первым подобным визитом за 21 год.

³³⁹ Parafování Prováděcího plánu (Delivery Plan) ke Statement of Intent mezi resorty zahraničí ČR a Spojeného království // MZV ČR. 08.11.2024. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/udalosti_a_media/tiskove_zpravy/parafovani_provadeciho_planu_delivery.html (дата обращения: 12.03.2025).

³⁴⁰ Ministr Lipavský v Londýně jednal se svým britským protějškem o bezpečnosti v Evropě // MZV ČR. 15.11.2024. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/udalosti_a_media/tiskove_zpravy/ministr_lipavsky_v_londyne_jednal_se.html (дата обращения: 12.03.2025).

³⁴¹ Společnosti Rolls-Royce SMR a Skupina ČEZ uzavírají partnerství s cílem budovat SMR ve Velké Británii a České republice // ČEZ. 29.10.2024. URL: <https://www.cez.cz/cs/pro-investory/informacni-povinnost/spolecnosti-rolls-royce-smr-a-skupina-cez-uzaviraji-partnerstvi-s-cilem-budovat-smr-ve-velke-britanii-a-ceske-republice-201788> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁴² Анонс этого проекта был сделан в августе 2015 г. Камень в основание нового завода был заложен в сентябре 2017 г., а производство автомобилей началось в октябре 2018 г. Общий объем инвестиций превысил 1,4 млрд евро.

³⁴³ *Demeš P.* Slovensko a Spojené kráľovstvo. Prvých 30 rokov. Bratislava, 2023. S. 103–104.

Политик явственно зафиксировал британское восприятие Братиславы в изменившемся раскладе политических сил в Европе: «Словакия является лидером ЦЕ по защите Украины и сопротивлению российскому натиску... [мы. – *Примеч. авт.*] обсуждали дальнейшие шаги по оказанию военной помощи и поддержке обороны Словакии со стороны Великобритании»³⁴⁴. Подтверждением поступательного развития отношений стало подписание 21 февраля 2023 г. Декларации о стратегическом партнерстве, что вывело Братиславу в разряд ключевых союзников Лондона среди стран ЦЕ³⁴⁵. Министр иностранных дел Словакии Растислав Качнер отмечал, что в рамках соглашения «[мы. – *Примеч. авт.*] будем регулярно консультироваться по вопросам, представляющим взаимный интерес в сфере внешней политики, безопасности и других глобальных вызовов»³⁴⁶. Однако плотное сотрудничество 2022–2023 гг. затормозилось в конце 2023 г. в связи с формированием в Словакии нового правительства, которое возглавил Роберт Фицо, выступавший против продолжения поставок Вит на Украину и за решение российско-украинского конфликта за столом переговоров. Экс-посол Словакии в Британии Роберт Ондрейчак полагал, что новая риторика внешнеполитического ведомства под руководством новоназначенного министра Юрая Бланара оказалась «разрушительной». Он говорил: «Было здорово, что британцы начали приглашать нас к диалогу в узком кругу, будь то на министерском уровне или на дипломатических и профессиональных площадках. Однако в последние месяцы этого

³⁴⁴ Defence Secretary Visits Slovakia to Discuss Support for Ukraine // gov.uk. 25.07.2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/defence-secretary-visits-slovakia-to-discuss-support-for-ukraine> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁴⁵ UK and Slovakia Step Up Cooperation in Security and Trade // gov.uk. 21.02.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-and-slovakia-step-up-cooperation-in-security-and-trade> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁴⁶ Minister Káčer v Londýne: Strategický dialóg so Spojeným kráľovstvom a spoločná deklarácia podporia ďalší rozvoj slovensko-britských vzťahov // Veľvyslanectvo Slovenskej republiky v Londýne. 21.02.2023. URL: https://www.mzv.sk/sk/web/londyn/pressreleasedetail?p_p_id=sk_mzv_portal_pressrelease_detail_portlet_PressReleaseDetailPortlet&p_p_lifecycle=0&groupId=10182&articleId=16767577 (дата обращения: 12.03.2025).

нет»³⁴⁷. Курс Фицо он характеризовал следующим образом: «Внешняя политика Словакии стала не только непонятной для наших союзников, но вредной с точки зрения наших интересов. Государства, которые должны быть нам близки и от которых в критические моменты может зависеть наше существование, не понимают, как мы можем упорно действовать вопреки собственным экзистенциальным интересам. Мы не только стали ненужными, у нас теперь нет ни влияния, ни слова, ни веса»³⁴⁸. Таким образом, к началу 2025 г. британо-словацкое сотрудничество сошло на нет, ограничившись привычными до 2022 г. форматами.

Неудивительно, что британо-венгерские отношения с 2022 по 2024 гг. находились в стагнирующем состоянии ввиду особой позиции по украинскому кризису премьера Виктора Орбана. Как следствие, отношения между государствами не были углублены через подписание соглашений как это произошло с Чехией, Словакией и Польшей. В то же время такой подход контрастировал с британской политикой после принятия решения о выходе страны из ЕС в 2016 г. Кабины Терезы Мэй (2016–2019 гг.) и Бориса Джонсона (2019–2022 гг.) стремились выстроить «прагматичный диалог» с Будапештом, в то время как во многих других европейских столицах присутствовало стойкое желание отдалиться от Венгрии, демонстрирующей противоречивый курс в отношении Брюсселя³⁴⁹. После 2022 г. инициатива в установлении стабильного диалога исходила от венгерской стороны. Орбан, реагируя в октябре 2022 г. на появление в Британии нового правительства под руководством Риши Сунака (2022–2024 гг.), писал: «Я желаю вновь выразить свою приверженность в усилении венгеро-британских отношений...»³⁵⁰

³⁴⁷ Exveľvyslanec v Británii: Slovensko majú spojenci za blázna. Podľa Blanára sa pretvaroval // Plus 7 dní. 05.05.2025. URL: <https://plus7dni.pluska.sk/aktualne/robert-ondrejsak-zahranicna-politika-juraj-blantar-robert-fico-velvyslanec> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁴⁸ Ibid.

³⁴⁹ Panyi Sz. Strange Allies: Hungary, Russia and the UK // Byline Times. 18.10.2022. URL: <https://bylinetimes.com/2022/10/18/strange-allies-hungary-russia-and-the-uk/> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁵⁰ We Will Further Strengthen both Hungarian-British and British-EU Relations // Cabinet Office of the Prime Minister. 24.10.2022. URL: <https://2015-2022.miniszterelnok.hu/we-will-further-strengthen-both-hungarian-british-and-british-eu-relations/> (дата обращения: 12.03.2025).

Впрочем, политические контакты на высшем уровне практически прекратились. Венгерский политолог Тамаш Бараньи полагал, что противоречия между государствами имели фундаментальный характер из-за расхождения взглядов относительно роли вооруженных сил в разрешении конфликтов, восприятия реальных угроз и различий в стратегических приоритетах³⁵¹. Российско-украинский конфликт демонстрировал максимальное расхождение в подходах государств. В то время как британцы ожидали, что благодаря поставкам иностранного ВВТ со временем Россия будет ослаблена до такой степени, что она перестанет представлять существенную угрозу, венгерское правительство опасалось, что время работало против украинцев ввиду преимуществ России на полях сражений. Они полагали, что скорое заключение соглашения о прекращении огня могло сохранить жизни украинцев, в т.ч. этнических венгров, и инфраструктуру страны для европейского будущего Киева.

Таким образом, каждая из рассмотренных стран – Чехия, Словакия и Венгрия – имели индивидуальную модель отношений с Британией, которая только частично устраивала последнюю из-за невозможности в полной мере реализовать свои амбиции на континенте. В этой связи основное внимание Лондона было устремлено на Варшаву, где у власти находились близкие по взглядам политики, стремившиеся к установлению углубленной модели взаимоотношений.

Британо-польские отношения: ключевой партнер Лондона в ЦЕ

Сближение Польши и Британии объясняется встречным движением, которое начало поступательно набирать оборот с 2015 г. Подобные тенденции в действиях Варшавы были обоснованы прежде всего приходом к власти партии ПиС, а в случае Лондона – его политикой, направленной на сдерживание России, в котором поляки выступали естественными союзниками, готовыми практически на любые инициативы в сфере обороны и безопасности для нивелирования угроз со стороны Москвы. Наиболее отчетливо поворот в сторону британцев на официальном уровне обозначился в ходе

³⁵¹ *Baranyi T.P., Stepper P. British-Hungarian Relations Post Brexit // Biztpol Affairs. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 31.*

речи министра иностранных дел Польши Витольда Вашиковского. Выступая перед Сеймом 28 января 2016 г., он сказал: «Соединенное Королевство является более близким партнером, чем Германия в таких вопросах как отношение к российско-украинскому конфликту и военной активности РФ»³⁵². Однако он подчеркнул, что смещение внимания Польши в сторону Британии не было направлено на то, чтобы поставить под угрозу сотрудничество Варшавы с Берлином, между которыми существовал «экономический симбиоз». Оно должно было отразить приоритет вопросов безопасности во внешней политике правительства Пи С. Между тем польский политолог Бартоломей Знойек считал, что британские политики – Дэвид Кэмерон и Тереза Мэй – стремились вдобавок использовать тесный контакт с Варшавой для нейтрализации ее позиции в спорных вопросах на будущих переговорах о выходе Великобритании из ЕС³⁵³.

В последующие годы диалог между государствами только усиливался. 28 ноября 2016 г. прошел первый британо-польский саммит, направленный на углубление двустороннего сотрудничества, противостояние общим угрозам безопасности и информирование Польши о процедуре выхода Британии из ЕС. Примечательно, что ранее Лондон имел подобные консультации только с Парижем, что вывело Варшаву в категорию наиболее важных союзников британцев на европейском континенте. В ходе переговоров обсуждался широкий набор тем (экономика, инвестиции, наука, образование, межкультурные коммуникации), однако основной акцент был сделан на взаимодействии в области безопасности и обороны. Тереза Мей, называя Польшу и Британию «двумя ведущими игроками НАТО», призывала усилить его восточное крыло для сдерживания России³⁵⁴. Британским вкладом в этот процесс стала отправка на северо-восток Польши 150 солдат из легкого драгунского

³⁵² Sprawozdanie Stenograficzne z 10. posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 29 stycznia 2016 r. (drugi dzień obrad). Warszawa, 2016. URL: https://orka2.sejm.gov.pl/StenoInter8.nsf/0/6A4CD2F71231A36FC1257F4D003FECA4/%24File/10_b_ksiazka_bis.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

³⁵³ Znojek B. Poland's Policy towards the United Kingdom // Yearbook of Polish Foreign Policy 2016. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warszawa, 2020. P. 90.

³⁵⁴ PM and Prime Minister Beata Szydło statements: 28 November 2016 // gov.uk. 28.11.2016. URL: <https://www.gov.uk/government> (дата обращения: 12.03.2025).

полка, расквартированного в н.п. Каттерик. В ходе второго саммита (21 декабря 2017 г.) был подписан договор в области безопасности и обороны, который, по словам Мэй, стал «мощным символом нашего продолжающегося тесного взаимодействия»³⁵⁵. Документ, ратифицированный 4 июня 2018 г., был направлен на решение следующих задач: приоритизация британо-польского сотрудничества; укрепление отношений; обмен информацией и опытом; регулярные консультации; достижение оптимального соотношения цены и качества в сфере обороны³⁵⁶. Научный сотрудник ИМЭМО РАН Д. Л. Кувшинов, ознакомившись с данным соглашением, полагал, что оно создавало для Британии «суверенные возможности для проведения военных операций на территории своего союзника»³⁵⁷.

Помимо усиления контактов на высшем уровне нарастал диалог между гражданским обществом и деловыми кругами двух стран. Наиболее заметным явлением стал т.н. Бельведерский форум, который был запущен с подачи Т. Мэй и Б. Шидлы и был нацелен на усиление сотрудничества между политиками, НКО, бизнесом и академическим сообществом³⁵⁸. 2018 г. стал перекрестным годом предпринимательства, науки и инноваций. В мае 2018 г. была запущена работа ежегодного британо-польского форума в области бизнеса, торговли и инвестиций³⁵⁹.

Потенциальным пространством двустороннего сотрудничества, по мнению британских чиновников и политологов, могла стать запущенная Польшей в 2016 г. «Инициатива трех морей». Интерес Лондона к этому проекту стал заметен с 2021 г. на фоне усиления к нему внимания со стороны Вашингтона, объявившего о планируемых ин-

³⁵⁵ PM Announces Landmark New Package of Defence and Security Cooperation with Poland // gov.uk. 21.12.2017. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-announces-landmark-new-package-of-defence-and-security-cooperation-with-poland> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁵⁶ Treaty between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Republic of Poland on Defence and Security Cooperation. Warsaw, 21 December 2017. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5b55d83040f0b633971217fe/T_S_3.2018_Poland_Defence_Cm_9673.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

³⁵⁷ Кувшинов Д.Л., Морозов А.С. Указ. соч. С. 30.

³⁵⁸ Конференция, организатором которой выступали британский институт Чатэм Хаус и Польский институт международных отношений, проходила ежегодно с марта 2017 г. по июль 2022 г.

³⁵⁹ UK – Poland Business, Trade and Investment Forum Held in Warsaw // gov.uk. 30.05.2018. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-poland-business-trade-and-investment-forum-held-in-warsaw> (дата обращения: 12.03.2025).

вестициях в инфраструктурные проекты региона на сумму 1 млрд долл. Также к этому времени Британия завершила процедуру выхода из ЕС. Член палаты общин Венди Мортон отмечала три момента, которые были привлекательны для британцев в ИТМ: создание новой инфраструктуры, устранение факторов, вызывающих изменение климата и решение общих геополитических проблем³⁶⁰. Британский депутат Даниэль Кавчиньский полагал, что для эффективной демонстрации глобальных амбиций Британии на этапе пост-брекзита необходимо было подтвердить ее приверженность Европе. Соответственно площадка ИТМ могла стать альтернативой сотрудничеству в рамках ЕС с ее ближайшими союзниками в ЦЕ. Политик резюмировал: «Для Британии ИТМ является не только проектом, который будет способствовать реализации новой глобальной стратегии Лондона. Он также может выступить стратегическим хабом 12-ти центральноевропейских столиц, которые разделяют его взгляды по усилению трансатлантического альянса и экономического сотрудничества для будущего мирового порядка»³⁶¹. Вдобавок, по мнению политолога Джорджа Бычиньского, вовлеченность британцев в ИТМ могла сдерживать проникновение китайского и российского влияния в страны – участницы Инициативы³⁶². В свою очередь, польские дипломаты прежде всего ожидали, что внимание к ИТМ со стороны Лондона приведет к увеличению его инвестиций в регион³⁶³. Их призыв был закономерен, поскольку за всё время существования ИТМ Лондон, в отличие от Вашингтона, не сделал крупных инвестиций в проекты Инициативы и игнорировал практическое углубление сотрудничества.

³⁶⁰ Three Seas Initiative. Question for Foreign, Commonwealth and Development Office // gov.uk. 21.07.2021. URL: <https://questions-statements.parliament.uk/written-questions/detail/2021-07-12/31368#> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁶¹ *Kawczynski D.* Report: Three Seas Initiative and the Opportunities for Global Britain. P. 8. URL: <https://emerging-europe.com/wp-content/uploads/2021/09/Report-on-the-Three-Seas-Initiative.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁶² *Byczynski G.* Strengthening European Unity: The Three Seas Initiative // RUSI. 17.09.2021. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/strengthening-european-unity-three-seas-initiative> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁶³ Financing the Future. How to Attract More Foreign Investors to the Three Seas Region // Institute of New Europe, Warsaw. 2022. URL: https://ine.org.pl/wp-content/uploads/2022/12/Financing_the_Future_How_to_attract_more_foreign_investors_to_the_Three_Seas_Region__INE_Report.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

Предположительно, что исходя из британской заинтересованности в укреплении военно-политического сотрудничества, Лондон публично поддерживал ИТМ из-за стремления центральноевропейцев усилить инфраструктуру по оси «Север – Юг», которая при необходимости могла быть использована для нужд военной логистики. В вопросе энергетики ИТМ была привлекательна ввиду достигнутого между ее участниками консенсуса об отказе от российских энергоресурсов, что должно было ослабить экономику Кремля.

Переход на новый уровень в британо-польских отношениях произошел в 2022 г. на фоне обострения международных отношений в Восточной Европе. Показательно, что 17 февраля, за неделю до начала СВО, министры иностранных дел Британии, Польши и Украины заявили о создании трехстороннего партнерства в области безопасности³⁶⁴. В тот же день министр обороны Соединенного Королевства Бэн Уоллес анонсировал удвоение британского контингента на восточном фланге НАТО³⁶⁵. Показательно, что в то время, когда ключевые европейские лидеры находились в некоторой растерянности, представители Британии и Польши демонстрировали высокую готовность поддержать киевский режим.

После начала боевых действий на Украине внимание Форин Оффиса было приковано к Польше. Борис Джонсон говорил о ней: «Это страна, где население каждый день просыпается с острым осознанием прямой угрозы. Ее голос должен быть в центре каждой нашей дискуссии»³⁶⁶. Неудивительно, что Польша стала первым государством, которое посетил политик после начала СВО. 1 марта 2022 г. он приехал в Варшаву на встречу с премьером Матеушем Моравецким, где подтвердил всемерную готовность оказывать поддержку как Украине, так и Польше. 8 марта состоялась встре-

³⁶⁴ United Kingdom, Poland and Ukraine Foreign Ministers' Joint Statement, February 2022 // gov.uk. 17.02.2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-by-the-united-kingdom-poland-and-ukraine-17-february-2022> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁶⁵ Conflict in Ukraine: A Timeline (2014 – eve of 2022 Invasion) // House of Commons, Library. 22.08.2023. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9476/CBP-9476.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁶⁶ PM Meeting with Prime Minister Mateusz Morawiecki of Poland // gov.uk. 01.03.2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-meeting-with-prime-minister-mateusz-morawiecki-of-poland-1-march-2022> (дата обращения: 12.03.2025).

ча с польским коллегой в рамках переговоров с представителями стран – участниц В4 в Лондоне. В последующие месяцы темп диалога нарастал.

Вершиной двустороннего взаимодействия на фоне восточноевропейского противостояния стало подписание 5 июля 2023 г. Соглашения о стратегическом партнерстве до 2030 г. Хотя документ посвящен широкому кругу вопросов (от миграции до сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе) через него красной нитью проходит тема противостояния России и нанесения ей максимального урона. Неудивительно, что его авторы с самого начала постулируют идею о безоговорочной поддержке Украины, ее защите и достижении «справедливого» мира. Примечательно, что призывы по усилению ВСУ, в британо-польском соглашении звучат громче, чем планы по укреплению связности вооруженных сил двух стран в рамках существующих механизмов НАТО и являются, скорее, необходимым дополнением. Таким образом очевидно, что документ вряд ли мог появиться на свет в условиях отсутствия российско-украинского конфликта. Помимо военных механизмов большое внимание обращено на несиловые методы ослабления России, а именно на санкции, ликвидацию энергозависимости европейских государств от РФ, работу с гражданским обществом России, противодействие Москве на постсоветском пространстве, достижение консенсуса среди союзников по НАТО, усиление возможностей разведки. Показательно, что в Соглашении большое внимание уделяется разрушению российско-белорусского союза и противодействию России в Западных Балканах, Восточной Европе (Молдова) и Закавказье³⁶⁷. Очевидно, что британо-польские подписанты, осознавая сложность нанесения Москве прямого военного поражения, обращали внимание на проведение гибридной войны на множестве неочевидных направлений.

Несмотря на поступательный характер развития британо-польских отношений, временами происходило их замедление. Например, премьер Риши Сунак посетил Польшу только после смены

³⁶⁷ UK – Poland 2030 Strategic Partnership Joint Declaration on Foreign Policy, Security and Defence // gov.uk. 06.07.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-poland-2030-strategic-partnership-joint-declaration-on-foreign-policy-security-and-defence/uk-poland-2030-strategic-partnership-joint-declaration-on-foreign-policy-security-and-defence> (дата обращения: 22.03.2025).

правительства ПиС на коалиционное правительство «Гражданской платформы» во главе с Дональдом Туском. Национал-консервативный курс правительства Моравецкого отталкивал британского политика. Приехав в Варшаву 22 апреля 2024 г. после смены власти, он объявил о выделении Украине на тот момент самого крупного пакета военной помощи. Столица Польши была выбрана не случайно. Сопровождавший премьера министр обороны Грант Шэппс говорил: «Теперь мы идем еще дальше. Мы никогда не позволим миру забыть об экзистенциальной битве, которую ведет Киев...»³⁶⁸ Сунак подчеркивал: «Сегодня я нахожусь в Варшаве, чтобы углубить связи с нашими польскими партнерами и оказать важную военную поддержку обороне Украины»³⁶⁹. Таким образом прослеживалась прямая взаимозависимость: сближение Варшавы и Лондона подпитывалось благодаря сохранению угрозы со стороны России и продолжению вооруженного конфликта на территории Украины. Поэтому неудивительно, что 17 января 2025 г. на фоне неутраченного противостояния Москвы и Киева было объявлено о подготовке нового польско-британского оборонного договора³⁷⁰.

Углубление отношений Польши и Британии происходило и в области военно-технического сотрудничества. Примечательно, что с момента активизации двусторонних отношений в 2016 г. Лондон значительно нарастил объемы экспортируемого ВиВТ в Польшу. Если в 2015 г. польские власти ввозили из Британии оружие на сумму 12,5 млн долл., то в 2022 г. – на 285 млн долл.³⁷¹ Также были существенны объемы предзаказов британского ВиВТ до 2027 г. (табл. 9). Доступные данные свидетельствуют о резком скачке сотрудничества в этой области после начала СВО. Прежде всего, поляки активно

³⁶⁸ PM to Announce Largest-Ever Military Aid Package to Ukraine on Visit to Poland // gov.uk. 22.04.2024. URL: <https://www.gov.uk/government/news/pm-to-announce-largest-ever-military-aid-package-to-ukraine-on-visit-to-poland> (дата обращения: 22.03.2025).

³⁶⁹ Ibid.

³⁷⁰ Joint Statement between the Prime Minister of the United Kingdom and the Prime Minister of Poland // gov.uk. 17.01.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-between-the-prime-minister-of-the-united-kingdom-and-the-prime-minister-of-poland> (дата обращения: 22.03.2025).

³⁷¹ Польша: итоги 2022 года свидетельствуют о масштабной милитаризации страны // Аналитические материалы ЦАМТО. 2023. С. 6. URL: <https://armstrade.org/files/analytics/608.pdf?ysclid=m8koo8sla3650608840> (дата обращения: 22.03.2025).

наращивали закупки зенитных ракет класса САММ, совместимых с польскими ЗРК Narew. В 2022 г. была достигнута договоренность о постройке трех ракетных фрегатов Type 31 под торговым названием Arrowhead 140. 16 августа 2023 г. началось строительство первого судна. В 2023 г. было заключено соглашение о покупке двух катеров на воздушной подушке для польской пограничной службы.

Таблица 9

Британский экспорт ВиВТ в Польшу (2016–2027 гг.)

Год заказа	Вид ВиВТ	ВиВТ	Количество единиц	Сумма	Год поставки, количество штук в год
2008	Орудийные башни	155-мм AS90 Braveheart (для производства CAO Krab)	96	150	2010 – 2 2011 – 2 2012 – 4 2013 – 4 2014 – 4 2015 – 8 2016 – 24 2017 – 24 2018 – 24
2023	ПУ ЗУР	iLauncher CAMM (Для ЗРК PILICA+)	44	2 370	2025 – 4 2026 – 10 2027 – 10 2028 – 10 2029 – 10
2022	ПУ ЗУР	iLauncher CAMM-ER (для ЗРК Narew)	6	320	2022 – 3 2023 – 3

Окончание таблицы 9

2023	ПУ ЗУР	iLauncher CAMM-ER (для ЗРК Narew)	138	6 000	2027 – 15
					2028 – 15
					2029 – 15
					2030 – 15
					2031 – 15
					2033 – 15
					2034 – 15
					2035 – 18
2022	Фрегат	Arrowhead 140	3	2 580	2028 – 1
					2031 – 1
					2034 – 1
2023	Десантный катер	Griffon- 2000TD	2	–	2024 – 2

Источник: База данных по мировому экспорту вооружений и военной техники (2000–2027) // Ежегодник ЦАМТО. 2024. URL: <https://armstrade.org/files/export-2000-2027.pdf> (дата обращения: 22.03.2025).

Несмотря на вовлеченность Британии в судьбу народов ЦЕ на определенных этапах истории XX в., энтузиазм Лондона возникал ввиду желания обеспечить собственные непреходящие интересы в Старом Свете. Максимой британцев всегда было стремление не допустить возникновения в Европе политической силы, способной установить гегемонию на континенте. Несмотря на исчезновение Британской империи после Второй мировой войны, данные императивы были встроены в генетический код британской внешней политики. После крушения коммунизма в Восточной Европе появившиеся на свет уже центральноевропейские государства не вызвали у британских политиков должного интереса, хотя декларативно говорилось о важности их приема в семью европейских народов. Успех движения «назад в Европу» был обусловлен действиями самих центральноевропейцев и представителей США и ФРГ,

взявших в свои руки процесс их интеграции в евро-атлантические структуры. Большой интерес Лондона к ЦЕ возникает на фоне начала российско-украинского конфликта в 2014 г. и утвердительного решения о выходе из ЕС в 2016 г. Таким образом нарушение статус-кво, очерченного окончанием холодной войны, и поиск Британией своего места в раскладе политических сил на карте Европы заставил ее политиков обратить внимание на ЦЕ.

Впрочем, поначалу из всех стран региона фокус был сделан только на Польшу ввиду ее ключевого положения на пространстве между Россией и Германией. После начала СВО в 2022 г. Лондон предпринял попытку углубить отношения со всеми странами – участницами В4. Из-за прагматичной позиции Будапешта, отказавшегося выделять военную помощь Киеву, Британия ограничилась тремя вишеградскими странами. По прошествии времени, к концу 2023 г., из-за политической волатильности чешского и словацкого обществ британские власти сконцентрировали внимание исключительно на польских партнерах, среди которых отношение к Кремлю и российско-украинскому конфликту было стабильно конфронтационным. Задача Лондона в этом вооруженном противостоянии сводилась к максимальному истощению России и недопущению роста ее влияния в Европе по окончании СВО. В свою очередь поляки стремились использовать момент для укрепления собственных позиций на евро-атлантическом пространстве. А Киев, лишаясь субъектности, становился инструментом реализации политических задач Польши и Британии.

Глава 4

Место Украины в трансформации отношений стран Центральной Европы с Россией

Начало СВО на Украине в феврале 2022 г. выявило широкую поддержку в адрес Киева со стороны представителей В4. Страны Центральной Европы оказались в числе создателей и трендсеттеров нарративов, получивших в дальнейшем широкое признание мировой общественности: о борьбе Киева с «русским империализмом», «о сражении Украины за европейское будущее на своей территории» и «о безальтернативном членстве Украины в ЕС и НАТО». Министр внутренних дел Чехии Вит Ракушан открыто говорил: «Мы занимаем четкую антироссийскую позицию... мы инициировали все санкции против России... Лишь немногие страны были такими строгими и последовательными, как мы»³⁷². Также страны отметились громкими политическими акциями, которые способствовали усилению поддержки Киева со стороны «старых» членов ЕС. Так, например, глубоко символичной стала поездка в середине марта 2022 г. лидеров Польши, Чехии и Словении в Киев, который в то время находился в частичном окружении. Как следствие, по прошествии времени все западные лидеры, в т.ч. президент Соединенных Штатов, премьер-министры Великобритании, канцлер ФРГ, председатель Еврокомиссии и др., последовали примеру младших партнеров. В 2023–2024 гг. на фоне ослабления солидарности в отношении режима В. А. Зеленского Чехия запустила кампанию по поиску дополнительных источников поставки снарядов³⁷³. Несмотря на «пробуксовку» данной инициативы и невозможность с помощью нее изменить ход событий на поле боя, активность

³⁷² Vít Rakušan. 24.07.2024. URL: https://twitter.com/vit_rakusan (дата обращения: 16.08.2024).

³⁷³ Pancevski B. In Central Europe, Czechs Go Hunting for Arms for Ukraine // WSJ. 17.03.2024. URL: https://www.wsj.com/world/europe/a-small-ex-soviet-satellite-state-goes-hunting-for-arms-for-ukraine-35255577?mod=Searchresults_pos1&page=1 (дата обращения: 16.08.2024).

Праги показала ее максимальное вовлечение в украинские дела. Впрочем, действия чехов, скорее, являлись попыткой подчинить европейский дискурс, начавший склоняться в то время к мысли о неизбежности территориальных потерь Украины, для его возврата в прежнее русло. Показателен механизм данных инициатив: сначала политики добивались их одобрения на региональном (центральноевропейском) уровне, затем под воздействием исходящих со стороны стран региона запросов проект получал европейское и международное звучание.

События 2022–2024 гг., сопряженные с многочисленными заявлениями политиков, двусторонними встречами и общественно-политическим дискурсом, формировали картину гармоничного и бесконфликтного сосуществования Украины с вишеградскими государствами с момента обретения Киевом независимости в 1991 г. Речи политиков были предельно категоричны и базировались на постулате об исторической неразрывности поддержки стремлений Киева «вступить в европейскую семью», «очевидности выбора с самого начала» и т.п. В то же время Россия воспринималась как непреходящая «экзистенциальная угроза», «актуальный вызов безопасности» и «естественный противник», с которым было невозможно строить не только дружеские, но и прагматичные отношения, основанные на взаимовыгодном торгово-экономическом партнерстве. Однако ультимативность вишеградских политиков шла вразрез с предыдущей историей российско-центральноевропейских отношений, которые после распада Советского Союза были нацелены на признание ошибок, допущенных в течение XX в. В свою очередь, тогда страны ЦЕ были максимально заинтересованы в стабилизации исторического прошлого, что подтвердилось в подписании двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве³⁷⁴. На страницах российско-чешского документа была «подведена черта под тоталитарным прошлым, связанным с недопустимым применением силы против Чехословакии в 1968 г. и дальнейшим неоправданным пребыванием советских войск на чехословацкой территории», а в тексте российско-венгерского договора говорилось об осуждении «вторжения в Венгрию 1956 года, приведшего к подавлению демократических

³⁷⁴ Шишелина Л.Н. Договоры о дружбе и сотрудничестве между Россией и странами Центральной Европы: 30 лет спустя // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 5. С. 7–16. DOI: 10.15211/vestnikieran52022716

устремлений ее народа»³⁷⁵. Что касается российско-польских отношений, то в начале 2000-х гг. президент России В. В. Путин отчетливо говорил: «Мы видим все проблемы нашего прошлого, извлечем обязательно из этого уроки на будущее и с оптимизмом будем смотреть в это будущее»³⁷⁶.

Несомненно, отношения с Россией за прошедшие 30 лет были подвижны. На смену периодам взаимного интереса приходили этапы похолодания, однако важность России как торгового и политического партнера была зафиксирована во многих концептуальных и стратегических документах рассматриваемых стран, в т.ч. после введения первых санкций в отношении России в 2014 г. Например, значимость РФ была закреплена на страницах Концепции внешней политики Чехии в 2015 г.³⁷⁷ В том же году в документе Министерства иностранных и европейских дел Словакии говорилось о необходимости «поиска доступных форм взаимодействия с Россией и поддержки сотрудничества в области энергетики»³⁷⁸. В свою очередь польские власти, еще до переворота в Киеве, в документе «Приоритеты внешней политики Польши 2012–2016» писали о готовности Польши к «диалогу с Россией» и «участию в построении средств взаимного доверия между Западом и Россией»³⁷⁹.

Что касается независимой Украины в широкой исторической перспективе, то ее место в политике центральноевропейских государств не было стабильно зафиксировано. Более того, из-за слабых

³⁷⁵ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Венгерской Республикой. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=201140953&collection=1&ysclid=lz86f2jbro455428888 (дата обращения: 16.08.2024).

³⁷⁶ Ответы на вопросы журналистов в ходе совместной пресс-конференции с Президентом Польши Александром Квасьневским // Президент России. 17.01.2002. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21476> (дата обращения: 16.08.2024).

³⁷⁷ Konceptce zahraniční politiky ČR // MZV ČR. 13.07.2015. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/analyzy_a_koncepce/koncepce_zahranicni_politiky_cr.html (дата обращения: 16.08.2024).

³⁷⁸ Zameranie zahraničnej a európskej politiky Slovenskej republiky na rok 2015 // Ministerstvo zahraničných vecí a európskych záležitostí SR. URL: <https://www.mzv.sk/diplomacia/zahranicna-politika> (дата обращения: 16.08.2024).

³⁷⁹ Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016 // Biuro Bezpieczeństwa Narodowego. URL: <https://www.bbn.gov.pl/download/1/9620/prpol.pdf> (дата обращения: 16.08.2024).

экономических контактов³⁸⁰ Киева со странами «четверки» украинская тематика часто выпадала из повестки. Однако к концу 2000-х гг. на фоне запуска программы ВП интерес к Украине начинает постепенно возрастать. Далее происходит сопряжение позиций стран, которые приходят к единому знаменателю в понимании важности украинского вопроса для себя ввиду начала украинского кризиса в 2013–2014 гг. Показательно, что поступательное развитие отношений с Киевом шло в ущерб контактам с Россией, демонстрируя прямую пропорциональную зависимость: чем хуже складывались отношения с Москвой, тем более активно шел процесс взаимодействия с Киевом. Сначала жертвой такого подхода стали политические контакты, затем общественно-культурные связи, после 2022 г. – торгово-экономические отношения.

Встает вопрос о глубинных причинах деградации российско-центральноевропейских отношений, которые на момент вступления стран – участниц вишеградской «четверки» в ЕС в 2004 г. были избавлены от груза исторического прошлого, имели выгодные экономические перспективы и базировались на основе близости культурно-исторического наследия. Следует понять роль украинского фактора в процессе демонтажа конструктивных взаимоотношений между Москвой и центральноевропейскими столицами, определить мотивы выбора данной модели отношений – ее преднамеренную или необходимую природу.

4.1. Подходы вишеградских стран к Украине и России до 2004 г.: дистанцирование на фоне «возвращения в Европу»

Обретение Украиной независимости в декабре 1991 г. активно приветствовали страны – участницы В4. Каждая из них (Польша, Чехословакия и Венгрия) предельно оперативно признала украинский суверенитет и установила дипломатические отношения с Киевом. Впрочем, в обстановке политического вакуума, возникшего на месте социалистической системы, новые политико-государственные субъекты были вынуждены решать проблемы практически в одиночку, следуя своим национальным интересам. В этой связи неудивительно,

³⁸⁰ К началу 2000 г. Польша и Венгрия занимали 9-е и 10-е место соответственно среди торговых партнеров Украины. См.: Вардомский Л.Б., Пылин А.Г. Внешнеэкономические связи и интеграционный выбор Украины // Россия и мир в XXI веке. 2014. № 3 (84). С. 29–45.

что несмотря на значительное количество подписанных в начале 1990-х гг. двусторонних документов между странами – участниками «четверки» и Украиной, направление движения государств было разнонаправленное: Варшава, Прага и Будапешт (после 1 января 1993 г. и Братислава) приняли безальтернативное решение о «возвращении в Европу», предполагавшее интеграцию в НАТО и ЕС, в то время как официальный Киев колебался в выборе вектора развития. Украинский исследователь В. А. Дергачев отмечал присущий Украине «феномен внутренней двувекторности», который он характеризовал не как «выбор Украины, а реальность, объективно данная ей вместе с независимостью, а также одна из унаследованных ею проблем»³⁸¹. Также он приводил данные социологических опросов, согласно которым по мере того как членство стран ЦЕ в НАТО³⁸² становилось всё более очевидным, заинтересованность во вступлении в этот Альянс уменьшалась (в декабре 1998 г. 68% опрошенных выступали «за», в то время как в июне 2000 г. – 27,5%)³⁸³. На рубеже веков в тройку приоритетов внешней политики Украины эксперт включал установление и развитие партнерских отношений со странами Центральной и Восточной Европы и Балтии, как добившихся значительных успехов в процессе «возвращения в Европу»³⁸⁴. Однако сами центральноевропейские государства в это время по-разному относились к Украине и видели ее место в своей внешней политике.

ПОЛЬША. Несмотря на широко растиражированной образ Польши как «адвоката Украины»³⁸⁵ и первого государства, при-

³⁸¹ Дергачев В.А. Украинско-российские отношения – европейский и евразийский контекст // Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 113.

³⁸² Следуя примеру вишеградцев, вхождение которых в Альянс предшествовало членству в ЕС, украинцы в национальном дискурсе рассматривали вхождение в НАТО, где было очевидным политическое доминирование США, в качестве первого этапа на пути к успешной евроинтеграции.

³⁸³ Дергачев В.А. Указ. соч.

³⁸⁴ На 9-м месте в иерархии приоритетов была задача по утверждению Украины как регионального лидера стран Центральной и Восточной Европы.

³⁸⁵ Отечественный специалист по постсоветскому пространству Д. Офицеров-Бельский даже говорит о существовании легенды об «особом польском понимании процессов на постсоветском пространстве». См.: Офицеров-Бельский Д. Восточная политика Польши: концептуальные основы и практические аспекты // Россия и новые государства Евразии. 2023. № IV (LXI). С. 51–61. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-4-51-61

знавшего ее независимость, по наблюдениям полонистки Д. А. Звягиной, в начале 1990-х гг. «старт отношений Польши и Украины был неоднозначным»³⁸⁶. Так, отметим факт, что Варшава в 1991 г. проигнорировала попытку Украины присоединиться к Вишеградской группе, опасаясь, что установление слишком тесных связей со всё еще нестабильной Украиной может затруднить процесс вступления в ЕС и НАТО³⁸⁷. Также была отброшена идея создания независимого политического блока в ЦЕ во главе с Польшей и Украиной³⁸⁸. С середины 1993 г. польско-украинские отношения «вошли в фазу охлаждения»³⁸⁹, что было вызвано как историческими реминисценциями, связанными с «волынской резней»³⁹⁰ и операцией «Висла»³⁹¹, так и приходом к власти после парламентских выборов левых сил, которые в качестве приоритета называли «улучшение отношений с Россией» и подчеркнули важность смещения акцента с политики на экономику в контактах со странами ближнего зарубежья. Впрочем, после смены кабинета в 1995 г. отмечается усиление динамики отношений между Варшавой и Киевом благодаря заметному вовлечению в этот вопрос президента Республики Александра Квасьневского

³⁸⁶ Звягина Д.А. Польско-украинские отношения: детерминанты прошлого, перспективы будущего // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 3. С. 145.

³⁸⁷ Szczepanik M. Between a Romantic 'Mission in the East' and Minimalism: Polish Policy Towards the Eastern Neighbourhood // Perspectives (Special Issue Identity and Solidarity in Foreign Policy: Investigating East Central European Relations with the Eastern Neighbourhood). 2011. Vol. 19. No. 2. P. 50.

³⁸⁸ Menkiszak M., Piotrowski M.A. Polska polityka wschodnia // Polityka zagraniczna RP 1989–2002. Ed. by R. Kuźniar, K. Szczepanik. Warsaw: Askon, 2002. S. 222.

³⁸⁹ Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010. Poznań: Wydaw. nauk. UAM, 2011. S. 162.

³⁹⁰ В 1943 г. командование Организации украинских националистов – Украинской повстанческой армии (ОУН-УПА) вынесло смертный приговор примерно 1,5 млн поляков, проживавших на территории Волини и Восточной Галиции. В результате чисток, проведенных ОУН – УПА с 9 февраля 1943 г. по 18 мая 1945 г., было убито около 100 тыс. человек, еще 300–400 тыс. человек удалось сбежать.

³⁹¹ Операция, организованная Войском Польским весной 1947 г., которая предполагала насильственное переселение этнических украинцев из Жешувского и Люблинского воеводств Польши с целью нейтрализации бандподполья ОУН – УПА и прекращения оказания ему помощи со стороны местного населения.

(1995–2005 гг.)³⁹², усилиями которого в 1997 г. была подписана Хартия об особом партнерстве между НАТО и Украиной³⁹³.

Что касается взаимодействия с Россией во время (1995–1999 гг.), которое предвляло официальное вхождение Польши в НАТО в 1999 г., то отечественный полонист Н. И. Бухарин писал, что «задача этого порядка вынуждала польские власти изображать хорошие отношения с Москвой»³⁹⁴. Однако вскоре внутриполитические перемены в России, вызванные приходом к власти В. В. Путина в 2000 г., дали, как тогда казалось, реальную возможность выстроить конструктивные и доверительные отношения. Н. И. Бухарин писал: «В 2002–2004 гг. ведущая роль Польши во внешней политике РФ в регионе Центрально-Восточной Европы была очевидна. В. В. Путин и А. Квасьневский пытались придать российско-польским отношениям некий особый характер, во всяком случае стремились превратить их в пример для стран Центрально-Восточной Европы и Балтии»³⁹⁵. В то же время украинское направление, как отмечают российские исследователи А. С. Левченков и А. В. Гушин, несмотря на показную активность Польши, не было в эпицентре ее внимания: «...политика Варшавы еще не носила такого прямого и интенсивного характера, который [она. – *Примеч. авт.*] обрела позднее...»³⁹⁶

Примечательно, что на рубеже веков для польской общественной мысли было свойственно анализировать перспективность активной восточной политики с несвойственной для сегодняшнего дня высокой степенью критичности. Так, например, публицисты Бартоломей Сенкевич и Тадеуш Ольшанский считали, что усилия, направленные на вовлечение Украины и Белоруссии в западное

³⁹² *Zurawski vel Grajewski P.* Polish-Ukrainian Relations 1991–2002 // Fundacja im. Stefana Batorego. URL: https://www.batory.org.pl/ftp/program/forum/eu_ukraine/polish_ukrainian_relations.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

³⁹³ Хартия об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной // NATO. 09.07.1997. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (дата обращения: 12.09.2024).

³⁹⁴ *Бухарин Н.И.* Россия – Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 27.

³⁹⁵ Там же. С. 37.

³⁹⁶ *Левченков А.С., Гушин А.В.* Основные тенденции отношений Украины со странами Вишеградской группы в 1990-х – начале 2000-х гг. // Постсоветские исследования. 2022. № 3 (5). С. 243.

общество, были бессмысленными, поскольку они не видели перспектив там для их политического и экономического транзита, который ранее случился в странах ЦЕ. Говоря о том, что значительная часть украинских политических элит и населения хотела сохранить тесные отношения с Россией, они призывали польские власти смириться с альтернативным путем Украины³⁹⁷. Эти убеждения были в определенной степени развитием позиции польского политика начала XX в. Романа Дмовского о том, что «новые нации» на Востоке недостаточно зрелы, чтобы быть надежными союзниками, и что Россия должна быть главным ориентиром для польской внешнеполитической стратегии. Сторонники такого подхода вступали в открытый спор с более многочисленным лагерем приверженцев концепции Ежи Гедройца и Юлиуша Мерошевского, которая базировалась на глубоко укоренившихся исторических паттернах об особой цивилизаторской миссии Польши в восточноевропейском регионе и необходимости поддержки стремлений Минска и Киева отдалиться от Москвы. Так, еще до распада Советского Союза Гедройц писал: «Ненависть к России [среди стран Восточной Европы. – *Примеч. авт.*] имеет стихийный характер, и в наших интересах использовать ее для налаживания польско-украинского и польско-белорусского сотрудничества»³⁹⁸. В этой связи польский политолог Мельхиор Щепаник говорил о существовании в местном политическом пространстве двух лагерей: минималистов, которые исходили из прагматичного подхода к Украине, и романтиков, оперировавших такими ценностными понятиями, как исторический долг и моральное обязательство в выстраивании отношений с Киевом. Потенциальный выбор украинцами России в качестве ориентира они воспринимали как геополитическую катастрофу и провал демократических реформ. Таким образом, можно предположить, что наличие двух групп политиков с альтернативными мнениями на данном этапе демонстрировало возможность выработки некоего третьего пути в восточной политике Польши.

³⁹⁷ *Sienkiewicz B.* Pochwała minimalizmu // *Tygodnik Powszechny*. 24.12.2000. S. 12; *Olszański T.* Po pierwsze: interes państwa // *Tygodnik Powszechny*. 18.03.2001.

³⁹⁸ Цит. по: *Волобуев В.В.* Е. Гедройц и Ю. Мерошевский о формировании восточного направления внешней политики современной Польши // *Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима*. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. С. 246.

ВЕНГРИЯ. Что касается Венгрии и ее отношений с восточно-европейскими государствами, то, как отмечает политолог Андраш Рац, Будапешт не испытывал в целом устойчивой, исторически мотивированной приверженности этому региону³⁹⁹. За исключением вопросов, касающихся значительной венгерской диаспоры, проживающей в Закарпатье⁴⁰⁰, страна не имела общей связующей линии истории ни с Украиной, ни с Беларусью. По словам анонимного венгерского дипломата, время до 2004 г. можно охарактеризовать как период взаимного безразличия: «Мы не интересовались ими, а они нами. Никто не интересовался друг другом слишком сильно»⁴⁰¹. Что касается России, то венгерские политики изначально определяли ее как важнейшего регионального партнера, который формировал восточноевропейский внешнеполитический дискурс. В связи с желанием «не оттолкнуть Москву» Будапешт насколько это было возможно контролировал свою деятельность в других странах, которые традиционно воспринимались как зона российского интереса. А. Рац писал: «В случае с Венгрией Россия не являлась формирующим другим, против которой выстраивалась венгерская восточная политика. На самом деле всё наоборот: Москва – это другая, чье мнение всегда учитывалось»⁴⁰².

В адрес Украины венгерские власти с самого начала обозначили ключевой вопрос о венгерском национальном меньшинстве как определяющий суть двусторонних отношений. Можно констатировать, что в это время Будапешт стремился обеспечить гармоничное существование соотечественников за пределами самой Венгрии, в т.ч. за счет принятия ряда законопроектов «О правах национальных и этнических меньшинств» (1993 г.) и «О венграх, проживающих в сопредельных государствах» (2001 г.). Венгерские власти

³⁹⁹ Rácz A. A Limited Priority: Hungary and the Eastern Neighbourhood // Perspectives (Special Issue Identity and Solidarity in Foreign Policy: Investigating East Central European Relations with the Eastern Neighbourhood). 2011. Vol. 19. No. 2. P. 146.

⁴⁰⁰ Согласно последней переписи населения Украины в 2001 г. на территории страны проживало около 152 тыс. этнических венгров. Согласно исследованию, проведенному венгерскими социологами в 2017 г., их численность сократилась до 130 тыс. человек. См.: Tátrai P., Molnár J., Kovály K., Erőss Á. Changes in the Number of Hungarians in Transcarpathia Based on the Survey 'SUMMA 2017' // Hungarian Journal of Minority Studies. 2018. No. 1. P. 103–135.

⁴⁰¹ Цит. по: Rácz A. Op. cit. P. 149.

⁴⁰² Ibid.

надеялись, что на основе взаимности страны, где массово проживали венгры, в т.ч. и Украина, предоставят им дополнительные права⁴⁰³. Однако Киев, вне зависимости от находившихся у власти политиков, отстранялся от подобных действий, что вносило недопонимание в контакты между странами. В то же время украинский эксперт Александр Павлюк отмечал, что украино-венгерские отношения стали характеризоваться «односторонним билатерализмом», когда венгерская сторона не отвечала взаимностью на заинтересованность Украины в развитии двусторонних отношений⁴⁰⁴.

ЧЕХИЯ. Отношения Чехии с Украиной изначально строились в отличие от Польши и Венгрии на абсолютно ином фундаменте. Они характеризовались отсутствием общей проблемной истории с присущим другим народам т.н. конфликтным соседством (в т.ч. ввиду отсутствия государственной границы). Более того, политики в 1990-е гг. старались показать в ходе официальных переговоров наличие связующих эпизодов прошлого (проживание на территории Волыни чешской диаспоры, миграция украинской интеллигенции в Прагу в межвоенное время и др.). Также следует отметить, что основы чешской внешней политики базировались на ценностных постулатах, которые педалировали политики-диссиденты (Вацлав Гавел, Петр Питхарт, Иржи Динстбир), прочно закрепившиеся во власти в первом десятилетии независимого существования страны. Говоря много о продвижении прав человека и демократии, они, несомненно, приветствовали вступление Украины и других восточноевропейских государств в НАТО и ЕС, поскольку воспринимали эти организации как рабочие механизмы по распространению ценностей и их внедрению. Однако, несмотря на значительное количество декларативных заявлений о желании видеть Киев в «организациях, объединяющих Европу»⁴⁰⁵, чешские политики, в т.ч. и первый президент независимой Чехии Гавел, избегали ясной конкретики. Более

⁴⁰³ *Строгальщикова П.Б.* Венгры за пределами Венгрии: национальные меньшинства, диаспора, часть венгерской нации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 2. С. 102.

⁴⁰⁴ *Pavliuk O.* Enlargement and Ukraine's Relations with Other Central and Eastern European Countries. Final Report June 2000. P. 11.

⁴⁰⁵ Rozhovor prezidenta republiky Václava Havla pro ukrajinskou televizi UT1 // Václav Havel Library. 24.6.1997. URL: <https://archive.vaclavhavel-library.org/Archive/Detail/36892?q=UKRAJINA> (дата обращения: 16.08.2024).

того, позиция главы государства претерпела заметные изменения. Если в мае 1991 г. он считал, что «никакие будущие европейские организации немыслимы без европейских народов Советского союза, являющихся неотъемлемой частью Европы»⁴⁰⁶, то в феврале 2004 г. Гавел уклончиво сказал, что Украина еще «долгое время будет одиночным образованием», поскольку «она в сфере интересов всего мира»⁴⁰⁷.

Что касается экспертных оценок, то они предельно четко указывали на незаинтересованность чешской стороны в выстраивании конструктивных отношений с Украиной до 2004 г. Например, руководитель Центра европейских исследований Карлова университета Томаш Вайс откровенно писал: «До середины 2000-х гг. Чехия особенно не интересовалась судьбой восточноевропейских стран, как результат она не проявляла усилий по выстраиванию взаимоотношений с ними и не демонстрировала солидарность»⁴⁰⁸. В то же время сотрудник Института международных исследований (Прага) и дипломат Владимир Вотапек подчеркивал приоритетность отношений именно с Москвой: «Важность контактов с другими странами СНГ никогда даже близко не приближалась к значению отношений с Москвой»⁴⁰⁹. После долгого периода двусторонней незаинтересованности обеих стран друг в друге ренессанс отношений наступил с приходом к власти в России В. В. Путина, при котором сотрудничество было поставлено на рельсы прагматизма и принятия членства Чехии в ЕС и НАТО. Тем самым, как пишет Вотапек, была «достигнута главная цель чешской восточной политики»⁴¹⁰. На фоне «медового месяца» между Прагой и Москвой чешско-украинские отношения подавались как источник постоянных проблем. Прежде всего, эксперты обращали внимание на

⁴⁰⁶ Цит. по: *Жантовский М.* Гавел. М.: РОССПЭН, 2021. С. 463.

⁴⁰⁷ Videopozdrav Václava Havla konferenci “Ukrajina v Evropě a ve světě” // Václav Havel Library. 21.02.2004. URL: <https://archive.vaclavhavel-library.org/Archive/Detail/3795?q=UKRAJINA> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁰⁸ Weiss T. Projecting the Re-Discovered: Czech Policy Towards Eastern Europe // Perspectives (Special Issue Identity and Solidarity in Foreign Policy: Investigating East Central European Relations with the Eastern Neighbourhood). 2011. Vol. 19. No. 2. P. 30.

⁴⁰⁹ Zahraniční politika České republiky 1993–2004. Úspěchy, problémy a perspektivy. Ed. by O. Pick, V. Handl. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2004. S. 99.

⁴¹⁰ Ibid. S. 100.

значительно возросшее число проживающих на территории Чехии легально/нелегально украинцев, которые заняли второе место по числу совершенных уголовных преступлений среди иностранцев⁴¹¹. Также поступательно накапливались чешские претензии к Украине, вызванные неспособностью Киева выполнять взятые обязательства по строительству и эксплуатации газопровода «Ямбург».

СЛОВАКИЯ. Словакия, будучи наиболее проблемным членом вишеградской группы, первое пятилетие своей независимой жизни находилась в поиске собственного внешнеполитического курса. На восточноевропейском направлении первые три правительства Владимира Мечъяра (1993–1998 гг.), пришедшего в политику на волне усиления националистических и авторитарных настроений, отдавали приоритет контактам с Москвой «в ущерб отношениям с Киевом», что, как отмечает словацкий политолог Александр Дулеба, было вызвано экономическими мотивами⁴¹². Прежде всего, словацкий премьер стремился сохранить «на плаву» дававший 40% национального ВВП военно-промышленный комплекс, оставшийся после распада соцблока и ориентированный преимущественно на заказы из России. К тому же он был заинтересован в продолжении транзита российских энергоресурсов через территорию Словакии, что являлось значительным источником поступлений в государственный бюджет. В то же время тесные контакты с Россией делали практически невозможной интеграцию Братиславы в евроатлантическое сообщество, что было заявлено как приоритет страны после обретения ею независимости. Неудивительно, что госсекретарь США Мадлен Олбрайт (1997–2001 гг.) назвала Словакию «черной дырой на карте Европы», а натовские чиновники не включили страну в список стран, приглашенных к вступлению в Североатлантический альянс в 1999 г. Впрочем, временная ориентация на Кремль сменилась безальтернативным курсом на вступление в ЕС и НАТО после парламентских выборов в 1998 г. Новый премьер Микулаш Дзуринда (1998–2006 гг.) поставил цель добиться включения в ЕС и НАТО, что и было успешно реализовано в 2004 г. Между тем, стоит отметить, что на фоне разрыва крепких связей с Россией и полной

⁴¹¹ Ibid. S. 105.

⁴¹² Duleba A. Bilaterálne vzťahy SR s Ukrajinou a prognóza ich vývoja v strednodobej perspektíve. Návrh stratégie rozvoja vzťahov s Ukrajinou. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2021. S. 7.

переориентации на западные структуры, Словакия не стала интенсифицировать диалог с Украиной, ограничившись декларативными заявлениями о дружбе и партнерстве без конкретного содержания. Показательно, что премьер Дзуринда впервые посетил Киев только в июне 2004 г. как уже полноправный представитель страны – участницы ЕС. Вдобавок Словакия раньше своих партнеров по В4 ввела визовый режим на словацко-украинской границе, тем самым заметно ограничив поток трудовых мигрантов из Украины. Таким образом, все внешнеполитические действия Дзуринды с 1998 по 2004 гг., в т.ч. и в отношениях Украины и России, были подчинены задаче вступления Словакии в западные структуры. В этой связи неудивительно, что страна достаточно просто принимала решения, которые могли испортить словацко-украинские связи.

Несомненно, страны В4, руководствуясь постсоциалистической солидарностью, приветствовали возникновение самостоятельной Украины, что выразилось в появлении множества двусторонних соглашений, которые регламентировали отношения между новыми государствами. Впрочем, прагматизм вишеградцев, заявивших о желании вступить в ЕС и НАТО, толкал их активизировать деятельность на противоположном – западном направлении, оставив без пристального внимания восточный вектор внешней политики. Более того, после их интеграции в НАТО в 1999 г. (за исключением Словакии), с чем Кремль впоследствии официально смирился, и на фоне внутривосточных изменений в России происходит качественное изменение российско-центральноевропейских отношений. Что касается Украины, то вишеградцы стремились выстроить с ней добрососедские отношения, ограничиваясь заверениями в поддержке ее стремлений углубить связи с ЕС и НАТО. Такой поверхностный подход был вызван, во-первых, противоречивым политическим курсом страны, власти которой не могли определиться с направлением своего развития; во-вторых, ухудшением экономического состояния Украины, что для стран – участниц «четверки» также являлось сигналом о ее торгово-экономической и инвестиционной ненадежности; в-третьих, выстраивание конструктивных отношений с Россией отодвигало Украину на второй план, в т.ч. из-за нежелания вторгаться в возможную сферу интересов Москвы.

4.2. Отношения с Киевом и Москвой до 2014 г.: поиск собственного места в ЕС

Вступление стран – участниц В4 в ЕС и НАТО решило поставленную в начале 1990-х гг. задачу по «возвращению в Европу». Став полноправными членами евро-атлантического сообщества, центральноевропейские государства поставили вопрос о концептуальных основах дальнейшего сотрудничества, которое, как показали итоги прошедших лет, было предельно успешным ввиду достижения всех поставленных задач в начале вишеградской кооперации. В этой связи в декларации, подписанной весной 2004 г. премьер-министрами «четверки» в г. Кромержиж (Чехия), объявлялась цель по продолжению взаимодействия в тех областях, где совместные усилия стран могли принести высокую добавленную стоимость⁴¹³. На волне эйфории от евроинтеграции и наличия в местных обществах консенсуса относительно позитивных последствий расширения ЕС центральноевропейские элиты прибегли к универсалистскому восприятию своего места в объединении. Оно подразумевало позиционирование себя как «части централизованного вокруг западноевропейских государств демократического мира», исторической задачей которого являлось продвижение западных ценностей в сопредельные государства⁴¹⁴. Неудивительно, что в указанном документе подтверждалась «приверженность расширению ЕС» и «готовность передавать уникальный исторический опыт стран Восточной и Юго-Восточной Европы, стремящимся вступить в ЕС»⁴¹⁵.

Очевидно, что вишеградцы, осознавая свое ускоренное вхождение в Союз как уступку со стороны Брюсселя⁴¹⁶, стремились занять

⁴¹³ Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic. On Cooperation of the Visegrad Group Countries after their Accession to the European Union // International Visegrad Fund. URL: <https://www.visegradgroup.eu/2004/declaration-of-prime> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴¹⁴ Трофимов П.А. Эволюция чешской и словацкой идентичностей после 1989 г. // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2024. № 2. С. 43.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ «Прикрыв глаза на экономические погрешности, Евросоюз продемонстрировал приоритет политических мотивов “восточного расширения” над экономическими, показал свою готовность идти на экономические и финансовые уступки ради достижения политических целей расширения сферы своего влияния». См.: Вишеградская Европа: откуда и куда?.. С. 248.

конкурентную нишу, деятельность в рамках которой могла бы подтвердить их обоснованное вступление в ЕС и повысить значимость в глазах его «старых» участников. Первые годы членства, несомненно, предоставили массу поводов для кристаллизации позиции стран «четверки» в отношении вопросов расширения и углубления ЕС. Прежде всего громкие события, формировавшие повестку В4, возникали на территории восточных соседей (Украина, Беларусь, Молдова), хотя для Венгрии и Словакии подчас более актуальными и волнующими были процессы, происходящие в странах Западных Балкан. Несмотря на события на Украине в 2004 г. («оранжевая революция») и российско-украинский газовый кризис 2005–2006 гг., в которых вишеградцы проявили себя по-разному – от глубокой вовлеченности (Польша, Венгрия) до игнорирования (Словакия), в период с 2004 по 2008 гг. страны – участницы В4 находились в процессе выработки инструментальных подходов к пространству к востоку от себя. Политолог Кшиштоф Федорович точно заметил, что хотя Варшава была самым активным игроком на Майдане, впоследствии она утратила веру в своего украинского партнера и на время отстранилась от него: «“Революция” показала, что Украина еще не готова к баталиям на тему своего геополитического выбора»⁴¹⁷. То же касается и вишеградских деклараций, которые появились на фоне этих событий: несмотря на громкие заявления, прописанные на страницах документов⁴¹⁸, они не несли конкретики и, скорее всего, были нацелены на брюссельских чиновников, которых еще предстояло убедить в стремлении центральноевропейских государств работать на восточном направлении. Одновременно на этом этапе сохранялись прагматичные отношения с Россией, что проявилось не только в заметном увеличении товарооборота⁴¹⁹, но

⁴¹⁷ *Fedorowicz K.* Op. cit. S. 224.

⁴¹⁸ Statement of the Visegrad Group Ministers of Foreign Affairs on the Situation in Ukraine // Visegrad Group. 07.12.2004. URL: <https://www.visegradgroup.eu/2004/statement-of-the> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴¹⁹ Как отмечает исследователь ИМЭМО РАН А.С. Четверикова, «в период с 2000 по 2008 гг. российский импорт из стран Вишеградский группы увеличился на 14,2%, что приблизительно соответствовало росту экспорта из ЕС в целом в Россию. За это же время стоимость совокупного российского экспорта в вишеградские страны увеличилась на 39,4%, чему способствовал рост мировых цен на нефть и российской экономики». См.: Пределы самостоятельности Вишеградской группы... С. 105.

и в активном политическом диалоге.

В дальнейшем на фоне роста недовольства членством в ЕС, которое стало поступательно проявляться в странах – участницах В4 (показателен приход в 2006 г. к власти в Словакии Роберта Фицо), старта мирового экономического кризиса и спада промышленного производства в 2008 г. политики универсалистского толка начали испытывать опасность со стороны евроскептических сил, ставивших под сомнение правильность решения об евроинтеграции и вовлечение в нее новых участников, прежде всего из Восточной Европы. В ситуации возможной приостановки проекта по расширению ЕС (в случае изменения политического ландшафта) политики неолиберального толка форсировали создание институциональной базы по процессу сближения постсоветских государств с ЕС. Таким образом предкризисная ситуация предоставляла удобный шанс странам – участницам «четверки» заявить о себе. Речь идет о программе «Восточное партнерство» (ВП), которая была нацелена на развитие экономических, политических и культурных взаимосвязей с постсоветскими государствами (Украина, Беларусь, Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова)⁴²⁰. Начавшая обсуждаться в 2008 г. и запущенная в 2009 г. программа ВП, которая традиционно рассматривается как польско-шведская инициатива, появилась в т.ч. благодаря усилиям Чехии, предпринятым в рамках ее председательства в Совете ЕС, и поддержке со стороны остальных участников В4⁴²¹. Новый качественный виток восточной политики стран – участниц «четверки», с одной стороны, свидетельствовал о нарастающих амбициях отдельных государств (Польша, Чехия), желавших по-новому обозначить свое место в ЕС, а именно как создателей политической повестки, с другой – нежеланием сворачивать проект, который определенно имел перспективы повысить авторитет стран ЦЕ в ЕС.

Между тем Брюссель открыто поддерживал деятельное участие центральноевропейцев в разработке программы. Например, в сентябре 2008 г. канцлер Германии Ангела Меркель призывала поляков

⁴²⁰ Copesey N., Pomorska K. The Influence of Newer Member States in the European Union: The Case of Poland and the Eastern Partnership // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 66. No. 3. P. 421–443. DOI: 10.1080/09668136.2013.855391

⁴²¹ Press Release: Official Summit of the Prime Ministers of Visegrad Group Countries // Visegrad Group. 15–16.06.2008. URL: <https://www.visegradgroup.eu/2008/press-release-official> (дата обращения: 13.09.2024).

активнее заняться данным вопросом, подчеркнув, что «это лучший ответ на действия России в регионе»⁴²². Ставка на представителей ЦЕ подспудно обосновывалась несколькими моментами: во-первых, они обладали непосредственным успешным опытом политической и экономической трансформации, в т.ч. в рамках программ помощи (PHARE)⁴²³, которые ЕС оказывал им в 1990-е гг. Во-вторых, опросы общественного мнения предельно четко показывали, что представители вишеградских стран имели более выраженную европейскую идентичность, чем, например, жители Великобритании и Ирландии⁴²⁴, и поэтому их диалог с восточноевропейскими странами мог получить содержательное наполнение. В-третьих, как никто из западноевропейцев, вишеградцы имели многолетний опыт взаимодействия как с представителями стран СНГ, так и самой России⁴²⁵. Однако его наполнение, состоящее из исторических обид, поколенческих травм и необоснованных упреков, изначально создавало выраженную конфликтность будущей деятельности стран – участниц «четверки» в рамках ВП.

Подтверждением общей линии, направленной на возникновение очагов недоверия, стало также то, что вишеградцы помимо проведения деятельности, связанной с чувствительными для Москвы вопросами расширения ЕС и НАТО, вдобавок выступили одними из первых, кто начал актуализировать повестку, касающуюся энергозависимости Евросоюза от поставок углеводородов из России и вопросов, связанных с исторической памятью.

Прежде всего, отметим, что вступление стран – участниц В4 в ЕС в 2004 г. способствовало усилению их и так существенной привязки к энергетическому рынку России ввиду требований

⁴²² Цит. по: *Вакарчук Д.О.* Кризис энергодиалога Россия – ЕС: роль стран Центральной и Восточной Европы (2004–2009). М.: РГГУ, 2024.

⁴²³ Помощь Польше и Венгрии в реструктуризации экономики (Poland Hungary Aid for Reconstruction of the Economy, PHARE).

⁴²⁴ Eurobarometer 33 (Spring 1990). URL: <https://datacatalogue.cessda.eu/detail?q=a32bf60ead71aeeb454a5a54a24c0b2752a865c6125dc274d78f432ec8a5ea35&lang=en> (дата обращения: 13.09.2024).

⁴²⁵ Дипломат, директор Международного вишеградского фонда Петр Вагнер говорил: «Наше преимущество в том, что мы пережили схожий исторический опыт и теперь можем его передать Украине или Беларуси более эффективно, чем некоторые западные страны, у которых нет нашего опыта». См.: Visegrad Countries Special. 31.08.2009. Р. 2. URL: <https://www.visegradgroup.eu/other-articles/visegrad-countries> (дата обращения: 19.02.2025).

Евросоюза на предвступительном этапе евроинтеграции отказаться от «грязных источников» энергоресурсов (уголь, АЭС). Газовые кризисы 2005–2006 гг. и 2008–2009 гг. и их последствия фактурно подтвердили, что европейские государства находятся в неравном положении. В то время как страны Западной Европы имели возможность диверсифицировать маршруты поставок без особых последствий, государства Центральной и Восточной Европы оказывались в катастрофическом положении полного прекращения промышленного производства в случае приостановки поставок из России. На фоне начавшегося еще с 2004 г. лоббирования идеи об обеспечении энергобезопасности ЕС центральноевропейцы стали вводить в оборот нарратив о «России как ненадежном поставщике», который отсутствовал в европейском дискурсе вплоть до этого момента. Как отмечал исследователь энергетической политики ЕС Д. О. Вакарчук, старания государств ЦЕ на этом поприще не остались безрезультатными. Так, например, «по итогам институциональной реформы ЕС, которая завершилась в декабре 2009 г., в тексте Лиссабонского договора было закреплено положение о солидарности между государствами – членами Союза при реализации задач энергетической политики»⁴²⁶. Также оказалась заметной их роль в принятии Третьего энергетического пакета в июле 2009 г., который был направлен на ограничение монопольных поставщиков газа и электричества на европейский рынок⁴²⁷.

Что касается третьей занятой центральноевропейцами ниши, то она была связана с политикой памяти. Так, в рамках подготовки к председательству в Совете ЕС, намеченному на первую половину 2009 г., чешские политики-диссиденты и историки летом 2008 г. организовала конференцию «Европейская совесть и коммунизм», по итогам которой была выпущена декларация, содержащая призыв к правовому осуждению коммунистических преступлений; отождествлению нацистского и коммунистического режимов; активизации публичной просветительской деятельности

⁴²⁶ Вакарчук Д. О. Указ. соч.

⁴²⁷ Directive 2009/73/EC // Official Journal of the European Union. 14.08.2009. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:211:0094:0136:en:PDF> (дата обращения: 16.08.2024).

на уровне Евросоюза по этому вопросу⁴²⁸. Принятый документ запустил т.н. Пражский процесс, который сделал многое для закрепления и углубления в сознании европейского общества равнозначности политических режимов в Советском Союзе и Третьем Рейхе. Он сопровождался активными дискуссиями на уровне национальных парламентов и Европарламента, принятием совместных заявлений и закончился учреждением «Платформы европейской памяти и совести»⁴²⁹ по инициативе стран – участниц В4 в рамках польского председательства в Совете ЕС в 2011 г. Одной из целей организации, объединившей 72 научных центра из 24 стран, называлась «содействие предотвращению нетерпимости, экстремизма, антидемократических движений и повторения любого тоталитарного правления в будущем»⁴³⁰. Говоря о назначении этой структуры, сформированной по инициативе политического истеблишмента В4, томский исследователь М. А. Гетман полагала: «Это инструмент национальных политик памяти посткоммунистических стран, где главная задача – декоммунизация»⁴³¹. В то же время она указывала на то, что «за просветительскими целями нередко стояли политические стратегии, и благодаря этому Платформа является не столько площадкой для академического сотрудничества, сколько актором политики памяти»⁴³².

Реакция российских властей на выделенные три центральноевропейские инициативы, которые, однако, на Смоленской площади и в Кремле недальновидно рассматривались как ЕСовские проекты, была сдержанно негативной. Позицию Москвы относительно ВП выразил постоянный представитель России при НАТО В. А. Чижов: «Мы против того, чтобы данные страны СНГ ставились перед искус-

⁴²⁸ Prague Declaration on European Conscience and Communism // Victims of Communism. 03.06.2008. URL: <https://web.archive.org/web/20120319205014/http://www.victimsofcommunism.org/media/article.php?article=3849> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴²⁹ About the Platform // Platform of European Memory and Conscience. URL: <https://www.memoryandconscience.eu/about-the-platform/about-the-platform/> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴³⁰ Ibid.

⁴³¹ Гетман М.А. Криминализация коммунизма в политике памяти Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 85. DOI: 10.17223/19988613/67/11

⁴³² Там же.

ственной дилеммой: либо вперед, в светлое будущее с Евросоюзом, либо назад – с Россией. А то, что такие признаки на начальном этапе ВП были, – факт»⁴³³. Далее, применение Третьего энергопакета президент РФ В. В. Путин оценивал как «конфискацию инвестиций России»⁴³⁴. Что касается активности вишеградцев в области «политики памяти», то российские власти не реагировали на нее моментально, однако долгосрочные последствия этих действий выливались в громкие демарши с их стороны. Так, например, категорическое несогласие российской делегации в парламенте ОБСЕ вызвало принятие в июле 2009 г. резолюции по объявлению 23 августа «днем памяти жертв сталинизма и нацизма»⁴³⁵.

Несмотря на кажущуюся разнонаправленность центрально-европейского подхода, каждый из выбранных треков дополнял и усиливал позицию вишеградцев на уровне ЕС. Примечательно также, что пик активности на каждом треке пришелся примерно на одно время – 2008 и 2009 гг. Развивая повестку о «преступлениях коммунизма» и «равной ответственности нацизма и коммунизма», представители В4 проводили параллели с текущими действиями российских властей, которые, по их мнению, не избавились от имперских амбиций и желания ограничить суверенитет соседних стран (особенно после вооруженного конфликта в Абхазии и Южной Осетии 2008 г.). Они удачно секьюритизировали энергетическую повестку, используя эпизоды российско-украинского газового противостояния, в ходе которого центральноевропейцы оказались среди наиболее пострадавших. Решая собственные задачи по преодолению зависимости от российских нефти и газа, в т.ч. и рамках программы ВП, центральноевропейские страны превращались

⁴³³ Владимир Чижов: «Южный поток» надо сделать приоритетным проектом ЕС // Независимая газета. 18.05.2009. URL: https://www.ng.ru/courier/2009-05-18/9_chizhov.html?mright=0 (дата обращения: 16.08.2024).

⁴³⁴ Применение «третьего энергопакета» Россия рассматривает как конфискацию ее инвестиций // ТАСС. 21.12.2012. URL: <https://tass.ru/arhiv/654294> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴³⁵ Resolution on Divided Europe Reunited: Promoting Human Rights and Civil Liberties in the OSCE Region in the 21st Century // Vilnius Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and Resolutions Adopted at the Eighteenth Annual Session. OSCEPA. 29.06. – 03.07.2009. URL: https://web.archive.org/web/20100111155028/http://www.oscepa.org/images/stories/documents/activities/1.Annual%20Session/2009_Vilnius/Final_Vilnius_Declaration_ENG.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

в моральные камертоны для восточноевропейцев. Для них становилось очевидным, что интеграция в ЕС могла произойти через отчуждение от России и при помощи центральноевропейцев. Однако последние, содействуя восточноевропейским странам, исходили из разных мотивов и на тот момент не всегда были последовательны в своих действиях. Что касается Украины, то несмотря на ее первоочередное значение для всех вишеградских стран, подходы к ней менялись и не были постоянны. Многое зависело от мирового контекста, внутривосточноевропейской обстановки в Украине и за ее пределами.

ПОЛЬША. Отсутствие у Польши концептуальных документов в сфере внешней политики вплоть до начала 2010-х гг., впрочем, не оставляло сомнений в приоритетности Украины на восточном направлении ее дипломатии. Полонист Н. И. Бухарин справедливо замечал, что после вступления в ЕС, стремясь избежать попадания Польши на периферию европейской политики, местные политические элиты были вынуждены активизировать деятельность в отношении региона, сформированного тремя странами – Украиной, Литвой и Беларусью. Исходя из константы, что Россия и Польша – две разные цивилизации, поляки «видели своей исторической миссией “строительство Европы” через навязывание Восточной Европе ориентации на европейскую цивилизацию вместо российской»⁴³⁶. В этой связи Варшава ради прихода к власти на Украине прозападных сил была готова «пожертвовать хорошими отношениями с Россией», которые были установлены в начале XXI в. в первую каденцию В. В. Путина. Также примечательно, что польские эксперты отмечали важность консолидации уже вступивших на путь евроинтеграции стран ЦЕ вокруг Польши, чтобы она «могла говорить усиленным голосом всего региона». Таким образом, можно констатировать, что после 15 лет адаптации к евро-атлантическим структурам страна

⁴³⁶ Resolution on Divided Europe Reunited: Promoting Human Rights and Civil Liberties in the OSCE Region in the 21st Century // Vilnius Declaration of the OSCE Parliamentary Assembly and Resolutions Adopted at the Eighteenth Annual Session. OSCEPA. 29.06. – 03.07.2009. URL: https://web.archive.org/web/20100111155028/http://www.oscepa.org/images/stories/documents/activities/1.Annual%20Session/2009_Vilnius/Final_Vilnius_Declaration_ENG.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

«перешла к наступательной политике в международных делах»⁴³⁷.

Наиболее ярким проявлением обозначенного подхода стала глубокая вовлеченность польских политиков в события т.н. оранжевой революции на Украине зимой 2004 г. После второго тура президентских выборов, итоги которых не признала оппозиция во главе с В. А. Ющенко, польская сторона во главе с президентом Александром Квасневским выступила в качестве посредника для организации нового голосования. Примечательно, что в событиях участвовали не только известные политические деятели страны (например, экс-президент Польши Лех Валенса (1990–1995 гг.)), но и гражданское общество: вся Польша распевала песенку «Вместе нас много», ставшую гимном «оранжевой революции», немало поляков было на Майдане, три тысячи наблюдателей работали на избирательных участках⁴³⁸. В результате 26 декабря 2004 г. в ходе третьего тура победу одержал «прозападный» кандидат Ющенко, что было воспринято со стороны поляков как доказательство проевропейского выбора Украины. Данное событие многими экспертами рассматривалось как убедительная победа Киева, после которой не может быть вопроса «должна ли Украина войти в Евросоюз. Оставался вопрос, когда это могло произойти»⁴³⁹. В случае же иного исхода событий журналисты «Газеты Выборчей» Марцин Войцеховский и Марцин Босацкий считали, что для Варшавы это означало бы «катастрофу, поскольку Запад окончательно поставил бы на Украине крест, а новая власть в Киеве была бы в полной зависимости от Москвы»⁴⁴⁰. Решая проблему внешнеполитической ориентации Украины, Варшава также своими действиями добилась стратегической задачи по демонстрации перед союзниками собственного потенциала по реализации восточной политики всего ЕС.

Впрочем, усилия Польши на украинском направлении натолкнулись на внутривнутриполитическую нестабильность самой Украины, которая после «оранжевой революции» вступила на путь череды кризисов, заставивших усомниться в ее европейском будущем.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ *Лыкошина Л.С.* «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши: монография. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 219.

⁴³⁹ *Беспалов А.С.* Польша и «оранжевая революция» на Украине // *Россия и мир в новом веке.* 2006. 2 (51). С. 75.

⁴⁴⁰ Там же.

Показательно, что польский эксперт Кшиштоф Федорович писал, что «польские власти были больше сторонниками интеграции Украины в ЕС, нежели ее власти»⁴⁴¹. В этой связи несмотря на то, что пришедшее в 2005 г. к власти правительство «Право и справедливости» (ПиС) делало особый упор на восточной политике, в какой-то момент пристальное внимание Варшавы переключилось на Беларусь, особенно ввиду выборов 2006 г. В дальнейшем, как пишет отечественный полонист Л. С. Лыкошина, после смены правительства и нахождения во главе него Д. Туска с 2007 г. происходит отказ от романтизма во внешней политике, в т.ч. на восточноевропейском направлении. По ее мнению, кабмин «отвернулся от концепции Гедройца, если понимать суть этой идеи как особое внимание к проблемам Украины и Беларуси. Восточная Европа перестала рассматриваться как земля обетованная польской внешней политики»⁴⁴².

В свою очередь польский политолог Мельхиор Щепаник говорил об эволюции романтического мышления польской элиты, которая, не отказываясь от Украины как стратегического направления, трансформировала механизм воздействия на Киев. Если раньше они исходили из идеи, что положение Польши на континенте будет зависеть от ее позиции на востоке Европы, то теперь начали полагать, что первоначально важно упрочить свое место на Западе (т.е. в Брюсселе), чтобы эффективно действовать на Востоке⁴⁴³. Очевидно, что данный подход требовал больше времени и его плоды не были заметны моментально. Британский эксперт Молли Краснодембская рассматривала новую повестку Туска как попытку преодолеть конфронтационную природу политики его предшественников. В этой связи она говорила о взятой на вооружение «тактике адаптации». Под ней она подразумевала «ответную реакцию на стигматизацию, с помощью которой политический актор стремится преодолеть наложенную на него стигму, доказывая успешную социализацию»⁴⁴⁴. Поскольку польская политика в ходе иракского кризиса и российско-грузинского конфликта оттолкнула европейских

⁴⁴¹ *Fedorowicz K.* Op. cit. S. 77.

⁴⁴² *Лыкошина Л.С.* Дональд Туск: политический портрет. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 67.

⁴⁴³ *Szczepanik M.* Op. cit. P. 56.

⁴⁴⁴ *Krasnodębska M.* Politics of Stigmatization Poland as a 'Latecomer' in the European Union. Palgrave Macmillan, 2021. P. 188.

партнеров от Варшавы и еще больше способствовала укреплению имиджа Польши как «трудного партнера», политолог полагала, что польские власти стремились сделать свою политику более «европейской», в т.ч. на российском и украинском направлениях⁴⁴⁵.

В новую логику польских властей встраивалась разработанная ими совместно со шведскими коллегами в 2008–2009 гг. программа ВП, которая должна была продемонстрировать глубокую вовлеченность Польши в восточноевропейские дела на общеевропейском уровне. Министр иностранных дел Радослав Сикорский, выступая перед Сеймом, говорил: «Для того, чтобы стать нашим институциональным партнером, Украине всё еще необходимо приложить много усилий по трансформации. Разработанная в значительной степени с учетом интересов Украины инициатива Евросоюза ВП предоставляет ей конкретные возможности»⁴⁴⁶. В то же время он отмечал, что реализация зависела во многом от украинской стороны: «В настоящее время Украина переживает период проверки того, насколько ее проевропейские стратегические цели не будут превращены в краткосрочные политические интересы»⁴⁴⁷. В дальнейшем, как констатирует Лукаш Адамский из Польского института международных отношений, Варшава скорректировала подход к Киеву, перестав публично заявлять о его неизбежном членстве в НАТО и ЕС, ограничившись на тот момент реалистичными целями как подписание Соглашения об ассоциации, создание зоны свободной торговли с ЕС и продвижение проектов ВП⁴⁴⁸.

В отношениях с Россией Польша между тем с 2008 г. взяла курс на построение прагматичного партнерства. Дональд Туск заявлял: «Мы хотим диалога с Россией, такой какой она есть <...> мы должны демонстрировать многогранный подход, в зависимости

⁴⁴⁵ Ibid.

⁴⁴⁶ Informacja ministra spraw zagranicznych na temat polskiej polityki wschodniej i współpracy w ramach Partnerstwa Wschodniego // Kancelaria Sejmu – Biuro Komisji Sejmowych. 23.09.2009. URL: [https://orka.sejm.gov.pl/Biuletyn.nsf/0/A285D71A0A332908C125764900465805/\\$file/0274706.pdf](https://orka.sejm.gov.pl/Biuletyn.nsf/0/A285D71A0A332908C125764900465805/$file/0274706.pdf) (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁴⁷ Informacja ministra spraw zagranicznych na temat polskiej polityki wschodniej i współpracy w ramach Partnerstwa Wschodniego // Kancelaria Sejmu – Biuro Komisji Sejmowych. 23.09.2009. URL: [https://orka.sejm.gov.pl/Biuletyn.nsf/0/A285D71A0A332908C125764900465805/\\$file/0274706.pdf](https://orka.sejm.gov.pl/Biuletyn.nsf/0/A285D71A0A332908C125764900465805/$file/0274706.pdf) (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁴⁸ Adamski Ł. Poland's Policy towards Ukraine // Yearbook of Polish Foreign Policy. 2010. No. 1. P. 153.

от наших интересов»⁴⁴⁹. Знаменательным событием, положившим начало новой польской политики в отношении России, стал визит 1 сентября 2009 г. В.В. Путина в Польшу, приуроченный к 70-й годовщине начала Второй мировой войны. Выступая в Гданьске, он сказал: «Мы искренне хотим, чтобы российско-польские отношения также были избавлены от наслоений прошлого, развивались в духе добрососедства, сотрудничества, т.е. были бы достойны двух великих европейских народов»⁴⁵⁰. Примечательно, что авиакатастрофа, в которой погиб президент Польши Лех Качиньский в апреле 2010 г. под Смоленском, не стала поводом для разрыва отношений и в какой-то момент рассматривалась как объединяющий фактор для двух государств⁴⁵¹. Подтверждением стал зафиксированный позитивный сдвиг в отношении России, который пришелся на председательство Польши в Совете ЕС во второй половине 2011 г. В это время Варшава поддержала вступление России в ВТО, продвинула вопрос о либерализации визового режима между РФ и ЕС. Вплоть до осени 2013 г. связи между государствами укреплялись.

Адаптационный подход, используемый М. Краснодембской, хорошо объясняет произошедшие изменения. Так, документ польского МИД от 2008 г., опубликованный в 2017 г., свидетельствовал, что «позитивный диалог с Россией должен был повысить авторитет Польши в глазах ее европейских партнеров»⁴⁵². Долгосрочная цель сводилась к разрушению стереотипов о Польше, как «незрелой», «конфликтной» и «параноидальной» стране. В свою очередь европейские партнеры горячо поддерживали последовавшие изменения после 2008 г. Они также приветствовали признание Польшей того факта, что ее роль в ЕС обусловлена отношениями страны с Германией, которые, в свою очередь, определяются двусторонними контактами между ФРГ и Россией. Р. Сикорский прямо говорил:

⁴⁴⁹ Бухарин Н.И. Указ. соч. С. 61, 63.

⁴⁵⁰ В.В. Путин выступил на состоявшейся в Гданьске церемонии, посвященной 70-ой годовщине начала Второй мировой войны // Правительство Российской Федерации. 01.09.2009. URL: <http://archive.premier.gov.ru/visits/world/6130/events/8206/> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁵¹ Стрыхаж Д. (Не)постоянство восприятия: взгляды польской элиты на отношения с Россией в 2011–2020 годах // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2022. № 1 (13). С. 35–49.

⁴⁵² Цит. по: *Krasnodębska M.* Op. cit. S. 202; *Tezy o polityce RP wobec Rosji i Ukrainy / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland.* 2008.

«У нас есть все основания бояться России, но, демонстрируя это на каждом шагу, мы не сможем играть роль эксперта ЕС на Востоке. Чтобы завоевать доверие, Польша должна вести себя рационально, понимая позицию других игроков. В противном случае к такому “эксперту” никто серьезно относиться не будет»⁴⁵³. Таким образом проходила «дестигматизация» и адаптация Польши в рамках ЕС.

Можно констатировать, что несмотря на помещение Украины в разряд «стратегических союзников» (наравне с США и Швецией) в принятых в 2011 г. Приоритетах польской внешней политики⁴⁵⁴ и заверения о «братстве» двух народов, польские политики в начале 2010-х гг. испытывали глубокое разочарование в Украине и, прежде всего, в ее политических элитах. Более того, в вышеприведенном документе МИД прямо говорилось о необходимости избавиться от «очарования» Украиной и заменить «патриотическую вовлеченность в украинские дела» прагматичным расчетом⁴⁵⁵. Не отказываясь от цели привести Киев в Западный мир, Варшава хотела сделать это не конфронтационным способом, учитывая интересы как Брюсселя, так и Москвы.

В то же время Россия, которую по традиции продолжали воспринимать как угрозу и опасность для цивилизованного мира, приобретала черты удобного делового партнера, способного выстраивать взаимовыгодные отношения. Между тем такой диссонанс не мог долго продолжаться, поскольку два государства разделяли цивилизационные проблемы Восточной Европы, на чьей территории находили подтверждение исторические мифы и культурные стереотипы, которые каждая из сторон продуцировала в отношении друг друга на протяжении многих столетий. Очевидно, что Варшава и Москва, отличаясь в риторике, продолжали в качестве константы воспринимать разделяющее их пространство как зону своего влияния. Как справедливо еще в 2011 г. отмечал Н. И. Бухарин, инструментом борьбы Польши и Запада за этот регион должна была стать программа ВП, а России – Евразийский экономический союз⁴⁵⁶. События 2013–2014 гг. это утверждение подтвердили.

⁴⁵³ Sikorski R. Polska może być lepsza: Kulisy polskiej dyplomacji. Krakow: Znak Horyzont, 2018. S. 93.

⁴⁵⁴ Priorytety polskiej polityki zagranicznej 2012–2016...

⁴⁵⁵ Цит. по: Krasnodebska M. Op. cit. S. 202.

⁴⁵⁶ Бухарин Н.И. Указ. соч. С. 73.

ЧЕХИЯ. В условиях отсутствия до 2011 г. полноценной концепции внешней политики Чехии представление о внешнеполитических приоритетах дают программные заявления правительств⁴⁵⁷. На их страницах с момента вступления страны в ЕС четко прослеживалось две основные задачи чешской дипломатии – продвижение демократии и прав человека и поддержка расширения ЕС. Эти направления зачастую пересекались, и политики говорили о поддержке демократии в ближайшем соседстве. Однако эксперты, занимающиеся восточноевропейским вектором политики Праги, предельно ясно подчеркивали, что до 2007–2008 гг. Чехия «не интересовалась судьбой стран к востоку от себя, не пыталась выстроить доверительные взаимоотношения и не проявляла солидарность с ними»⁴⁵⁸. Сотрудник Института международных отношений (Прага) Эльса Тулметс замечала, что в опубликованном в 2007 г. проекте программы председательства Чехии в Совете ЕС вопросы, связанные с Восточной Европой, находились в тени проблематики трансатлантических связей и западнобалканского расширения ЕС⁴⁵⁹. Появившийся на горизонте проект программы ВП в 2008 г., несомненно, был впоследствии успешно интегрирован в чешский план председательства. Таким образом открылась новая ниша для чешской дипломатии. Впрочем, интерес к программе был неустойчивым и после саммита ВП, который прошел в Праге в мае 2009 г. На том этапе чешское общество и СМИ на время углубились в проблемы составления очередного национального правительства, отбросив в сторону вопросы выработки новых подходов с восточными соседями. Отчасти это было связано с тем, что политики, находившиеся у власти, по-прежнему отдавали приоритет выстраиванию отношений с «великими державами» (США, Россия, Китай), не видя потенциала во взаимодействии с малыми и средними государствами.

В отношениях с Украиной чешские власти в первые годы пребывания в составе ЕС занимали сдержанную позицию, предпочитая поддерживать конструктивные контакты с Москвой. В то же время на восточноевропейском направлении, руководствуясь своими

⁴⁵⁷ Programové prohlášení vlády. URL: vlada.cz/ (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁵⁸ Weiss T. Op. cit. P. 30.

⁴⁵⁹ Tulmets E. Státy východní dimenze Evropské politiky sousedství v české zahraniční politice // Česká zahraniční politika v roce 2009: analýza ÚMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2010. S. 204.

приоритетами по продвижению демократии, чехи концентрировали внимание преимущественно на Беларуси, где их позиция была четко обозначена и была нацелена на поддержку местной оппозиции, противостоящей президенту А. Г. Лукашенко. Об этом наглядно говорит объем выделяемых средств чешским МИД по «Программе трансформационного сотрудничества», в рамках которой с 2005 по 2010 гг. Беларусь занимала ведущее место⁴⁶⁰. В этой связи примечательно, что чешские политологи оценивали вовлеченность чешских политиков в «оранжевую революцию» в 2004 г. на Украине как слабую и недостаточную, в сравнении с действиями их коллег по вишеградской «четверке»⁴⁶¹. Официальные лица тоже не выражали особого энтузиазма по поводу протестов на Майдане. Например, министр иностранных дел Цирил Свобода выразил недовольство последовавшими за вторым туром президентских выборов событиями и предположил, что их ход скажется на отношениях между Брюсселем и Киевом⁴⁶². Впрочем, политики и общественные деятели, не ответственные в это время за выстраивание внешних связей, горячо поддерживали Киев. Диссидент Александр Вондра (впоследствии министр иностранных дел) полагал: «Если украинцы победят, мир и ЕС должны быть гораздо более открытыми и отзывчивыми к их чаяниям. Опасения, что, поддерживая украинских демократов, мы раздражаем российского медведя, основаны на ошибочных предположениях. Те, кто хочет либеральной и демократической России, смотрят на Киев с пониманием, те, кто хочет самодержавной и имперской России – обеспокоены»⁴⁶³. Далее он резюмировал: «Чешские интересы на стороне демократической и либеральной Украины, поэтому мы не должны колебаться, оказывая поддержку тем, кто стремится к такой Украине»⁴⁶⁴. В то же время реакция чешских властей на выборы 2006 г. в Беларуси, которые официально

⁴⁶⁰ *Tulmets E.* Státy východní dimenze Evropské politiky sousedství v české zahraniční politice // *Česká zahraniční politika v roce 2009: analýza ÚMV.* Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2010. S. 204.

⁴⁶¹ *Weiss T.* Op. cit. P. 34-35.

⁴⁶² Prohlášení ministra zahraničních věcí ČR Cyrila Svobody k volbám na Ukrajině // Bulletin “Zahraníční politika České republiky”. 25.11.2004. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/o_ministerstvu/struktura/utvary/oazi_vice/mesicnik_zahranicni_politika_ceske.html (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁶³ *Vondra A.* Co dál? Opakovat volby // *Lidové noviny.* 02.12.2004.

⁴⁶⁴ *Ibid.*

в Чехии подавались как борьба белорусов за европейское будущее, была более выработанной и целостной. Премьер Йиржи Пароубек и Цирил Свобода прямолинейно выразили солидарность с белорусскими демократическими силами, проведя несколько совместных пресс-конференций в их поддержку⁴⁶⁵.

Несомненно, деятельное участие Праги в проведении первого саммита ВП закрепило восточное направление в качестве одного из приоритетов чешской дипломатии, что уже было отражено в Концепции внешней политики (2011 г.) На страницах документа говорилось о ВП как о «полезной идее, которая помогает странам-партнерам не только принять экономические и другие стандарты ЕС в интересах всей Европы, но и сотрудничать с ЕС на основе общих ценностей»⁴⁶⁶. Общие ценности являлись критерием для поддержки Прагой того или иного государства на двустороннем уровне и в рамках ЕС. Что касается отношений в это время с Украиной, которая бесспорно рассматривалась ключевым государством проекта, то с 2010 г. после прихода во власть президента В. Ф. Януковича контакты с Киевом приобрели высокую степень конфликтности. Прежде всего, она вытекала из начавшегося уголовного преследования экс-премьера Ю. В. Тимошенко и последовавшего обвинительного решения суда. Также имели место обвинения в шпионаже и высылка дипломатов, проблемы работы представительных органов Чехии на территории Украины и деятельность т.н. визовой мафии⁴⁶⁷. Между тем диалог на высоком уровне продолжался и содержал громкие заверения в поддержке проевропейских устремлений Украины. В ходе встречи премьера Петра Нечаса и его украинского коллеги Н. Я. Азарова в декабре 2011 г. было даже отмечено, что двусторонние отно-

⁴⁶⁵ Tisková konference předsedy vlády ČR Jiřího Paroubka po zasedání Evropské rady v Bruselu // Bulletin “Zahraniční politika České republiky”. 24.03.2006. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/o_ministerstvu/struktura/utvary/oazi_vice/mesicnik_zahranicni_politika_ceske.html (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁶⁶ Koncepce zahraniční politiky České republiky // MZV ČR. 20.07.2011. URL: https://mzv.gov.cz/file/1413389/Koncepce_2011.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁶⁷ Cibulková P. Státy východní dimenze Evropské politiky sousedství v české zahraniční politice // Česká zahraniční politika v roce 2011: analýza ÚMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2010. S. 191–193.

шения получили «новый импульс и новую динамику»⁴⁶⁸. Более реалистичную картину состояния европейских перспектив Киева демонстрировал чешский МИД: «Чехия хочет, чтобы ее европейский сосед – Украина – была свободной, независимой страной без политзаключенных и с открытой плюралистической политической системой, в которой ее будущее будет решаться на выборах в соответствии с волей народа. Лишь только тогда Чехия будет готова принять заявку Украины на вступление в ЕС»⁴⁶⁹. Таким образом, можно сделать вывод, что в начале 2010-х гг. Киев к таким значимым переменам еще не был готов.

В поддержании заметного интереса к Украине в 2010–2013 гг. до начала госпереворота в Киеве на европейском и чешском уровнях сыграл большую роль еврокомиссар от Чехии Штефан Фюле, который в Еврокомиссии был ответственен за расширение и политику соседства объединения. В своих многочисленных выступлениях в это время он проводил линию о недопустимости постановки отношений с Украиной «на паузу», необходимости продолжения диалога и вступления страны в ЕС «рано или поздно». По его мнению, ЕС хотел добиться от Киева видимых результатов в трех областях: выборы, судопроизводство и ускорение реформ⁴⁷⁰. Привнося в европейский дискурс чешскую специфику, политик постоянно акцентировал внимание на исключительной важности уважения «европейских ценностей» и их имплементации в украинскую политику⁴⁷¹. В ходе посещения Киева в феврале 2013 г. Фюле прямо говорил: «Мое послание, которое я привез из Брюсселя, очень ясное: Украине пора занять свое место среди тех стран, которые вместе формируют и активно противостоят глобальным вызовам. Пришло время

⁴⁶⁸ Tisková konference premiéra P. Nečase s premiérem Ukrajiny // MZV ČR. 19.12.2011. URL: https://mzv.gov.cz/public/bc/1/a8/777951_690957_final_dokumenty4_11.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁶⁹ Prohlášení MZV k odsouzení bývalé ukrajinské premiérky // MZV ČR. 11.10.2011. URL: https://mzv.gov.cz/public/bc/1/a8/777951_690957_final_dokumenty4_11.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁷⁰ Eurokomisař Š. Füle na výboru pro parlamentní spolupráci EU – Ukrajina // MZV ČR. 14.06.2012. URL: https://mzv.gov.cz/public/ef/e6/e6/855595_770627_data4_6_2012.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁷¹ Eurokomisař Š. Füle se zúčastnil 9. výročního zasedání na Jaltě // MZV ČR. 14.09.2012. URL: https://mzv.gov.cz/public/6f/e2/61/910564_824818_ZP_data7_9_final.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

присоединиться к братству доверия и уверенности. У нас есть окно возможностей для движения вперед. Но времени мало»⁴⁷².

Что касается чешско-российских отношений в рассматриваемый период времени, то можно констатировать, что помимо конфликтной темы, касающейся размещения на территории страны систем ПРО в 2008 г., они развивались поступательно в прагматичном русле, когда в приоритете было поддержание торгово-экономических связей. О высоком уровне контактов свидетельствовало значительное количество официальных встреч и государственных визитов представителей чешского и российского руководства. Например, в 2009 г. состоялось три встречи на высшем уровне, в 2010 г. – две, в 2011 г. – две, в 2013 г. тоже две встречи⁴⁷³. Чешский политолог Петра Кухинькова отмечала, что в 2011 г. на фоне восстановления чешской экономики после мирового кризиса и укрепления чешско-российских экономических связей в экспертной среде обсуждалась проблема излишней связности двух стран, что могло привести Чехию к изоляции от возможного попадания в «интеграционное ядро ЕС»⁴⁷⁴. Премьер П. Нечас в мае 2013 г. накануне визита в Россию характеризовал состояние чешско-российских отношений следующим образом: «[Они. – *Примеч. авт.*] всегда были хорошими, хотя в прошлом существовали разногласия. Наше сотрудничество основано на ряде областей, где имеются общие интересы. Мы всегда говорили открыто, в т.ч. по проблемным вопросам. Я считаю, что прозрачный подход является залогом хороших отношений, и российские партнеры это ценят»⁴⁷⁵.

Однако, несмотря на положительную динамику двусторонних взаимоотношений, в Чехии продолжало оставаться значительное число общественных деятелей и политиков, которые широко критиковали Кремль и имели существенное влияние на политические процессы. Будучи идейными последователями Вацлава Гавела, которого не стало в 2011 г., они продвигали его ключевые по-

⁴⁷² Tisková konference eurokomisaře Š. Füleho po setkání s ukrajinskou vládou // MZV ČR. URL: https://mzv.gov.cz/public/36/7d/cf/983325_912601_dokumenty1_3_2013_final.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁷³ Пределы самостоятельности... С. 138.

⁴⁷⁴ Kuchyněková P. Rusko v české zahraniční politice // Česká zahraniční politika v roce 2009: Analýza ÚMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2010. S. 171.

⁴⁷⁵ Rozhovor premiéra P. Nečase pro ruskou agenturu INTERFAX před plánovanou cestou do Ruské federace. 27.05.2013.

стулаты о «евро-азиатской России», которая представляет угрозу цивилизованному миру. Довольно большая концентрация в Чехии высокоинтеллектуальной интеллигенции вкупе с традицией поддержки демократических и оппозиционных движений послужила основой для формирования в стране особого неформального, неинституционализированного антироссийского блока, вбиравшего представителей разных политических партий и движений. Влияя прямо и косвенно на политические процессы через конструируемые нарративы и дискурсы в СМИ, они создавали критическую массу для надрыва чешско-российский отношений в будущем. Сложное прошлое Чехии и России в XX в. могло создать дополнительные поводы для новых потенциальных конфликтов в случае изменения политической конъюнктуры в стране.

ВЕНГРИЯ. Для венгерской внешней политики после присоединения к ЕС и НАТО было свойственно подчеркивание важности в равной степени как отношений с Россией, так и с Украиной. На страницах Национальной стратегии безопасности (2004 г.) отмечалась необходимость предоставления «маневра для России в области внешней политики и экономики» и обеспечение «независимого развития Украины». Примечательно, что безопасность Венгрии ставилась в зависимость именно от стабилизации политических и экономических процессов в России и на Украине⁴⁷⁶. Создатели документа констатировали: «Россия продолжает оставаться важным фактором международной политики из-за ее географического местоположения, естественных и людских ресурсов, военного потенциала и ядерной инфраструктуры»⁴⁷⁷. Впрочем, как отмечал политолог Пал Дунай, после достижения цели по интеграции в ЕС внешняя политика Венгрии на некоторое время стала пассивной, прежде всего на восточном фланге⁴⁷⁸. Далее, определенный импульс был придан принятием Стратегии внешних связей в 2008 г., которая предписывала усилить присутствие страны «в восточных государствах-партнерах

⁴⁷⁶ The National Security Strategy of the Republic of Hungary // The Government of the Republic of Hungary. 31.03.2004. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/157029/Hungary_English-2004.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁷⁷ Ibid.

⁴⁷⁸ *Dunay P.* A külpolitika esélyei a hármás prioritás megvalósulása után // A magyarok bemenetele. Tagállamként a bővülő Európai Unióban. Ed. by I. Hegedűs. Budapest: Demokrácia Kutatások Magyar Központja Alapítvány, 2006. P. 381–412.

Европейской политики соседства». Хотя среди постсоветских стран венгры обозначили два ключевых направления – Молдавия и Украина, евроинтеграция последней (наравне с Хорватией и Сербией) рассматривалась как одна из главных целей⁴⁷⁹. Заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН Л. Н. Шишелина указывала на то, что «Будапешт оставался погруженным в собственную “политику соседства”, которая имела иные векторы, нежели, например, политика Польши»⁴⁸⁰.

Говоря об активности Будапешта на украинском направлении, стоит отметить, что его представители предпочитали работать с Киевом не в двустороннем порядке, а полагаясь на различные форматы многостороннего сотрудничества (В4, ВП и др.), которые предлагали более вовлеченные в украинскую проблематику партнеры по региональным инициативам. Акцент на таком подходе обосновывался, во-первых, желанием венгерской стороны продемонстрировать свою глубокую вовлеченность в актуальную проблему при сокращении собственного участия в ее решении, во-вторых, это предоставляло возможность высвободить имевшиеся силы и направить на более перспективные, с точки зрения венгерского МИД, направления (Западные Балканы), в-третьих, совместные действия в структурах, наподобие В4, придавали им добавленную стоимость и способствовали их устойчивости, в-четвертых, участие в многосторонних форматах способствовало продолжению диалога с Киевом при наличии недопонимания по вопросам, связанным с положением венгерского меньшинства на Украине.

Новый виток в венгеро-украинских отношениях, пришедший на второй срок Виктора Орбана (2010–2014 гг.), связан, с одной стороны, с продолжившимися декларативными заявлениями о поддержке евроинтеграционных устремлений Украины, а с другой – с постепенной деградацией двусторонних контактов и выведением на новый уровень связей с Кремлем. Напряжение между Киевом и Будапештом было вызвано политикой Орбана по защите венгерского меньшинства, проживающего в Закарпатье, и соответственно нежеланием украинского руководства идти на уступ-

⁴⁷⁹ Hungary's External Relations Strategy // Hungarian Ministry of Foreign Affairs. 2008. URL: https://fmp.msu.ru/smi/item/download/511_d2603868d38de913dba2e32c35344a95 (дата обращения: 13.09.2024).

⁴⁸⁰ Отношения России и стран Вишеградской группы... С. 37.

ки в языковом вопросе. Очевидность конфликта между странами стала осязаема в декабре 2011 г., когда участники 15-го заседания венгеро-украинской межправительственной комиссии по правам национальных меньшинств отказались подписывать совместный меморандум, впервые с момента возникновения данного формата сотрудничества в 1991 г.⁴⁸¹ Произошли изменения и на уровне политической риторики. Так, в программе венгерского председательства в Совете ЕС в первой половине 2011 г. отсутствовали пункты, касающиеся европейских амбиций Киева, как и других восточноевропейских государств – участников ВП, всё внимание Будапешта было приковано к расширению ЕС за счет стран Западных Балкан⁴⁸². Л. Н. Шишелина подчеркивала: «ВП для Венгрии – это скорее проявление солидарности, поскольку ее интересы и реальные возможности в этой программе несопоставимы с балканскими»⁴⁸³. Впоследствии в документе, призванном оформить венгерскую внешнюю политику после председательства, взаимодействие с Украиной трактовалось только необходимостью «улучшить местные условия для инвестиций и обеспечить безопасность энергопоставок»⁴⁸⁴. Впрочем, на уровне отдельных политиков звучали заверения о поддержке Украины и ее планов по евроинтеграции.

Что касается венгеро-российский отношений, то с 2010 г. они пережили «перезагрузку». Россия стала рассматриваться как «партнер исключительной важности», сотрудничество с которым следовало строить не только в экономике, но и в научной, культурной и образовательной сферах. Новый этап отношений с Москвой встраивался в новую внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию Будапешта «Открытия на Восток», целью которой была

⁴⁸¹ Fedinec C. Minority Politics and International Relations: The Case of the Ukrainian-Hungarian Joint Commission on National Minorities // Hungarian Journal of Minority Studies. 2022. No. 5. P. 43.

⁴⁸² The Programme of the Hungarian Presidency of the Council of the European Union 1 January – 30 June 2011. URL: https://web.archive.org/web/20111105120938/http://www.eu2011.hu/files/bveu/documents/HU_PRES_STRONG_EUROPE_EN_3.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁸³ Отношения России и стран Вишеградской группы... С. 38.

⁴⁸⁴ Hungary's Foreign Policy after the Hungarian Presidency of the Council of the European Union // Ministry of Foreign Affairs of Hungary. 2011. URL: https://brexit.kormany.hu/admin/download/f/1b/30000/foreign_policy_20111219.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

диверсификация венгерской торговли на иностранных рынках за пределами Европы⁴⁸⁵. Бросается в глаза факт отсутствия Украины в списке фокусных стран данной программы, что свидетельствует о желании венгерских властей развести две ключевые страны на восточноевропейском направлении, которые традиционно соревновались за большее внимание со стороны европейских партнеров. Очевидно, такой формат, с одной стороны, предоставлял возможность оставаться в европейском мейнстриме, поддерживая европейские устремления Украины, с другой – выстраивать взаимовыгодные отношения с Москвой на основе сугубо торгово-экономических связей. Можно согласиться с мнением отдельных политологов, что внешняя политика Орбана стала продолжением внутривластного курса, сочетавшего прагматизм и умеренный национализм⁴⁸⁶.

СЛОВАКИЯ. Еще до вступления Словакии в ЕС и НАТО в ходе национальных дебатов о будущих внешнеполитических приоритетах страны, в которые были вовлечены представители как политических, так и академических кругов, украинское и западно-балканское направления были закреплены как наиболее актуальные для Братиславы. Впервые об этом на официальном уровне объявил премьер Микулаш Дзуринда в ходе Конференции по оценке внешней политики в марте 2004 г. Как считает словацкий политолог Александр Дулеба, с этого момента данный приоритет стал частью всех стратегических документов по внешней политике и в области безопасности, а также программных заявлений правительств, в т.ч. кабинетов Роберта Фицо⁴⁸⁷. Анализируя причины выбора этого вектора, отметим, что, с одной стороны, словацкие политики исходили из важности наличия вокруг Словакии демократических и безопасных соседей с хорошим управлением как альтернатива бедному, нестабильному и охваченному конфликтами окружению. С другой – словаки стремились продемонстрировать актуальность своего опыта по трансформации для закрепления на европейской

⁴⁸⁵ Csicsmann L. The Hungarian Foreign Policy and the Crisis of the Liberal International Order. Balancing between Global Powers and National Interest // Висшеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2020. № 3. С. 25–32.

⁴⁸⁶ Song W., Li X. “Eastern Opening” Policy as Political Marketing: Populism and Hungary’s Relations with China under the Orbán Government // Problems of Post-Communism. 2024. Vol. 71. No. 6. P. 1–9. DOI: 10.1080/10758216.2024.2329878

⁴⁸⁷ Duleba A. Bilaterálne vzťahy SR s Ukrajinou a prognóza ich vývoja... S. 10.

и международной аренах. Желая примкнуть к «клубу избранных», словаки хотели обеспечить себя саморекламой, обрести уверенность и завоевать уважение партнеров по Евро-Атлантике⁴⁸⁸, которые ранее сомневались относительно целесообразности членства Братиславы в ЕС и НАТО.

Украина оказалась в эпицентре официального словацкого дискурса. Например, кабмин Дзуринды разработал и одобрил в октябре 2005 г. объемный план по оказанию помощи в реформировании ее государственных, политических и экономических институтов («Предложение о помощи Словакии Украине в достижении целей Плана действий Украина – ЕС»⁴⁸⁹), который стал реакцией Братиславы на события «оранжевой революции». Несмотря на приход во власть в 2006 г. Р. Фицо и его последующие конфликты с украинскими правительствами, поддержка евро-атлантических амбиций Киева не была свернута. Как отмечает Дулеба, на вооружения была взята «политика наложения» (*double-track policy*), которая подразумевала стремление к построению в равной степени доверительных отношений как с Украиной, так и с Россией. Данный подход базировался на желании продемонстрировать преемственность словацкой внешней политики и на тяге к развитию международного экономического сотрудничества со всеми странами мира (политика 360°).

В этой связи напряженные отношения Р. Фицо с украинскими властями, которые он назвал виновными в газовом кризисе 2009 г., сочетались с активной политикой по поддержке Украины. Например, в 2007–2008 гг. посольство Словакии в Киеве выполняло функцию информационного центра НАТО на Украине. В 2009 г. страна выступила активным сторонником программы ВП, призывая предоставить Украине европейскую перспективу. В отчете МИД говорилось: «Словакия была среди вдохновительниц инициативы

⁴⁸⁸ *Najšlova L.* Slovakia in the East: Pragmatic Follower, Occasional Leader // *Identity and Solidarity in Foreign Policy: Investigating East Central European Relations with the Eastern Neighbourhood*. Ed. by E. Tulmets. Perspectives: Review of International Affairs, 2011. P. 192.

⁴⁸⁹ *Návrh pomoci SR Ukrajine pri plnení cieľov Akčného plánu EÚ – Ukrajina* // *Úrad vlády SR*. 22.02.2012. URL: https://hsr.rokovania.sk/9098/16-/?cms_location=9098/16-&pg=2 (дата обращения: 16.08.2024).

еще в тот момент, когда она только формировалась внутри В4»⁴⁹⁰. В 2010 г. Словакия предложила амбициозный список проектов по поддержке реформ и сближению стран ВП с ЕС, в котором были задействованы 15 центральных органов власти⁴⁹¹. В 2012 г. была создана Платформа, объединяющая правительственный и неправительственный сектор, для координации органов госуправления и НПО Словакии в многосторонних платформах, созданных в рамках ВП, а также поддержки их сотрудничества с партнерами из стран ВП и т.д.

Примечательно, что с июля 2010 по апрель 2012 гг., когда у власти находилось правительство Иветы Радичовой, градус поддержки Украины еще повысился и усилилось внимание к региону Восточной Европы в целом. Инициатива во многом исходила из словацкого МИД, руководителем которого стал экс-премьер М. Дзуринда. В своей деятельности на этом направлении он исходил из того, что: «Наши страны [В4. – *Примеч. авт.*] создали прецедент, которому стоит следовать. Мы подаем пример успешного расширения, ощутимого успеха европейских идей и ценностей»⁴⁹². Отметим, что восточноевропейской проблематике была посвящена деятельность страны в рамках председательства в В4 (2010–2011 гг.), когда, по словам словацкого дипломата Михала Ежовича, «Братислава стала столицей ВП в Евросоюзе»⁴⁹³. Помимо нескольких встреч высокого уровня, состоявшихся в главном городе страны, Словакия стала инициатором санкций ЕС против Беларуси⁴⁹⁴. Что касается отношений с Россией, то в эти два года они характеризовались холодным прагматизмом.

⁴⁹⁰ Cross-Border Cooperation between Slovakia and Ukraine. Vol. II: Impact of Intergovernmental Relations. Ed. by A. Duleba. Prešov: Institute of Political Science, Faculty of Arts, University of Prešov, 2019. P. 32.

⁴⁹¹ Návrhy projektov Slovenskej republiky pre Východné partnerstvo. 2010. Bratislava: Úrad vlády Slovenskej republiky.

⁴⁹² Цит. по: *Najšlova L.* Op. cit.

⁴⁹³ Vzťahy EÚ s tretími krajinami: Východné partnerstvo. Priority a príležitosti pre zahraničnú politiku SR // SFPA. 06.05.2011. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.vlada.gov.sk%2Fdata%2Ffiles%2F1303_01_spravankeu_banbystrica.docx%3Fcsrt%3D6532229802145807422&wdOrigin=BR0WSELINK (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁹⁴ Summit of the Visegrad Group Prime Ministers, Bratislava // Visegrad Group. 16.06.2011. URL: <https://www.visegradgroup.eu/summit-of-the-visegrad> (дата обращения: 16.08.2024).

Западные наблюдатели сходились в мнении, что Словакия «прыгнула выше своей головы»⁴⁹⁵, став «отличником Евросоюза» не только в вопросах углубления евроинтеграции (в 2009 г. страна, в отличие от своих партнеров по В4 ввела в оборот евро)⁴⁹⁶, но и в сфере, касающейся расширения объединения. В то же время в экспертной среде поднимался вопрос насколько декларативная сторона словацких официальных заявлений в отношении Украины, ничем юридически не обязывающих, соответствовала реальным действиям. Обращают на себя внимание словацкие стратегии в области официальной помощи в целях развития (ОПР), где внимание к восточноевропейскому направлению и к Украине, было объективно слабое. Например, в первом подобном документе, действовавшем в период с 2003 по 2008 гг., ни одна из стран ВП не была в приоритете⁴⁹⁷. Второй документ, разработанный на срок 2009–2013 гг., включал такие страны в порядке приоритетности, как «Беларусь, Грузия, Молдавия и Украина», которые были помещены во вторую по значимости корзину т.н. проектных государств⁴⁹⁸. В то же время среди европейских стран-реципиентов на первые позиции была выдвинута Сербия. В 2011 г., после мирового экономического кризиса, стратегия была скорректирована и из стран ВП осталась только Молдавия. На основе данных материалов можно сделать вывод, что до 2014 г. финансовая помощь в целях развития Белграду была более выраженной, в то время как активность на украинском направлении постепенно ослабевала. С одной стороны, это объяснялось возвращением в политику Р. Фицо, с другой – внутриполитическими переменами на Украине.

⁴⁹⁵ Back in the Fold // The Economist. 29.03.2011. URL: <https://www.economist.com/eastern-approaches/2011/03/29/back-in-the-fold> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁹⁶ Сеуридова М.В. Словакия – отличник Евросоюза? // Мир перемен. 2017. № 3. С. 174–186.

⁴⁹⁷ Strednodobá koncepcia oficiálnej rozvojovej pomoci na roky 2003–2008 / Ministerstvo zahraničných vecí Slovenskej republiky Bratislava. 2003. URL: <https://slovakaid.sk/wp-content/uploads/2022/02/Strednodoba-koncepcia-ODA-2003-2008.pdf> (дата обращения: 16.08.2024).

⁴⁹⁸ Strednodobá stratégia oficiálnej rozvojovej pomoci Slovenskej republiky na roky 2009–2013 / Slovenská agentúra pre medzinárodnú rozvojovú spoluprácu. URL: https://slovakaid.sk/wp-content/uploads/2022/02/strednodoba_strategia_oda_sr_2009_20013.pdf (дата обращения: 16.08.2024).

Для подтверждения озвученных тенденций следует обратиться к абсолютным показателям выделяемых средств в рамках ОПР, которые отчетливо демонстрируют обозначенную тенденцию (см. рис. 1). Примечательно, что запуск программы ВП привел лишь к кратковременному всплеску интереса к Украине. Неудивительно, что вплоть до 2015 г. балканское направление находилось в центре внимания на европейском треке этой политики.

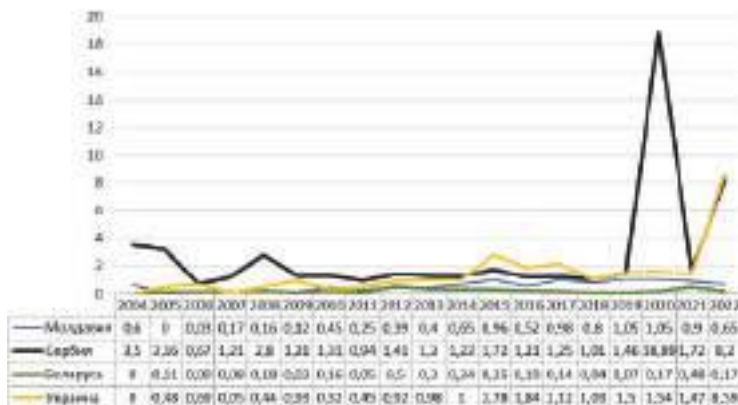

Рис. 1. Словацкая официальная помощь в целях развития (2004–2022 гг.)

Источник: OECD

Стоит отметить, что остальные вишеградские государства также демонстрировали схожую модель поведения, не обозначая Украину в качестве центрального приоритета⁴⁹⁹. Например, в чешской политике выделения ОПР с 2009 и до 2014 гг. предпочтение отдавалось Молдавии (см. рис. 2)⁵⁰⁰; Венгрия традиционно уделяла много внимания Сербии (примечательно, что даже события 2014 г. не стали триггером для смены курса) (см. рис. 3); до 2014 г. Польша отдавала пальму первенства белорусскому направлению (см. рис. 4). Отчасти цифры

⁴⁹⁹ Jančovič P. Territorial Allocation of the Visegrad Group Countries' Bilateral Development Aid // Ekonomické, politické a právne otázky medzinárodných vzťahov 2023. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 2. a 3. júna 2023. Fakulta medzinárodných vzťahov, Ekonomická univerzita v Bratislave, 2023. S. 90–101.

⁵⁰⁰ См.: Трофимов П.А. Динамика и специфика чешско-молдавских отношений в 1993–2021 гг. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 4. С. 52–63. DOI: 10.15211/vestnikieran420235263

Место Украины в трансформации отношений стран Центральной Европы с Россией

подтверждали подозрительное отношение к украинским властям со стороны центральноевропейских государств и отсутствие в местных политических кругах консенсуса относительно будущего Украины.

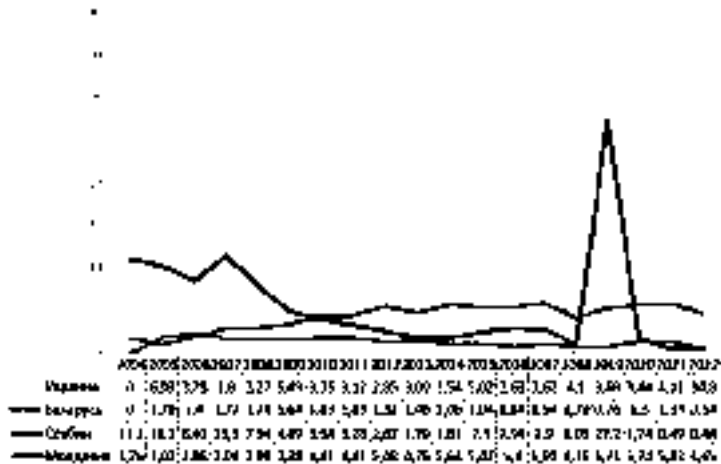

Рис. 2. Чешская официальная помощь в целях развития (2004–2022 гг.),
млн долл.
Источник: OECD

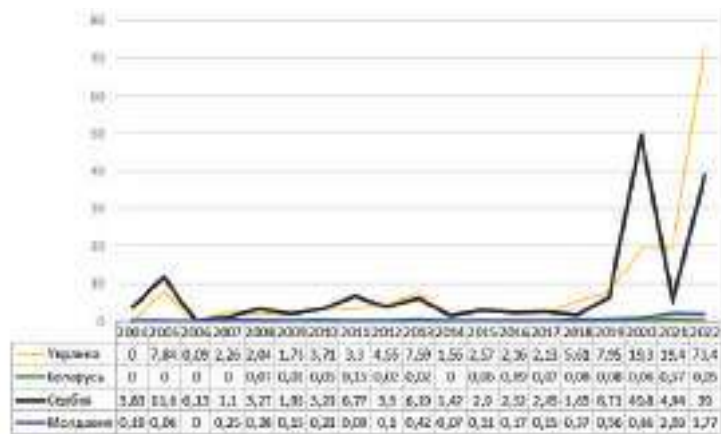

Рис. 3. Венгерская официальная помощь в целях развития
(2004–2022 гг.)
Источник: OECD

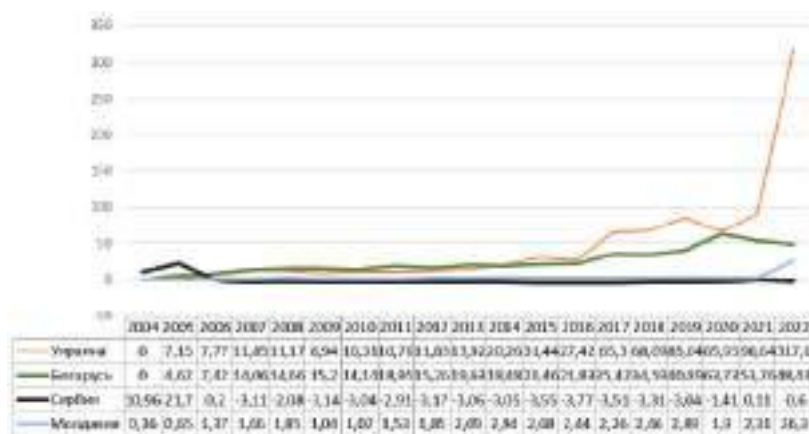

Рис. 4. Польская официальная помощь в целях развития (2014–2022 гг.)
Источник: OECD

В то время как страны на двустороннем уровне рассматривали Украину в качестве почти рядового реципиента ОПР, то в рамках вишеградского сотрудничества на полях Международного Вишеградского фонда, Украина бесспорно была исключительным приоритетом. Например, в период с 2005 по 2014 гг. 62% всех грантов фонда выделялись представителям Украины⁵⁰¹. Отчасти это подтверждало взятые странами – участницами «четверки» после 2004 г. обязательства по трансферу опыта в продвижении европейской интеграции. Впрочем, масштаб этой помощи был незначителен и не мог существенно изменить обстановку на Украине.

В период с 2004 по 2013 гг. страны – участницы В4 искали свое место в Европейском союзе. Одним из направлений (как им изначально показалось), где они могли продемонстрировать себя, стал трансфер уникального трансформационного опыта постсоветским государствам. Этим решались задачи нескольких уровней, во-первых, «вишеградцы» стремились повысить авторитет среди «старых» членов ЕС, во-вторых, они приобретали зону влияния за пределами объединения и, в-третьих, решали собственные проблемы, оставшиеся после выхода из социалистического блока и обозначившиеся спустя несколько лет пребывания в ЕС. К последним можно отнести

⁵⁰¹ Пределы самостоятельности Вишеградской... С. 93

сохранение колоссальной зависимости от поставок российских энерго-ресурсов и появление разочарования в последствиях евроинтеграции у значительной массы населения. В этой связи удобным объектом критики становилась Россия, которую стали называть «недобросовестным поставщиком энергоносителей», который не изжил имперские амбиции, присущие ранее Российской империи и Советскому Союзу.

В свою очередь Украина, согласно официальным документам, выступала в качестве фокусного государства для передачи трансформационного опыта и представляла собой полную противоположность России, несмотря на многовековое пребывание в ее составе. Впрочем, реальная политика, развивавшаяся в это время, хорошо демонстрировала отличие заявленных целей от текущих государственных интересов стран – участниц В4. Вдобавок развитие политических процессов на Украине происходило в противоположном от намеченного направлении: вне зависимости от политиков, располагавшихся на Банковой, Украина, как тогда казалось, неизбежно отдалялась от своего европейского будущего. В этой связи все вишеградские государства, несмотря на желание усилить восточноевропейский вектор своей политики, руководствуясь прагматичными соображениями, шли на конструктивный диалог с Москвой, которая ни разу не дала усомниться в своей надежности как делового партнера.

Что касается страновых подходов к Украине, то удивительно наиболее последовательным сторонником Украины и «случайным лидером» стала Словакия, которая поступательно разрабатывала программы вовлечения украинского государства, несмотря на возникавшие проблемы во взаимоотношениях. Венгрия, говоря о важности европейского будущего Киева, ограничивала свое участие напрямую, погружаясь преимущественно в проблематику евроинтеграции западнобалканских государств. Чехия, сделав многое для выведения украинского вопроса на высокий уровень в рамках ЕС, в 2010–2013 гг. поставила на паузу отношения с Киевом, переориентировавшись на Москву. Что касается центрального «адвоката» Украины, то Варшава, казалось, разочаровалась в своем восточном соседе и приступила к построению конструктивных отношений с Россией, исходя из постулата, что «другой России не будет». Во многом этому способствовало молодое поколение политиков, которые решили по-новому взглянуть на своего визави, избавившись от романтизма предшественников.

Впрочем, дальнейшие события значительно повлияли на основы сформировавшихся к 2014 г. отношений России со странами ЦЕ.

4.3. Политика после 2014 г.: между прагматичным сотрудничеством с Кремлем и европейской солидарностью

События, последовавшие за отказом Киева в ноябре 2013 г. подписывать Соглашение об ассоциации с ЕС на Вильнюсском саммите ВП, привели к консолидации позиций стран – участниц Вишеградской группы. В конце 2013 – первой половине 2014 гг. «четверка» как никогда прежде активизировала свою внешнеполитическую деятельность, выступив на стороне украинской оппозиции и поддержав госпереворот с сопутствующим изгнанием легитимного президента В. Ф. Януковича. В совместных заявлениях, которые в то время публиковались «вишеградцами» вслед за каждым актуальным поводом говорилось о произошедших событиях как «подтверждении того, что европейские ценности лежат в основе украинской государственности»⁵⁰². Более того, вишеградские политики одними из первых (5 марта 2014 г.) публично в официальном письме призвали Брюссель возобновить переговоры с Украиной по поводу подписания соглашения, обосновывая это «моральным долгом ЕС»⁵⁰³. Л. Н. Шишелина, оценивая возросшую активность В4, связывала ее со стремлением группы «реабилитироваться в восточной политике ЕС»⁵⁰⁴ после громкого поражения на саммите в столице Литвы. Примечательно, что украинский кризис реанимировал инициированные с подачи стран – участниц «четверки» в 2008–2009 гг. нарративы в отношении Москвы, которые они пытались использовать для усиления своего голоса в ЕС и которые по разным причинам оставались в полной мере невостребованными до 2013 г. Прежде всего «вишеградцы», проявив активность в киевских событиях, которые для прозападных сил закончились победой, смогли снова заговорить о наличии у них успешного трансформационного опыта. Прово-

⁵⁰² Joint Statement on Ukraine of the Parliamentary Speakers of the Visegrad Countries // Visegrad Group. 28.02.2014. URL: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2014/joint-statement-v4-140307> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁰³ Joint V4 Foreign Ministers' Letter on Ukraine to Ashton and Füle // Visegrad Group. 05.03.2013. URL: <https://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/joint-v4-ministers> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁰⁴ Отношения России и стран Вишеградской группы... С. 43.

дились некорректные сравнения киевского Майдана с событиями «бархатных революций» в ЦЕ в 1989 г., которые положили начало постсоциалистическим преобразованиям в этих странах. Добровольное вхождение Республики Крым и г. Севастополь в состав России и начало вооруженных действий на востоке Украины предоставили благодатную почву для реанимации исторических реминисценций о событиях 1956, 1968 и 1981 гг., которые непосредственно затронули каждую из стран «четверки» и ассоциировались с неизжитыми имперскими амбициями Кремля. Нестабильное положение цен на энергоносители в рассматриваемый период времени также дало повод для центральноевропейцев говорить о России как ненадежном поставщике, который ради реализации геополитических планов готов пойти на крайние меры.

Отметим также трансформацию места украинского вопроса в рамках региональной повестки Вишеградской группы. Хотя Украина и ее европейское будущее до 2014 г. находились постоянно в центре внимания участников объединения, предшествовавшие дискуссии всё же исходили из ее участия в программе ВП и реализации сопутствующих программе проектов. Очевидно, что успех украинской евроинтеграции был тогда, как казалось, под булышим вопросом, поэтому страна находилась в общей «корзине», вместе с государствами, временно демонстрирующими более заметный прогресс на пути к единой Европе. Между тем программы председательств стран – участниц В4 после 2014 г. отчетливо свидетельствуют о выведении украинской тематики в разряд отдельной, чрезвычайно сложной и важной проблемы, которая требовала индивидуального подхода и особого внимания. Так, словаки летом 2014 г. подчеркивали: «Прогресс в нашем ближайшем восточном соседстве [на Украине. – *Примеч. авт.*] остается ключевым фактором успеха программы ВП в целом»⁵⁰⁵. Вдобавок, если ранее украинская тематика рассматривалась преимущественно в контексте продвижения европейских ценностей на восток, то теперь она всё чаще стала интегрироваться в проблематику, связанную с обеспечением безопасности и взаимодействия Киева с НАТО.

⁵⁰⁵ Dynamic Visegrad for Europe and Beyond – Program of the Slovak Presidency in the Visegrad Group (July 2014 – June 2015) // Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/documents/presidency-programs/20142015-slovak> (дата обращения: 05.09.2024).

Положительный эффект от вишеградского сотрудничества в ходе украинского кризиса проявлялся также в том, что в отличие от позиций национальных правительств, которые были достаточно подвижны в отношении Киева и в особенности России, центральное место Украины в региональной повестке объединения было стабильно. При наличии во властных структурах влиятельных групп, выступающих с противоположных позиций относительно взаимодействия с Россией и Украиной, вишеградский формат предоставлял, с одной стороны, инструменты для реализации ценностного вектора политики в отношении Киева, с другой – возможность поддерживать на плаву прагматичные контакты с Россией, которая традиционно не была восприимчива к неинституционализированным форматам межгосударственных объединений.

Таким образом, это позволяло странам «четверки» вполне усидеть на двух стульях, хотя тот уровень отношений с Россией, который существовал до 2014 г., так и не удалось восстановить. В том числе из-за правительственных запретов со стороны «вишеградцев» об ограничении контактов с Россией на уровне членов правительства и их заместителей. Что же касается Украины, то ее власти, стремясь найти новую формулу функционирования украинской государственности, в т.ч. через усиление националистической риторики, крайне безответственно шли на конфронтацию со своими партнерами из ЦЕ. Наиболее показателен пример принятия закона об образовании в 2017 г.⁵⁰⁶, создавшего проблемы в сотрудничестве не только с Венгрией, традиционно сложным союзником, но и с Польшей, которая постоянно выступала защитником Киева и проводником его интересов.

Украинские события всё же дали мощный толчок в развитии группы, продемонстрировав влияние совместных солидарных действий центральноевропейцев на политику ЕС и возможности по оказанию воздействия на механизмы принятия ЕСовских решений. Подтверждением этого в дальнейшем стали совместные действия «вишеградцев» в ходе миграционного кризиса 2015–2017 гг., когда страны – участницы объединения сделали предельно много для продвижения собственной позиции в Брюсселе относительно неже-

⁵⁰⁶ *Fejes N., Miklós G.* Effects of the New Ukrainian Education Law for the Visegrad Cooperation // Foreign Policy Review. Vol. 10. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade, 2017. P. 121–145.

ления квотированного размещения беженцев на территории своих государств. Хотя в то время украинский вопрос временно сошел на нет, набранные обороты вишеградской активности впервые на деле доказали свою эффективность, что дало исследователям говорить о сформировавшемся «вишеградском политическом стиле»⁵⁰⁷. В этой связи неудивительно, что посол Венгрии в России Янош Балла говорил: «Вишеградская группа стала европейским фактором стабильности и роста. Ее законное стремление заключается в том, чтобы в качестве равноправного партнера вносить существенный вклад в диалог о будущем ЕС»⁵⁰⁸.

Таким образом можно констатировать, что украинское направление многостороннего сотрудничества в разной степени, но вызывало непрекращающийся интерес со стороны стран – участниц В4, позволявший подтверждать центральноевропейское единство стран. Тем самым фактор Украины становился объединяющим для стран «четверки», в то время как фактор России вел к спорам, конфликтам и отчуждению, поскольку поляки, чехи, словаки и венгры имели разный подход к допустимому уровню двусторонних отношений с Кремлем, который между тем не был постоянной величиной и колебался в зависимости от наличия тех или иных переменных.

ПОЛЬША. События с конца 2013 г. предоставили Варшаве возможность проявить себя в качестве ключевого эксперта ЕС по восточноевропейским делам. В череде событий, предшествовавших украинскому кризису и последовавших за ним, можно выделить три этапа. Первый характеризуется активной дипломатической работой польских представителей власти (прежде всего, президента и МИДа), которые стремились подготовить почву для подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС на вильнюсском саммите ВП (28–29 ноября 2013 г.) Например, 20–21 февраля президент Бронислав Комаровский со словацким коллегой Иваном Гашпаровичем провели встречу с В. Ф. Януковичем, в ходе которой обсуждался подготовительный процесс перед заключением Соглашения. 27 февраля глава Польши провел встречу с председателем Европейского совета Херманом ван Ромпфеем. 6 марта совместно

⁵⁰⁷ Ведерников М.В. Исторические предпосылки вишеградского политического стиля...

⁵⁰⁸ Балла Я. Вишеградская четверка объединяет // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 6–12.

с Дональдом Туском он принимал участие во встрече с президентом Франции, канцлером Германии и премьер-министрами Словакии и Чехии. Кульминацией этих активностей стали консультации 3 июля между президентами стран – участниц В4 и главой украинского государства. 7 октября прошли переговоры между Украиной с одной стороны и Польшей, Германией и Францией с другой, на которых была подписана программа польско-украинского сотрудничества на период 2013–2015 гг. В череде этих событий польская сторона действовала в соответствии с общеевропейским курсом, не выбиваясь из него и не предлагая радикальных решений, что могли напрямую вызвать негативную реакцию Москвы. Таким образом, подготовительный процесс перед утверждением Соглашения давал надежду Польше, что она сможет достичь видимых результатов на украинском направлении собственной внешней политики, сохранив позитивный образ в рамках ЕС. Подобным способом подтверждалась правильность отказа премьера Д. Туска от конфронтации с Кремлем и эффективность решения украинского вопроса в рамках общего подхода ЕС.

Начало второго этапа связано с отказом В. Ф. Януковича от Соглашения и переходом Варшавы к проактивной политике на украинском направлении, но при сохранении приверженности убеждению в необходимости решения всех возникающих вопросов в рамках общеевропейского консенсуса. В это времякратно усиливается вовлеченность Польши в международные дела. Так, уже в декабре 2013 г. Варшава предложила свое участие в качестве медиатора между оппозицией и украинским правительством для решения возникшего гражданского кризиса, который на тот момент еще ограничивался относительно мирной демонстрацией на площади Независимости⁵⁰⁹. Хотя тогда инициатива не была поддержана, к ней вернулись в феврале 2014 г. Большую роль в усилении польской дипломатии сыграли как польские официальные власти, так и представители оппозиции и НКО, которые продемонстрировали единство взглядов по поддержке проевропейского лагеря протестующих на Майдане. Заметную активность проявил премьер Д. Туск. В январе 2014 г. он продвигал разработанный им план по стабилизации событий на Украине. В этой связи Туск провел ряд переговоров с лидерами ве-

⁵⁰⁹ *Szeligowski D.* Poland's Policy towards Ukraine // *Yearbook of Polish Foreign Policy 2011–2015.* Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2020. P. 215.

душих европейских государств и европейских институтов (канцлером ФРГ Ангелой Меркель, президентом Франции Франсуа Олландом, премьер-министром Британии Дэвидом Кэмероном; представителями ЕС – Херманом ван Ромпёем, Жозе Мануилом Баррозу). В ходе общения он делал предложения об увеличении финансовой помощи Киеву, создании надежной избирательной системы на Украине и продолжении консультаций по вопросу подписания Соглашения. В целях усиления переговорных позиций Д. Туск также связался с представителями украинской оппозиции; беседовал с вице-президентом США Джозефом Байденом⁵¹⁰. Впрочем, по мнению экспертов, наибольшую медийную популярность среди польских политиков в ходе кризиса получил министр иностранных дел Радослав Сикорский, который уклоняясь от эмоциональных заявлений, действовал в русле традиционной дипломатии. Политолог Иоанна Каминская полагала, что в ходе кризиса он стал «лицом Европы»⁵¹¹. Неудивительно, что в это время мировая пресса отмечала возросшее влияние Варшавы: «Действия Сикорского были важны не только для Украины, но и для его собственной страны, которая становилась всё более влиятельным игроком в европейских делах... он смог не только укрепить ее имидж как государства, активно участвующего в восточной политике ЕС, но и усилил роль Польши во внешней политике ЕС в целом»⁵¹². Кульминацией деятельности главы польской дипломатии стало его участие в подписании Соглашения об урегулировании политического кризиса на Украине (21 февраля 2014 г.) между оппозицией и президентом В. Ф. Януковичем при участии французского и немецкого коллеги. Таким образом, на этом этапе Варшава, несмотря на чрезмерно нарочитую поддержку украинской оппозиции, демонстрировала способности играть роль «нейтрального брокера» и работать совместно с партнерами по ЕС, встраиваясь в рамки прагматичного диалога с Россией⁵¹³.

⁵¹⁰ Rozmowa wiceprezydenta USA z Donaldem Tuskiem ws. Ukrainy // Wiadomości. 21.02.2014. URL: <https://wiadomosci.wp.pl/rozmowa-wiceprezydenta-usa-z-donaldem-tuskiem-ws-ukrainy-6031326000980609a> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵¹¹ Kaminska J. Poland and EU Enlargement: Foreign Policy in Transformation. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 98.

⁵¹² Ukraine Crisis Confirms Poland's Rising Role in Europe // Global Post. 2014. URL: <http://www.globalpost.com/dispatch/news/regions/europe/poland/140306/ukraine-crisis-poland-rising-role-europe> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵¹³ Krasnodebska M. Op. cit. P. 208.

Третий этап польского участия в украинских делах начинается сразу вслед за триумфом национальной дипломатии, совпав с государственным переворотом на Украине (22 февраля) и началом вхождения Крыма в состав РФ (23 февраля). В этой связи можно согласиться с польским автором Магдаленой Кароляк-Михальской, которая отмечала, что «присутствие Сикорского на переговорах [21 февраля. – *Примеч. авт.*] завершило этап эффективного участия Польши в событиях на Украине»⁵¹⁴. Новая фаза характеризовалась плавным отстранением польской стороны от урегулирования украинского кризиса и, как следствие, возобновлением антироссийской риторики, присущей предшественникам правительства Д. Туска. Примечательно, что один из главных сторонников сближения с Россией на протяжении 2008–2013 гг. министр Сикорский после событий февраля-марта 2014 г. стал активнейшим «ястребом», подтвердив произошедшую трансформацию польской дипломатии⁵¹⁵. В дальнейшем Варшава сделала многое для разработки и введения антироссийских санкций (17 марта 2014 г.), подписания Соглашения об ассоциации (27 июня 2014 г.)⁵¹⁶ и др. Проводились переговоры с украинскими партнерами по вопросам актуальных реформ, выделения Киеву финансовой помощи для стабилизации экономики; обсуждалась региональная безопасность в контексте начавшегося летом 2014 г. вооруженного противостояния на востоке Украины. Однако участие Польши в урегулировании кризиса с конца февраля 2014 г. перешло исключительно в плоскость двусторонних польско-украинских отношений, поскольку главную роль в «мировотворческом» процессе взяли на себя Франция и Германия, которые удалили из этого процесса все институты ЕС и иные страны – участницы объединения. Как следствие, возникли такие форматы многостороннего сотрудничества, как «нормандская четверка» (ФРГ, Франция,

⁵¹⁴ *Karolak-Michalska M.* Elita polityczna Polski wobec wyzwań Euromajdanu i kryzysu ukraińskiego w latach 2013–2014 // *Przegląd Zachodni*. 2018. No. 4. S. 185.

⁵¹⁵ Wypowiedzi na posiedzeniach Sejmu. Posiedzenie nr 67 w dniu 08-05-2014 (2. dzień obrad) // Sejm. 08.05.2014. URL: <https://www.sejm.gov.pl/Sejm7.nsf/wypowiedz.xsp?posiedzenie=67&dzien=2&wyp=83&view=2> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵¹⁶ Полностью Соглашение об ассоциации вступило в силу только 1 сентября 2017 г. До этого момента оно действовало в ограниченном формате. Подробнее: *Топорнин Н.Б.* Исторические и правовые особенности Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским союзом // *Право и государство: теория и практика*. 2019. № 2 (170). С. 101–105.

Россия и Украина), в рамках которого были подписаны Минские соглашения (сентябрь 2014 г.; февраль 2015 г.).

Примечательно, что в польской историографии большое внимание уделяется вопросу исключения из числа переговорщиков именно Польши, которая сделала многое для привлечения внимания европейской общественности к украинскому кризису на его начальной стадии. Среди причин неучастия Варшавы в этом процессе эксперты называли следующие моменты⁵¹⁷. С одной стороны, они указывали на комплекс историко-культурных и психологических особенностей взаимодействия польских политиков с восточноевропейскими соседями, где безусловная поддержка украинских амбиций сочеталась с иррациональным восприятием России. Желая стабилизировать обстановку на востоке Европы, немцы и французы не могли допустить участие непредсказуемого переговорщика. С другой – исследователи указывали на отсутствие у польского истеблишмента маневренности и гибкости для принятия решений в меняющихся геополитических условиях⁵¹⁸. Между тем, эксперт фонда AMICUS EUROPAE Адам Ковальчик считал, что невключение польской стороны делало для нее необязательным выполнение условий, принятых в ходе четырехсторонних переговоров. Таким образом возникал простор для маневра⁵¹⁹.

Определенная попытка приспособить польскую политику к европейским реалиям, посредством снижения градуса враждебности по отношению к Москве и усиления критичности к Киеву, приходится на пересменок в высших кругах польской власти, вызванный переходом в сентябре 2014 г. премьера Д. Туска на должность председателя Европейского совета и приходом на его место его соратницы Эвы Копач. В ходе своего первого выступления, посвященного украинской тематике, она указала на важность Польше, как заботливому родителю для своих граждан, прежде всего защищать их от возможных опасностей, «укрываясь дома», а не подвергать их ненужным рискам,

⁵¹⁷ *Kowalczyk A.* Polityka Polski wobec Ukrainy w 2014 roku – próba bilansu // Biuletyn Opinie FAE. No. 3. S. 17. 10.02.2015. URL: <http://archiwum.fae.pl/biuletynopiniefaerpukraina2014.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵¹⁸ *Karolak-Michalska M.* Op. cit. S. 200; *Krasnodębska M.* Op. cit. P. 216.

⁵¹⁹ *Kowalczyk A.* Op. cit. S. 17.

которые возникают при слишком активной помощи Украине⁵²⁰. В то же время не исключались попытки (впрочем безрезультатные) усилить позиции Польши. Новый министр иностранных дел Гжегош Схетына в ходе встреч с немецким и французским коллегами стремился убедить их в необходимости привлечения польской стороны к решению украинского кризиса⁵²¹. В обозначенном направлении действовал и президент Бронислав Комаровский на переговорах с Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Фредерикой Могерини⁵²². В этой связи можно согласиться с мнением руководителя Фонда Батория Александром Смоляром, что уход Туска спровоцировал не только кризис внутри нового правительства (конфликтам между Э. Копач и Г. Схетыной), но и вызвал ослабление всей польской дипломатии⁵²³.

В 2015 г. в польской политике происходят значительные перемены. В мае на президентских выборах побеждает Анджей Дуда, а в октябре партия ПиС выигрывает на парламентском голосовании, получая возможность впервые в постсоциалистической истории Польши сформировать правительство большинства. Национал-консервативные силы, вставшие во главе страны, четко обозначили, в т.ч. на страницах обновленных стратегических документов, свою магистральную приверженность в помощи Украине на ее пути в евро-атлантические объединения. Как следствие, польские государственные деятели стали регулярно посещать праздничные мероприятия по случаю Дня независимости в Киеве; вооруженные

⁵²⁰ Kopacz ws. Ukrainy: Polska powinna się zachowywać jak rozsądna kobieta // Wprost. 19.09.2014. URL: <https://www.wprost.pl/469836/kopacz-ws-ukrainy-polska-powinna-sie-zachowywac-jak-rozsadna-ko.html> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵²¹ Schetyna: Polska powinna wrócić do negocyjacyjnego stołu w sprawie Ukrainy // Wyborcza. 07.10.2014. URL: http://wyborcza.pl/1,75478,16762052,Schetyna_Polska_powinna_wrocic_do_negocyjacyjnego.html (дата обращения: 03.09.2024).

⁵²² Prezydenta RP spotkał się z Federiką Mogherini Wysoką Przedstawiciel Unii do Spraw Zagranicznych i Polityki Bezpieczeństwa // Interwizja. Warszawa TV. 06.11.2014. URL: <http://press.warszawa.pl/prezydenta-rp-spotkal-sie-federica-mogherini--wysoka-przedstawiciel-unii-spraw-zagranicznych-polityki-bezpieczenstwa> (дата обращения: 03.09.2024).

⁵²³ Aleksander Smolar, szef Fundacji Batorego: Ważniejsze niż słowa Sikorskiego jest poczucie chaosu i osłabienia dyplomacji // na: Temat. 23.10.2014. URL: <https://natemat.pl/121405,aleksander-smolar-szef-fundacji-batorego-wazniejsze-niz-slowa-sikorskiego-jest-poczucie-chaosu-i-oslabienia-dyplomacji> (дата обращения: 03.09.2024).

соединения обеих армий участвовали в торжественных военных парадах в Варшаве и Киеве⁵²⁴; политики разных уровней (президенты, министры, военачальники) с завидной частотой совершали официальные визиты.

Между тем на фоне внешнего добрососедства эксперты отмечали, что с 2015 г. польская политика по отношению к Украине начала «ужесточаться»⁵²⁵, что было вызвано, прежде всего, принятием Верховной Радой в апреле 2015 г. законов о декоммунизации⁵²⁶. Польская сторона возмутилась положением, касающимся признания Украинской повстанческой армии (УПА) как национально-освободительного движения, и введением уголовного наказания за отрицание этого факта⁵²⁷. Неизбежно такой шаг вызвал ответную реакцию польской стороны, которая была вынуждена пойти на форсированную трансформацию своей исторической политики. Летом 2016 г. польский Сенат одобрил две декларации, в которых преступления, совершенные участниками УПА по отношению к гражданам Польши в 1939–1945 гг., характеризовались как геноцид⁵²⁸. Также польский Сейм установил 11 июля в качестве дня памяти жертв т.н. волынской резни. Аналитик Польского института международных отношений Даниэль Щелиговский считал, что вслед за этими событиями наметился рост двустороннего противостояния «как никогда прежде в течение 25 лет взаимоотношений»⁵²⁹. Заявления с обеих сторон с призывом изменить подход к историческим событиям не находили понимания и вели к дальнейшему обострению. Министр

⁵²⁴ Українські військові – учасники параду до Дня Війська Польського // Український інтерес. 15.08.2017. URL: <https://uain.press/news/ukrayinski-vijskovi-uchasnyky-paradu-dnya-vijska-polskogo-319334> (дата обращения: 03.09.2024).

⁵²⁵ *Szeligowski D.* Op. cit. P. 217.

⁵²⁶ *Шевель О.* Декоммунизация на Украине после Евромайдана // ПОНАРС Евразия. Январь 2016 года. No. 411. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Pepr411_rus_Shevel_Jan2016.pdf (дата обращения: 03.09.2024).

⁵²⁷ *Motyka G.* Nieustający polsko-ukraiński spór o historię // Sprawy Międzynarodowe. 2018. No. 1. S. 34.

⁵²⁸ Uchwała Senatu Rzeczy Pospolitej Polskiej z dnia 7 lipca 2016 r. w sprawie oddania holdu ofiarom ludobójstwa dokonanego przez nacjonalistów ukraińskich na obywatelach II Rzeczypospolitej w latach 1939–1945. URL: <https://www.senat.gov.pl/download/gfx/senat/pl/senatuchwaly/2793/plik/236uch.pdf> (дата обращения: 03.09.2024).

⁵²⁹ *Szeligowski D.* Op. cit. P. 139–140.

иностраннных дел Польши Витольд Вашиковский признавал, что «попытки решить исторические дилеммы на политическом уровне провалились»⁵³⁰. Он даже предостерегал о приостановке польской помощи. Следующим шагом на пути к эскалации стал введенный в 2017 г. украинской стороной мораторий на исследования и эксгумацию останков тел убитых поляков на территории Волыни и Галиции. Варшава восприняло новое решение Киева как очередной акт сокрытия массового преступления. Лидер партии ПиС Ярослав Качиньский открыто говорил: «Степень надменности киевских властей превысила все нормы допустимого»⁵³¹. В январе 2018 г. последовало принятие Польшей поправок к закону об Институте национальной памяти, которые в т.ч. предполагали привлечение к ответственности тех, кто оправдывал преступления «украинских националистов» против «польских граждан»⁵³². Данное событие окончательно заморозило польско-украинский диалог по исторической проблематике.

На этом негативном фоне и развивались двусторонние контакты Варшавы и Киева после 2015 г. Их публичное восприятие свелось к урегулированию вопросов прошлого. В то же время можно согласиться с мнением профессора Лодзинского университета Пшемислава Журавьского-Граевского, что политика Польши по отношению к Украине выглядела лучше, чем ее образ в глазах общественного мнения⁵³³. Однако бóльшая часть значимых достижений была или скрыта, или затушевывалась на фоне скандальных новостей. Несомненно, Варшава оставалась главным «адвокатом» Украины в ЕС и НАТО, делая всё возможное для приближения ее членства в этих структурах. Крупным успехом стало предоставление

⁵³⁰ Witold Waszczykowski: uchwała ws. Wołynia otwiera drogę do porozumienia z Ukrainą // Wiadomości Onet. 14.09.2016. URL: https://wiadomosci.onet.pl/swiat/witold-waszczykowski-uchwala-ws-wolynia-otwiera-droge-do-porozumienia-z-ukraina/k58b7v?utm_source=yandex.ru_viasg_wiadomosci&utm_medium=referal&utm_campaign=leo_automatic&srcc=undefined&utm_v=2 (дата обращения: 03.09.2024).

⁵³¹ Kaczyński o Ukrainie: z Bandera do Europy nie wejdziecie // Polsatnews. 07.02.2017. URL: <https://www.polsatnews.pl/wiadomosc/2017-02-07/kaczynski-o-ukrainie-z-bandera-do-europy-nie-wejdziecie/> (дата обращения: 03.09.2024).

⁵³² Hackmann J. Defending the “Good Name” of the Polish Nation: Politics of History as a Battlefield in Poland, 2015–18 // Journal of Genocide Research. 2018. No. 4 (20). P. 587–606. DOI: 10.1080/14623528.2018.1528742

⁵³³ Żurawski vel Grajewski P. Specyfika relacji polsko-ukraińskich po 2015 r. // Sprawy Międzynarodowe. 2018. No. 1. S. 52.

в июне 2017 г. украинцам безвизового режима перемещения по территории ЕС и вступление в силу Соглашения об ассоциации между ЕС и Украиной в сентябре 2017 г. Также углублялось взаимодействие в военной сфере: на правовом уровне (например, подписано двустороннее соглашение об оборонном сотрудничестве в 2016 г.), на организационном (была создана литовско-польско-украинская бригада LITPOLUKRBRIG, обсуждалось участие Киева в вишеградском батальоне, V4 EU Battlegroup), производственном (были подписаны соглашения о сотрудничестве между предприятиями ВПК) и материально-техническом (передача ВиВТ) уровнях. Польша искала пути по углублению взаимодействия с Киевом в рамках инициатив НАТО (вовлечение в военные учения, работа в региональных платформах). Естественно, что Польша выделяла значительные средства на поддержку киевского режима как в рамках безвозмездной ОПР, так и на основе кредитных соглашений, способствуя стабилизации финансовой и экономической ситуации в стране.

Что касается политики Польши в отношении России после событий 2014 г., то она меняется в сторону отказа от прагматичного курса, ужесточения риторики и активной эксплуатации исторической политики⁵³⁴; происходит реанимация нарративов о непреходящей угрозе с Востока, тождественности СССР и России. Если определенные колебания относительно этого вектора взаимоотношений еще чувствовались во второй половине 2014 – начале 2015 гг., то после победы ПиС происходит ликвидация конструктивного наполнения двустороннего диалога⁵³⁵. С одной стороны, возвращение к этому подходу укладывалось в предыдущую модель восприятия Москвы, которую ПиС демонстрировала в ходе первого пребывания у власти в 2005–2007 гг., с другой – активизация открытой русофобии с демонстрацией экзистенциональных страхов обосновывалась провалом выстраивания восточноевропейской политики в рамках общеевропейского подхода при Дональде Туске.

⁵³⁴ Словински К. Историческая политика партии «Право и справедливость» // Современная Европа. 2020. № 1. С. 102–112. DOI: 10.15211/soveurope12020102112

⁵³⁵ Впрочем, среди польских авторов имелась точка зрения, что правительство ПиС «редко вступало в острые дискуссии с Россией» или что после начала украинского кризиса не было «каких-либо резких изменений в восприятии России». См.: *Стрыхаж Д.* (Не)постоянство восприятия...

В этом контексте неудивительно, что неудача по усилению позиций в рамках ЕС привела кабинет ПиС к форсированной реализации стратегии примыкания (*bandwagoning*) к политике Соединенных Штатов, которые в это время придавали особое значение сдерживанию России на европейском континенте, прежде всего в военной сфере⁵³⁶. Профессор Варшавского университета Рышард Земба характеризовал этот курс «подчинением польских интересов» Вашингтону, сопровождавшийся его безусловной поддержкой в важных международных вопросах, особенно в ходе пребывания на посту президента США Д. Трампа (2016–2020 гг.)⁵³⁷. Авторитетный польский американист Лонгин Пастусяк считал важным поиск пределов этого сотрудничества: «Польско-американский альянс эфемерен по своей сути и даже вреден, ибо он создает ложное чувство безопасности»⁵³⁸. В ходе пришедшегося на это время сближения Варшава заключила несколько соглашений с Соединенными Штатами об укреплении стратегического партнерства⁵³⁹, подписала контракты на закупку американского ВиВТ и разместила на своей территории дополнительные контингенты военнослужащих⁵⁴⁰.

Помимо военных проектов, в рамках американской стратегии по ослаблению России в Европе польские власти активно противодействовали ей в энергетической сфере, став во главе государств – противников проекта «Северный поток – 2»⁵⁴¹. Следствием

⁵³⁶ Одним из эффективных форматов сопряжения Польши и США стала «Европейская инициатива сдерживания» (*European Deterrence Initiative, EDI*), до 2017 г. известная как «Европейская инициатива успокоения» (*European Reassurance Initiative, ERI*), которая была запущена в 2014 г. в каденцию Б. Обамы.

⁵³⁷ *Zieba R. Illiberalism and Nationalism in Poland's Politics // Politics and Security of Central and Eastern Europe. Contemporary Challenges. Ed. by R. Zieba. Springer, 2023. P. 111. DOI: 10.1007/978-3-031-16419-4_5*

⁵³⁸ *Pastusiak L. Prezydent dobrych intencji. Polityka zagraniczna Baracka Obamy. Warszawa: Oficyna Wydawniczo-Poligraficzna "ADAM", 2015. S. 23.*

⁵³⁹ Например: *Joint Declaration on Defense Cooperation Regarding U.S. Force Posture in Poland // The official website of the President of the Republic of Poland. 12.06.2019. URL: <https://www.president.pl/news/joint-declaration-on-defense-cooperation-regarding-us-force-posture-in-the-republic-of-poland>, 37016* (дата обращения: 03.09.2024).

⁵⁴⁰ *Скворцова Е.М. Сотрудничество Польши с Соединенными Штатами Америки в оборонной сфере: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2023.*

⁵⁴¹ *Белов В.Б. Проект «Северный поток – 2» – шансы и риски реализации // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 3. С. 74–80. DOI: 10.15211/vestnikieran320187480*

разочарования в европейской политике Польши и сближения с США стало также стремление польских национал-консервативных сил обозначить свое особое место в Европе через формирование региональных объединений в Центральной и Восточной Европе, в которых Варшава отдавала себе приоритетное значение. Прежде всего, речь шла об ИТМ и Б9 как структурах регионального доминирования Польши, так и институционализированных форматах сдерживания России с военно-политической компонентой. Желая реализовать исторические проекты создания буферной зоны между Европой и Россией (например, «Триморье» Юзефа Пилсудского), польские власти восприняли пришедшиеся на вторую половину 2010-х гг. события удачным временем для воплощения геополитических проектов, глубоко интегрированных в польскую политическую культуру.

Суммируя сказанное о политике Польши в отношении России и Украины, отметим, что Варшаве не удалось добиться значительного успеха ни на одном из направлений. На украинском треке достижения были ограничены стремлением ведущих европейских государств (ФРГ, Франция) урегулировать украинский кризис «своими силами». В рамках двусторонних отношений внешне поступательный диалог искажался историческими спорами, где отстаивание собственной правды для каждой из сторон имело принципиальный характер. На российском направлении все инициативы по противодействию российскому влиянию также не увенчались успехом (газотранспортный проект «Северный поток – 2» был завершен, (но не введен в эксплуатацию); санкции не способствовали сворачиванию российской политики и др.).

ЧЕХИЯ. События 2014 г. показали, что стремление Чехии играть активную роль во внешней политике ЕС имеет свои пределы и наталкивается на особое восприятие ее элитами тех или иных процессов в мире, особенно в Восточной Европе. В самом начале украинского кризиса Прага поддержала введение персональных санкций в отношении российских политиков (март 2014 г.). Что касается последующего решения об экономических ограничениях, то кабинет премьера Богуслава Сobotки воспринял их сдержанно, поддавшись коллективной дисциплине ЕС. В конце апреля министр иностранных дел Ладислав Заоралек уже не видел повода для углубления санкций, поскольку экономическая война предвещала

нанесение урона не только России и ЕС, но и самой Украине⁵⁴². Более экспрессивно выразился президент страны Милош Земан, который считал, что таким решением Евросоюз способствовал формированию мифа об «осажденной крепости», который был «на руку Кремлю». Вместо этого он предлагал использовать механизмы «мягкой силы» (культурный и научный обмены, туризм) для воздействия на политический режим в России. Земан констатировал: «Если вы хотите, чтобы Россия была тоталитарной, вводите санкции»⁵⁴³. После начала гражданской войны на территории Луганской и Донецкой областей Украины в летние месяцы 2014 г. чешское правительство поддержало введение т.н. секторальных экономических санкций. Однако в кабинете всё равно не было единства в этом вопросе. Министр промышленности и торговли Ян Младек считал, что санкции на тот момент могли поставить в Чехии под угрозу 700 рабочих мест и принести потери в размере минимум 100 млн евро⁵⁴⁴. Премьер Сobotка открыто высказывал надежду, что санкции ЕС не станут препятствием для чешского экспорта. После ответных мер со стороны РФ Чехия выступила даже с заявлением о компенсации понесенных потерь со стороны ЕС. В обстановке неопределенности, когда масштаб санкций было сложно определить на перспективу, самые крупные опасения чешских промышленных кругов связывались с потенциальным требованием российских властей покинуть пределы РФ, куда чешская сторона так долго возвращалась после 1990-х гг., и возможным приходом на их место китайских конкурентов⁵⁴⁵.

По ходу того, как санкции не демонстрировали заложенный в них потенциал, и Россия не отстранялась с намеченного ей курса, в Чехии стали отчетливее звучать голоса о необходимости пересмотра подхода ЕС. Наиболее последовательную позицию о вреде ограни-

⁵⁴² Zaorálek nevidí důvod pro ekonomické sankce EU proti Rusku // Parlamentní Listy. 24.04.2014. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Zaoralek-nevidi-duvod-pro-ekonomicke-sankce-EU-proti-Rusku-316586> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁴³ Rozhovor prezidenta Miloše Zemana pro “Evropské hodnoty”: Sankce by udělaly z Ruska totalitní režim. 18.03.2014.

⁵⁴⁴ Mládek: České firmy kvůli sankcím přijdou o 2,5 miliardy korun tržeb // iROZHLAS. 08.08.2014. URL: <https://www.irozhlas.cz/node/5942801> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁴⁵ Beneš V. Evropský rozměr české zahraniční politiky // Česká zahraniční politika v roce 2014: Analýza ÚMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2015. S. 55.

чительных мер продолжал занимать президент М. Земан. Выступая на форуме «Диалог цивилизаций» на о. Родос, он констатировал: «Необходимо отменить санкции, которые являются ненужными и контрпродуктивными. Они имеют противоположный эффект, чем ожидали их авторы. Важно развивать диалог между цивилизованными государствами, основанный на принципе обмена товарами, капиталом и, конечно же, информацией, без всякой цензуры»⁵⁴⁶.

События на Востоке Украины также подняли вопрос о будущем проекта ВП. Министр Л. Заоралек, подразумевая высокие ожидания некоторых стран-участниц от программы, заявлял о необходимости ее трансформации. Он считал, что при реализации проекта ВП требовался индивидуальный подход, и партнерство не следовало рассматривать как «подготовку» к вступлению в Евросоюз⁵⁴⁷. Предельно откровенно в адрес главного участника ВП высказывался премьер Сobotка, который отмечал, что «ЕС не должен был проводить реформы за украинцев»⁵⁴⁸. Самым реалистичным вариантом выхода из сложившейся конфликтной ситуации он полагал достижение договоренностей между Москвой и Киевом посредством дипломатии⁵⁴⁹. Таким образом, говоря об особом чешском подходе к санкционному противоборству между Брюсселем и Москвой, аналитики Института международных отношений (Прага) считали: «В 2014 г. Чехия не участвовала в создании общей внешней политики ЕС, напротив, она рассматривала его санкции как “продукт западных государств”, которые “не понимают Восточную Европу”»⁵⁵⁰.

В июле 2015 г. в Чехии была принята обновленная Концепция внешней политики. Документ подтвердил политические тенденции, которые были продемонстрированы в течение года с начала украинского кризиса. Прежде всего подчеркивалась значимость России как «важного актора, принимающего участие в решении проблем

⁵⁴⁶ Projev prezidenta republiky na konferenci Dialog civilizací na řeckém ostrově Rhodos. 26.09.2014.

⁵⁴⁷ Zaorálek chce, aby EU změnila přístup k postsovětským zemím // Parlamentní Listy. 24.04.2014. URL: <https://www.parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Zaoralek-chce-aby-EU-zmenila-pristup-k-postsovetskym-zemim-316509> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁴⁸ Projev předsedy vlády Bohuslava Sobotky na zahájení porady velvyslanců České republiky. 25.08.2014.

⁵⁴⁹ Ibid.

⁵⁵⁰ Beneš V. Op. cit. S. 74–75.

международного значения»⁵⁵¹. В этой связи ставилась задача преодолеть текущие проблемы и восстановить с ней партнерские отношения в политической и экономической областях. В то же время украинский вопрос глубоко интегрировался в проблематику ВП, в рамках которого делался акцент на поддержку гражданского общества и свободных медиа. В долгосрочной перспективе подтверждался европейский выбор Киева. Нарочитое отдаление от украинской проблематики, в которую Прага глубоко погрузилась в 2014 г., объясняется, с одной стороны, тем, что Чехия, как и другие центральноевропейские государства, была отстранена от переговорного процесса между Россией и Украиной, с другой – появились более актуальные вопросы, где Прага сумела проявить себя в формировании европейской повестки, а именно миграционный кризис. В этой связи примечательны слова руководителя внешнеполитического отдела офиса президента Гынека Кмоничека, которыми он объяснял ослабление интереса к восточноевропейскому региону: «Украина – это простуда, а Исламское государство»⁵⁵² – раковая опухоль»⁵⁵³. Для подтверждения сказанного отметим, что если в 2014 г. чешский министр иностранных дел Л. Заоралек совершил шесть поездок на Украину и содействовал открытию двух почетных консульств в Ужгороде и Днепрпетровске. Далее и вплоть до момента смены правительства в Киеве в 2019 г., связанного с избранием В. А. Зеленского, темп сотрудничества заметно замедлился и был перенесен в область отраслевой политики (министерство сельского хозяйства, министерство промышленности и торговли и др.). Сотрудники Ассоциации по международным вопросам (Прага) полагали: «Хотя Чехия продолжала позиционировать себя как одного из чемпионов по поддержке Украины... не было четкого сигнала, подтверждающего заявленную позицию. Высшие эшелоны власти не хотели налаживать тесные отношения с Киевом... более того они поощряли экономическую миграцию из Украины»⁵⁵⁴.

Несмотря на используемые политическими оппонентами

⁵⁵¹ Koncepce zahraniční politiky ČR // MZV ČR. 2015. URL: https://mzv.gov.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/analyzy_a_koncepce/koncepce_zahranicni_politiky_cr.html (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁵² Запрещена в РФ.

⁵⁵³ Ředitel zahraničního odboru prezidentské kanceláře H. Kmoníček: Ukrajina je chřipka, ale Islámský stát rakovina // Deník Právo, 2015.

⁵⁵⁴ Agenda for Czech Foreign Policy 2017. Ed. by V. Dostál, T. Jermanová. Prague: Association for International Affairs, 2017. P. 35–36.

клише о победившем на парламентских выборах в конце 2017 г. Андрее Бабише как пророссийском политике, его реальные действия, скрытые за популизмом, скорее свидетельствовали об активизации взаимодействия с Киевом как следствие тесного сотрудничества с Соединенными Штатами и их ключевым партнером в Центральной Европе – Польшей. Говоря об основах чешско-польского диалога, политолог Павел Гавличек писал: «Взаимное сотрудничество основывалось на вопросах, которые представляли общий интерес, и являлись вызовами, прежде всего, со стороны России»⁵⁵⁵. Отметим, что после смены президента на Украине Бабиш совершил официальный визит в Киев, который стал первой подобной поездкой чешского премьера в украинскую столицу за последние 10 лет. Говоря о перезагрузке двусторонних отношений, премьер предельно прямолинейно осудил действия России: «Мы поддерживаем территориальную целостность, суверенитет, единство и независимость Украины в международно признанных границах»⁵⁵⁶. Хотя чешский глава правительства указывал на необходимость мирного решения конфликта, в начале его каденции Чехия стала одним из первых европейских государств, которая дала старт поставкам Киеву тяжелого вооружения. Например, в 2018 г. было поставлено 40 единиц САУ 2С1122 мм и 50 единиц БМП-1АК, в 2019 г. – 16 экземпляров САУ 2С1122 мм, в 2020 г. – 37 единиц БМП БВП-1⁵⁵⁷. Примечательно, что до 2022 г. только три европейские страны делали подобные поставки: Польша, Чехия и Великобритания⁵⁵⁸.

Не являясь убежденным и идейным противником России, Бабиш оперировал такой риторикой, во многом отталкиваясь от

⁵⁵⁵ *Havlíček P., Balcer A.* The Czech–Polish Positions on the Eastern Partnership: In Search of New Synergies // AMO. 15.12.2021. URL: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2021/12/AMO_Czech_Polish_positions_on_EaP.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁵⁶ *Premiér Babiš na Ukrajině odsoudil ruskou agresi, s prezidentem a premiérem řešil možnosti rozšíření ekonomické spolupráce* // Vláda ČR. 19.11.2019. URL: <https://vlada.gov.cz/cz/media-centrum/aktualne/premier-babis-na-ukrajine-odsoudil-ruskou-agresi-s-prezidentem-a-premierem-resil-moznosti-rozsireni-ekonomicke-spoluprace-177984/tmplid-47/> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁵⁷ *Тимошенко А.Г., Сероштанов К.В.* Влияние специальной военной операции на Украине на развитие военно-промышленного комплекса государств Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 181–190. DOI: 10.17223/15617793/488/18

⁵⁵⁸ Великобритания поставила 75 единиц БТР AT-105 Saxo в 2015 г.

внутриполитических мотивов, стремясь привлечь на свою сторону новых сторонников, в т.ч. представителей оппозиционного лагеря. Будучи политиком с подвижной позицией, расположившимся в центре шкалы правые – левые, он достаточно четко улавливал сдвиги в настроении общества как в социально-экономическом, так и в идейно-политическом дискурсах и удачно подстраивался под них. В условиях сокращения электоральной базы, которую он перетягивал у социал-демократов и коммунистов⁵⁵⁹, Бабиш обращался к темам, которые могли принести ему дополнительные очки. На время его правления приходится усиление антироссийской риторики в области исторической политики и в сфере безопасности, в т.ч. энергетической. Начиная с конца 2017 г. мероприятия, связанные с «бархатной революцией» 1989 г., пражским восстанием 1945 г. и «Пражской весной» 1968 г., формирующие контур исторической памяти современной Чехии, сопровождались усиленными обвинениями России и напоминаниями о повторении ее поведения уже в отношении сопредельных с ней государств (Грузия, Украина), неизменных имперских амбициях Кремля. Рубежным происшествием в этом вопросе стал снос памятника маршалу Советского Союза И. С. Коневу в Праге весной 2020 г.⁵⁶⁰, которое продемонстрировало несогласие чешской стороны с господствующей в России трактовкой прошлого.

Историческим событием, обозначившим обрушение всего положительного опыта добрососедских чешско-российских отношений в новейшей истории, стало прозвучавшее от чехов обвинение в адрес России об организации диверсии на оружейных складах в г. Врбетице в 2014 г., которое они охарактеризовали как «совершенно недопустимое вмешательство» в суверенитет Чехии», «военное преступление» и «террористический акт»⁵⁶¹. Хотя Прага имела много оснований для подобной провокации, эксперты сходились во мнении, что обнародование бездоказательных обвинений было связано с нежеланием

⁵⁵⁹ До 2021 г. в чешском парламенте была представлена Коммунистическая партия Чехии и Моравии.

⁵⁶⁰ Шишелина Л.Н. Драматический weekend российско-чешских отношений // РСМД. 28.04.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dramaticheskiy-weekend-rossiysko-cheshskikh-otnosheniy/> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁶¹ Ukončení prověřování výbuchů muničních skladů ve Vrbětích // Policie ČR. 29.04.2024. URL: <https://www.policie.cz/clanek/ukonceni-proverovani-vybuchu-municnich-skladu-ve-vrbeticich.aspx> (дата обращения: 05.09.2024).

допустить российскую компанию «Росатом» до участия в конкурсе на тендер по достройке дополнительных энергоблоков АЭС «Дукованы». Тем самым кабмин Бабиша демонстрировал согласие с нарративом об использовании Москвой энергетического сектора в качестве оружия, который в 2010-х – начале 2020-х гг. активно продвигался как центральноевропейскими государствами, так и Соединенными Штатами⁵⁶².

Что касается восточноевропейского направления чешской политики, где интересы России оставались неизменны, Бабиш также пытался произвести положительное впечатление на возможных сторонников. Например, в ходе белорусских протестов летом 2020 г. премьер выразил поддержку оппозиции, сравнив эти события с «бархатной революцией» 1989 г. В отношениях с Украиной, помимо уже обозначенного вектора на улучшение общей атмосферы, был замечен уклон в сторону пересмотра проблемных узлов истории, что, например, выразилось в запуске работы Чешско-украинского дискуссионного форума в 2019 г.⁵⁶³

Несомненно, что после 2014 г. чешско-российские отношения пребывали в застое в политической сфере, но до 2022 г. поддерживались благодаря торгово-экономическим контактам. По всей видимости, на этом этапе впервые фактор Украины начал заметно вмешиваться в двустороннюю повестку, трансформируя и подстраивая ее в невыгодном направлении как для Праги, так и для Москвы. Отметим, что политикам, желавшим оставаться на плаву в местной общественно-политической жизни, приходилось повышать градус публичного неприятия России, чтобы не попасть в категорию русофилов, хотя их контакты с Кремлем всегда основывались исключительно на прагматичном фундаменте, лишенном симпатии и схожести идейно-политических профилей. Андрей Бабиш, будучи вынужденным идти на подобное ухудшение контактов, в 2021 г. не смог удержаться у власти и передал управление страной в руки политиков (кабмин Петра Фиалы), для которых Россия была враждебна и ценностно

⁵⁶² Premiér jednal s americkým ministrem energetiky o jaderné energii i zemním plynu // Vlada ČR. 14.11.2018. URL: <https://vlada.gov.cz/cz/media-centrum/aktualne/premier-andrej-babis-jednal-s-americkym-ministrem-energetiky-o-jaderne-energii-i-zemnim-plynu-169872/> (дата обращения: 05.09.2024).

⁵⁶³ Czech-Ukrainian Forum // European Values Center for Security Policy. URL: <https://europeanvalues.cz/en/our-programs/eastern-european-program/czech-ukrainian-forum/> (дата обращения: 02.09.2024).

чужда. Являясь идейными сторонниками Вацлава Гавела, события 2022 г. предоставили им доказательства их правоты, отсутствовавшие у их предшественников, и мощный импульс для углубления анти-российского нарратива как на уровне Чехии, так и за ее пределами.

ВЕНГРИЯ. Несмотря на события в Восточной Украине, после 2014 г. отношения Будапешта с Киевом выстраивались исключительно через призму восприятия правового положения венгерского национального меньшинства в Закарпатье⁵⁶⁴. Прекращение работы межправительственной комиссии по делам меньшинств после 2011 г. не помешала Виктору Орбану в ходе официальных встреч как двустороннего, так многостороннего форматов (В4) утвердительно говорить о поддержке вступления Украины в ЕС. Он выражал солидарность с Киевом относительно его желания стать частью западного мира и занять заслуженное место в европейском обществе. В ходе встречи с премьер-министром Украины В. Б. Гройсманом в ноябре 2016 г. Орбан заявил: «Венгры и украинцы ощущают общую судьбу и видят совместное будущее для своих народов»⁵⁶⁵.

Между тем принятие законопроекта «Об образовании» в сентябре 2017 г., который, прежде всего, подразумевал запрет на использование языков национальных меньшинств, в т.ч. венгерского, в системе среднего и высшего образования (ст. 7), вызвало мощную волну недопонимания со стороны Будапешта, который воспринял это решение как прямое наступление на права своих соотечественников. Власти Венгрии задействовали разные форматы международного воздействия для критики и обвинений украинской стороны. Например, национальный парламент осудил принятое решение в специальной резолюции, в которой отмечалось, что оно «угрожает будущему Украины в Европе»⁵⁶⁶. Министр иностранных дел Петер Сийярто

⁵⁶⁴ Prospects for Settling the Dispute over the Rights of the Hungarian Minority in Ukraine // Polish Institute of International Affairs. 25.10.2018. URL: https://www.pism.pl/publications/Prospects_for_Settling_the_Dispute_over_the_Rights_of_the_Hungarian_Minority_in_Ukraine (дата обращения: 09.09.2024).

⁵⁶⁵ Hungary Supports Ukraine's EU Membership // Cabinet Office of the Prime Minister. 25.11.2016. URL: <https://2015-2022.miniszterelnok.hu/hungary-supports-ukraines-eu-membership/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵⁶⁶ H/17379 A jogtípró ukrán oktatási törvény elítéléséről és az ellene való fellépésről. Az Országgyűlés Törvényalkotási bizottsága. URL: https://www.parlament.hu/documents/129291/1377022/H17379_1/3dd55ec0-896a-4277-ac47-88dc62408fe0 (дата обращения: 09.09.2024).

открыто говорил, что «путь украинской евроинтеграции лежит через Венгрию», и она будет продолжать блокировать этот процесс «до тех пор, пока Украина не отзовет оскорбительные статьи Закона “Об образовании”»⁵⁶⁷. Более того, в декабре 2017 г. МИД Венгрии наложил вето на проведение заседания комиссии НАТО – Украина, указав, что страна не может поддерживать и помогать дальнейшей интеграции Украины в Североатлантический альянс до отмены ст. 7 одобренного Закона. Наступление на право венгров пользоваться родным языком усилилось в связи с принятием весной 2019 г. Закона «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», который подразумевал его обязательное использование в сфере образования, науки, трудовых отношений, в СМИ и т.д. Несомненно, венгерский МИД выступил с осуждением и этого решения: «Одобренный закон свидетельствует о менталитете действующего президента П. А. Порошенко, который проводит антивенгерскую политику»⁵⁶⁸.

Впрочем, венгерские власти не оставляли попыток урегулировать волнующий их вопрос. В этой связи они изначально возлагали большие надежды на нового президента Украины В. А. Зеленского, который вступил в должность в мае 2019 г.⁵⁶⁹ Оценивая с «осторожным оптимизмом» начатые там реформы, они рассчитывали на возвращение ограниченных прав для венгерской общины. В обмен венгерская сторона обещала дать согласие на созыв заблокированного заседания комиссии НАТО – Украина и предоставить Киеву обширный план экономической помощи, включавший выделение средств на строительства дорог в Закарпатье и иные

⁵⁶⁷ It Isn't the Ukrainian Government's Place to Decide What Is Good for Transcarpathia Hungarians // Government of Hungary. 13.07.2017. URL: <https://2015-2019.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/it-isn-t-the-ukrainian-government-s-place-to-decide-what-is-good-for-transcarpathia-hungarians> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁶⁸ The Ukrainian Language Act Is Unacceptable; It Is indicative of Poroshenko's Mentality // Government of Hungary. 26.04.2019. URL: <https://2015-2019.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/the-ukrainian-language-act-is-unacceptable-it-is-indicative-of-poroshenko-s-mentality> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵⁶⁹ Szabó B., Sztás P. V4 Relations with Ukraine // Danube Institute. 28.07.2023. URL: <https://danubeinstitute.hu/en/research/v4-relations-with-ukraine> (дата обращения: 09.09.2024).

меры финансовой помощи⁵⁷⁰. В ходе встречи венгерского президента Яноша Адера с его украинским коллегой в конце мая 2019 г. оба политика выразили надежду на «выравнивание» отношений. Была озвучена идея создания совместного комитета, который бы стал местом обсуждения и решения наиболее злободневных и волнующих стороны вопросов⁵⁷¹.

Однако больших перемен в политике Киева до 2022 г. не произошло. Будапешт продолжал блокировать переговоры по евро-атлантическому будущему Украины. Временами венгры предлагали возможные варианты изменения подхода к венгерскому меньшинству, однако их проекты оставались без внимания и полностью игнорировались партнерами из Украины⁵⁷².

Что касается российского направления внешней политики Венгрии, то центральноевропейские и украинские политологи полагали, что после 2014 г. стал очевиден совершенный правительством В. Орбана «поворот в сторону Кремля». Среди доводов приводились следующие факты. Во-первых, в венгерских СМИ, аффилированных с правительством, не проводились явные прямые аналогии между событиями на Украине и подавлением венгерского восстания 1956 г., хотя такие сравнения озвучивались за пределами страны: члены правительства делали их на международных мероприятиях, например, в рамках встреч В4. Такой подход позволял одновременно находиться в общеевропейском русле солидарности с Украиной и демонстрировать местному избирателю дружественный подход к России. Во-вторых, в это время заметно усилилось торгово-экономическое венгерско-российское сотрудничество, прежде всего в энергетической

⁵⁷⁰ Hungary Will Suggest Normalisation of Relations to New Ukrainian Leadership // Government of Hungary. 03.07.2019. URL: <https://2015-2019.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/hungary-will-suggest-normalisation-of-relations-to-new-ukrainian-leadership> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁷¹ President of Ukraine Volodymyr Zelenskyy and President of Hungary János Áder discussed Cooperation of the Two Countries in the Continuation of the International Pressure on Russia // President of Ukraine. 20.05.2019. URL: <https://www.president.gov.ua/en/news/prezident-ukrayini-volodimir-zelenskij-i-prezident-ugorshini-55525> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁷² Hungary Puts Forward Solution to Situation of Hungarian-Language Education in Ukraine // Government of Hungary. 07.02.2020. URL: <https://2015-2019.kormany.hu/en/ministry-of-foreign-affairs-and-trade/news/hungary-puts-forward-solution-to-situation-of-hungarian-language-education-in-ukraine> (дата обращения: 02.09.2024).

сфере. Например, в январе 2014 г. между российским промышленным гигантом «Росатом» и венгерским правительством было подписано соглашение о расширении существующей АЭС «Пакш». Ранее кабмин присвоил проекту высокий уровень приоритетности для национальной экономики. Также в центре внимания двух стран находились вопросы, касающиеся газовых поставок, от которых Будапешт был предельно зависим. В 2021 г. российский «Газпром» и венгерская энергетическая компания MVM SEEnergy подписали новый долгосрочный контракт на поставки голубого топлива на 15 лет⁵⁷³. В-третьих, политический диалог между двумя странами достиг недостижимого для других европейских стран уровня, что подтверждали неизменные двусторонние встречи между премьером Орбаном и президентом Путиным⁵⁷⁴. Важным событием стала трехсторонняя встреча между лидерами Венгрии, России и Соединенных Штатов – В. Орбаном, В. В. Путиным и Д. Трампом (13 мая 2019 г.) Украинский эксперт А. В. Лукашенко безосновательно предполагал, что в ходе встречи шла речь о формировании венгерско-российской коалиции для решения украинского вопроса⁵⁷⁵.

Таким образом, в научной литературе и особенно в западных СМИ на основе этих фактов массово распространялось представление о В. Орбане как о «троянском коне» в ЕС, который использовался Кремлем не только для затягивания процесса принятия санкций, но и для выявления внутренних разногласий и слабостей стран – участниц ЕС⁵⁷⁶. Некоторые радикальные либеральные эксперты даже полагали, что за стремлением Будапешта защитить интересы соотечественников в Закарпатье скрывалось намерение служить России

⁵⁷³ «Газпром» подписал долгосрочное соглашение на поставку газа в Венгрию // РБК. 27.09.2021. URL: <https://www.rbc.ru/business/27/09/2021/6151be009a79473b5baedc54?ysclid=m06qfzl5ue996806346> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁷⁴ С 2013 по 2020 гг. они встречались ежегодно.

⁵⁷⁵ Лукашенко А.В., Конопка Н.О. Українсько-угорські відносини в контексті євроатлантичної інтеграції України // Міжнародні відносини. 2020. № 5. С. 155.

⁵⁷⁶ Kopper A., Szalai A., Góra M. Populist Foreign Policy in Central and Eastern Europe: Poland and Hungary and the Shock of the Ukraine Crisis // Populist Foreign Policy. Regional Perspectives of Populism in the International Scene. Ed. by Ph. Giurlando, D.F. Wajner. Palgrave Macmillan Cham, 2023. P. 89–117. DOI: 10.1007/978-3-031-22773-8

и реализовывать ее планы по недопущению Украины в ЕС и НАТО⁵⁷⁷.

Однако официальная политика Будапешта в отношении России хорошо интерпретировалась в контексте внешнеполитического курса, который был выбран В. Орбаном в начале 2010-х гг. Тогда венгерская дипломатия, запустив курс на «Открытие на Восток», решительно обратилась к удовлетворению внешнеэкономических запросов государства, подчеркивая их утилитарность и принижая ценностные характеристики. Экономическая значимость тех или иных политических контактов стала перевешивать политико-идеологические соображения, которые в предшествующее время, особенно на фоне вступления в ЕС и НАТО, были в приоритете. В этой связи, неудивительно, что негативная реакция Запада на хорошие отношения Венгрии с Россией не вызывала серьезной озабоченности в Будапеште, поскольку они встраивались в общую внешнеполитическую линию страны. Как отмечал политолог Андраш Деак, венгерская дипломатия на российском направлении формировалась по принципу «Венгрия прежде всего», где национальные интересы определялись на основе узко утилитарной логики⁵⁷⁸. Что касается отношений с Брюсселем, то, несмотря на заявления об упадке Запада и призывы выстраивать прагматичные отношения с Москвой, политик всегда поддерживал европейскую коллективную позицию по введению антироссийских санкций. Венгерские ученые Петер Креко и Жолт Энъеди полагали: «Модель внешней политики Орбана заключается в том, чтобы балансировать между извлечением максимальной выгоды от членства в ЕС и получением поддержки со стороны российских, китайских, турецких и азербайджанских партнеров»⁵⁷⁹. В то же время Л. Н. Шишелина закономерно указывала на то, что «стратегическим направлением [венгерской. – *Примеч. авт.*] внешней политики остается

⁵⁷⁷ Hungary Pressured by Diplomats to Stop Blocking NATO–Ukraine Talks // Direkt36. 13.02.2020. URL: <https://www.direkt36.hu/en/bement-egy-tucat-diplomata-a-magyar-kulugybe-feszult-vita-lett-belole-ukrajna-miatt/> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁷⁸ Deak A., Bartha D., Lederer S. A Difficult Detachment – Hungarian Energy Policy with Russia after 2014 // Kremlin’s Energy Policy as a Channel of Influence. A Comparative Assessment. Case Studies from Ukraine, Moldova, Georgia, Romania and Hungary. Expert Forum, 2019. P. 68–81. URL: https://weg.ge/sites/default/files/ned-report_cover.pdf (дата обращения: 19.02.2025).

⁵⁷⁹ Krekó P., Enyedi Z. Explaining Eastern Europe: Orbán’s Laboratory of Illiberalism // Journal of Democracy. 2018. No. 3 (29). P. 49.

евро-атлантическая лояльность»⁵⁸⁰.

Впрочем, нельзя считать политику Венгрии в отношении Украины после 2017 г. исключительно антиукраинской или абсолютно пророссийской. Внешняя политика была результатом соединения *ad hoc* тактических решений и прагматизма, который сочетался с большой гибкостью. В этой связи неудивительно, что в тех областях, где Будапешту было удобно, он шел навстречу Киеву: наращивал экономическое сотрудничество, оказывал помощь в подготовке украинской армии, обеспечивал реверсные поставки газа на Украину, способствовал увеличению железнодорожных контейнерных перевозок между Китаем и ЕС и т.д. В то же время вполне в логике венгерских властей была критика российских коллег тогда, когда ставилась под угрозу экономическая безопасность страны, например, из-за строительства газопровода «Северный поток – 2»⁵⁸¹; или когда уже нарочито демонстрировалось отклонение Венгрии от европейской солидарности и требовался консенсус между странами – участницами ЕС.

СЛОВАКИЯ. События на Майдане в 2013–2014 гг. и начало вооруженного конфликта на востоке Украины не привели к пересмотру позиции словацкого правительства к Москве и Киеву. Местные власти продолжили проводить т.н. политику наложения, которая, с одной стороны, сочетала партнерские отношения с Россией из-за прагматических соображений, с другой – сопровождалась громкими заявлениями о всеобъемлющей поддержке Украины в ее стремлении вступить в ЕС и официальным одобрением всех антироссийских санкций. В то же время в публичном дискурсе ясно звучала критика подобных ограничений. Ключевым обвинителем брюссельской политики являлся премьер Роберт Фицо, который, по словам политолога Александра Дулебы, стал одним из наиболее заметных лидеров стран – участниц ЕС⁵⁸², последовательно выступавший против введения режима экономических санкций в отношении России. Более того, он обвинял институты ЕС в провоцировании

⁵⁸⁰ Шишелина Л.Н. Три десятилетия новых российско-венгерских отношений // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 6.

⁵⁸¹ EU Leaders Sign Letter Objecting to Nord Stream-2 Gas Link // Reuters. 16.03.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/business/eu-leaders-sign-letter-objecting-to-nord-stream-2-gas-link-idUSKCN0WI1YU/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵⁸² Cross-Border Cooperation... P. 38.

кризиса, связывая его начало с неграмотной политикой Брюсселя в Восточной Европе. Также Фицо продвигал тезис об украинском кризисе как геополитическом столкновении Соединенных Штатов с Россией⁵⁸³.

Впрочем, за эмоциональными заявлениями премьера действия правительства и других конституционных представителей власти свидетельствовали о глубокой вовлеченности Словакии в украинский кризис на стороне сил, которые выступали за европейскую судьбу Киева. Прежде всего, отметим, что кабмин Р. Фицо, начиная с апреля 2014 г., одобрил все антироссийские санкции без исключения. Более того, Словакия стала первой европейской страной, которая подписала с Украиной соглашение о реверсных поставках природного газа (апрель 2014 г.) после повышения Россией цен на него и отказа Киева закупать газ по увеличенной ставке. Благодаря договоренности по использованию альтернативного маршрута поставки голубого топлива, Украина смогла относительно благополучно пережить зиму 2014–2015 гг. Министр иностранных дел Словакии Мирослав Лайчак говорил: «Мы помогли Киеву сэкономить около 0,5 млрд евро... готовы продолжать оказывать помощь и далее. В ЕС никто не помог Украине так, как сделала это Словакия»⁵⁸⁴. Словацкие дипломаты также выступали в поддержку Киева на международных площадках. Они стали соавторами резолюций ООН в 2014 г. о «Территориальной целостности Украины»⁵⁸⁵ и о «Ситуации с правами человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе» в 2016 г.⁵⁸⁶ На региональном – центрально-европейском – уровне словаки в рамках своего председательства в Вишеградской группе (июль 2014 – июнь 2015 гг.) выступили

⁵⁸³ Fico: Konflikt na Ukrajine je bojom Ruska s Amerikou // SME Domov. 04.09.2014. URL: <https://domov.sme.sk/c/7366800/fico-konflikt-na-ukrajine-je-bojom-ruska-s-amerikou.html> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵⁸⁴ Lajčák: Nikto v EÚ nepomohol Ukrajine tak, ako Slovensko // SME. 21.02.2015. URL: <https://domov.sme.sk/c/7659080/lajcak-nikto-v-eu-nepomohol-ukrajine-tak-ako-slovensko.html> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁸⁵ Territorial Integrity of Ukraine: Resolution Adopted by the General Assembly // UN. 27.03.2014. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/767883?ln=ru&v=pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁸⁶ 71/205. Situation of Human Rights in the Autonomous Republic of Crimea and the City of Sevastopol (Ukraine) // UN. 16.12.2016. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n16/455/74/pdf/n1645574.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

с инициативой по разделению ролей в поддержке реформирования Украины между странами – участницами «четверки»⁵⁸⁷.

Примечательно, что за исключением Р. Фицо все остальные видные государственные деятели или открыто выступали в поддержку Украины, или же сохраняли неловкое молчание. Например, президент страны Иван Гашпарович стал первым словацким официальным лицом, который публично заявил, что ЕС должен ответить на российские действия, предложив Украине четкую перспективу членства в объединении⁵⁸⁸. М. Лайчак, подчеркивая необходимость поиска дипломатического решения кризиса, отмечал важность дальнейшего углубления программы ВП через начало обсуждения перспектив членства в ЕС для ее участников. Пришедший на смену Гашпаровичу летом 2014 г. Андрей Киска стал главным сторонником евро-атлантического будущего Украины и приобрел реноме ярого противника России. Последнее обстоятельство заметно отличало его от предшественников, стремившихся сохранить нейтралитет. Он говорил: «Словакия всегда будет рядом с вами. Политики Словакии – самые большие защитники того направления, которое выбрала [Украина. – *Примеч. авт.*]... ее цель оказаться в центре демократической Европы»⁵⁸⁹. Зузана Чапутова, сменившая А. Киску в 2019 г. на посту главы государства, также сделала многое для углубления словацко-украинских отношений. Один из ее первых официальных визитов состоялся на Украину, где она провела переговоры с В. А. Зеленским. Символично, что уже в ходе ответного визита (23–24 сентября 2020 г.) в Братиславе последний сделал громкое заявление о желании услышать от европейских партнеров «четко

⁵⁸⁷ 71/205. Situation of Human Rights in the Autonomous Republic of Crimea and the City of Sevastopol (Ukraine) // UN. 16.12.2016. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n16/455/74/pdf/n1645574.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁸⁸ Цит. по: Speech by the President of the Slovak Republic Ivan Gašparovič at the 15th Annual Review Conference of Slovakia's Foreign Policy organised by the Research Centre of the Slovak Foreign Policy Association. 24.03.2014 // Cross-Border Cooperation... P. 37.

⁵⁸⁹ Prezident Kiska vyslovil podporu Ukrajine pri jej smerovaní do EÚ // Aktuality.sk. 11.06.2017. URL: <https://www.aktuality.sk/clanok/496188/prezident-kiska-vyslovil-podporu-ukrajine-pri-jej-smerovani-do-eu/> (дата обращения: 02.09.2024).

сформулированную перспективу членства Украины в ЕС»⁵⁹⁰.

Несмотря на сильную ценностную составляющую словацко-украинских отношений, центральный элемент архитектуры двусторонних контактов сводился к энергетической тематике. Словаки, прежде всего, были заинтересованы в стабильном транзите газа через территорию Украины и поддержании газотранспортной инфраструктуры в рабочем состоянии. Получая значительные дивиденды от транспортировки газа в ЕС, Словакия, вне зависимости от находившихся во главе нее политиков, стремилась удержать статус ключевой транзитной страны. Даже не выражавший симпатий по отношению к России премьер Эдуард Хегер в 2021 г. говорил: «Словакия всегда была надежным транзитером российского газа на Запад, и мы, безусловно, заинтересованы в том, чтобы этот транзит оставался через Украину»⁵⁹¹. Второй вопрос по значимости между Братиславой и Киевом заключался в трансграничном сотрудничестве, которое сводилось не только к контролю за миграционными потоками, но и к созданию условий для развития приграничных регионов. Отмечалось, что словацкая периферия благодаря потокам с востока смогла нейтрализовать дисбаланс в человеческих ресурсах, вызванный переездом молодых людей в столицу или за пределы страны⁵⁹².

Что касается отношений с Россией, то премьер Фицо делал всё возможное для того, чтобы, с одной стороны, поддерживать отношения на прежнем уровне, не испортив их, с другой – защищать интересы Словакии, прежде всего в сфере энергетики, где зависимость страны от России была существенна. Например, руководствуясь целью исправить недопонимание, возникшее в Кремле после начала реверсных поставок на Украину, словацкий

⁵⁹⁰ Интерв'ю Президента України словацькому економічному виданню *Hospodárske noviny* // Президент України. 23.09.2020. URL: <https://www.president.gov.ua/news/intervyu-prezidenta-ukrayini-slovackomu-ekonomichnomu-vidann-63881> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁹¹ Slovak Prime Minister Eduard Heger: Slovakia is Staunch Supporter of Ukraine and Ukraine's European Aspirations // Interfax. 31.05.2021. URL: <https://interfax.com/newsroom/exclusive-interviews/71912/?ysclid=m0fmwfb4cz447705950> (дата обращения: 02.09.2024).

⁵⁹² *Lendel M.* Ukrainian-Slovak Relations Milestones in the Context of the EU-Ukraine Association Agreement // *Annales Scientia Politica*. 2021. No. 2. P. 50.

премьер решил сделать «что-то хорошее в адрес России»⁵⁹³. В этой связи вполне логично его решение принять приглашение посетить торжественные мероприятия, посвященные 70-летней годовщине Победы в Великой Отечественной войне в мае 2015 г.⁵⁹⁴ Уже в июне он совершил официальный визит в Москву, где провел переговоры с премьер-министром Д. А. Медведевым и президентом В. В. Путиным. Примечательно, что в центре дискуссии были вопросы, касающиеся нового проекта газопровода Eastring, предполагающего объединение словацкой газотранспортной системы с Турцией через Венгрию, Румынию и Болгарию. Личное представление этой инициативы перед российскими партнерами было мотивировано желанием Фицо не допустить прекращения/сокращения поставок газа в Словакию через Украину из-за еще планировавшегося тогда строительства газопровода «Северный поток –2»⁵⁹⁵. Однако попытка Фицо сбалансировать отношения с Россией и Украиной в области транзита газа не увенчалась успехом, поскольку в сентябре 2015 г. «Газпром» официально объявил о строительстве газопровода СП-2. Последний визит Р. Фицо в Москву в 2016 г. также преследовал цель получить гарантии от российской стороны в сохранении объемов поставок газа после ввода в эксплуатацию СП-2.

Говоря об особом отношении Р. Фицо с Россией на фоне украинского кризиса, важно иметь в виду внутривнутриполитический аспект его деятельности. Он предполагал постоянную ориентацию премьера на предпочтения избирателей возглавляемой им партии СМЕР-СД. Они традиционно благожелательно относились к России, разделяли евроскептические настроения и воспринимали военные евро-атлантические организации будущей угрозой для суверенитета страны, нежели амбиции России в Восточной Европе. После поражения на президентских выборах 2014 г., где победу одержал евроатлантист Киска, Фицо принял решение последовательно мобилизовать своих текущих и потенциальных сторонников через обращение к определенным фокусным темам, среди которых особые отношения

⁵⁹³ Cross-Border Cooperation... Р. 36.

⁵⁹⁴ Помимо него на этих торжествах из лидеров стран – участниц ЕС был еще чешский президент М. Земан.

⁵⁹⁵ Predseda vlády SR Robert Fico pracovne navštívil Moskvu // Úrad vlády Slovenskej republiky. 02.06.2015. URL: <https://www.vlada.gov.sk/predseda-vlady-sr-robert-fico-pracovne-navstivil-moskvu/> (дата обращения: 09.09.2024).

с Россией и нестандартный взгляд на украинский кризис играли не последнюю роль. Эксплуатация этой повестки, усиленная охранительными высказываниями на фоне миграционного кризиса 2015–2017 гг., способствовала победе его партии в 2016 г. В 2018 г. на фоне объединения оппозиции и организации ей массовых акций протеста, Р. Фицо под нажимом общественного мнения был вынужден покинуть свой пост⁵⁹⁶. В следующие два года, до весны 2020 г., его преемник Петер Пеллегрини продолжил проводить курс по реализации т.н. политики наложения в отношениях с Россией и Украиной. Однако на выборах 2020 г. в атмосфере гражданской поляризации победу одержала оппозиция во главе с Игорем Матовичем. Примечательно, что несмотря на внешний евро-атлантизм ее участников, которые громко осуждали Москву и видели будущее Киева в ЕС, они поначалу не ставили под сомнение важность сохранения доброжелательных отношений с Россией как в вопросе энергетики, так и в других сферах (в этой связи показательна история с закупкой российской вакцины Sputnik V)⁵⁹⁷. После отставки Матовича весной 2021 г. и формирования кабинета министров под руководством Э. Хегера происходит закрепление общей антироссийской позиции, исключение из повестки вопросов, которые раньше создавали диссонанс между официальной позицией страны и реальными действиями.

Словакия, стремясь заявить о себе на международном, европейском и региональном уровнях, делала многое для того, чтобы продемонстрировать свое глубокое вовлечение в украинскую проблематику, используя имеющийся у Словакии ограниченный инструментарий. В то же время сырьевая зависимость от России в поставках энергоносителей (от которых она также получала значительные доходы) и широко распространенная среди местного населения симпатия по отношению к самому крупному славянскому государству толкала ее власти искать подходы к построению с прагматичных отношений с Россией. Отметим также, что в отличие от партнеров по В4, Словакия была единственной страной, которая не имела

⁵⁹⁶ Ведерников М.В. Политический кризис в Словакии 2018 г.: Отставка Р. Фицо и новый кабинет П. Пеллегрини // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 72–78. DOI: 10.15211/vestnikieran2201812

⁵⁹⁷ Ведерников М.В. Словакия и вакцина Sputnik V // Европейская аналитика 2021. М.: ИЕ РАН, 2021. С. 125–131. DOI: 10.15211/978-5-98163-178-8.12

сложной истории взаимоотношений ни с Россией, ни с Украиной, отчасти из-за относительно молодого возраста страны. Двусторонние отношения не были отягощены ни историческими конфликтами, ни цивилизационным противостоянием, ни нарушением суверенитета друг друга⁵⁹⁸. Впрочем, если до 2014 г. такой курс Словакии был объясним, то после начала украинского кризиса эксперты отмечали его явную противоречивость. Степень экспрессии варьировалась. Ведущий словацкий политолог, погруженный в украинскую тематику, Александр Дулеба говорил о «шизофренической природе словацкого публичного подхода к российско-украинскому конфликту» и о «двуликой политике Словакии» (янусоподобной)⁵⁹⁹. Украинский эксперт Мирослава Лендел считала, что Братислава одновременно «стремилась найти сбалансированный подход для противостояния ревизионистской политике Кремля; помогала Украине; поддерживала региональную безопасность; продвигала собственные интересы»⁶⁰⁰.

Однако, несмотря на парадоксальность словацкого примера, отметим, что деятельность правительств на украинском треке была более эффективной, чем на российском, где с каждым годом, за исключением энергетического диалога, все другие направления приходили в упадок. При наличии разных оценок усилий Кремля наладить двусторонний диалог со Словакией всё же стоит полагать, что официальная Братислава не желала отстраняться от заданной несколькими десятилетиями ранее траектории движения. Несомненно, для нее куда важнее было продолжать придерживаться своего образа «отличника ЕС», что прежде всего говорило о приоритетности для нее европейского пути развития, успех на котором был возможен только при поддержании внутривлоковой солидарности.

⁵⁹⁸ Важно отметить, что словаки, в отличие от чехов – своих бывших соотечественников, не воспринимали остро события, связанные с вводом войск ОВД в Чехословакию в августе 1968 г. Об этом наглядно свидетельствуют данные соцопросов, по итогам которых выяснялось, что наиболее благоприятным периодом в истории словацкого народа был период «нормализации» (1970–1980-е гг.), т.е. время, которое чехи воспринимали как период нарушенного суверенитета. См. подробнее: *Коровицына Н.В.* Как живут центральноевропейцы после «бархатных» революций. Поляки, чехи, словаки. М.: ИЕ РАН, 2019. С. 236. DOI: 10.15211/978-5-98163-136-8

⁵⁹⁹ Cross-Border Cooperation... Р. 40, 42.

⁶⁰⁰ *Lendel M.* Op. cit. Р. 46.

После начала СВО в 2022 г. страны – участницы В4 оказались среди наиболее активных сторонников Киева и инициаторов анти-российской санкционной политики ЕС. Рассмотрение трех десятилетий российско-центральноевропейских отношений свидетельствует о незавершенности процесса принятия друг друга и колебаниях в отношениях с Россией, восприятие которой за три десятилетия кардинально менялось: от ключевого партнера до злейшего врага. Что касается роли Украины в российско-центральноевропейском уравнении, то ее неизбежное включение в него, вело к деградации связей с Россией из-за получивших распространение паттернов восприятия Киева и Москвы. Несмотря на прошедшее время после развала соцблока, они не были изжиты и наоборот усугубились. Характерно также, что плодотворное сотрудничество с Кремлем не рассматривалось в качестве ценного капитала и страны ЦЕ были готовы легко им поступиться для реализации своих стратегических целей. К последним относилось членство в евро-атлантических структурах и получение за счет него сопутствующих выгод. Примечательно, что после 2004 г. Украина стала рассматриваться в качестве объекта для приложения усилий по закреплению и усилению позиций центральноевропейских государств в ЕС. Между тем внутривнутриполитические проблемы Киева и его сближение с Москвой отдаляли в какой-то момент Украину от стран В4, обратные тенденции, напротив, вели к сопряжению позиций. Вовлеченность в украинские дела до 2013 г. ограничивалась громкими заявлениями, которые не имели фактического воплощения. В то же время важно отметить, что эпизоды прагматичного сотрудничества между странами В4 и Россией, которые всё же были, отчасти исходили из общеевропейского курса и стремления адаптироваться к нему (Польша, Чехия), или обуславливались критической зависимостью от российских нефти, газа и ядерного топлива (Венгрия, Словакия). После же 2014 г. при наличии шероховатостей происходит унификация центральноевропейского курса, который закрепил за Россией образ экзистенциальной угрозы, а за Украиной – жертвы. Прагматичный подход со стороны ЦЕ к Москве, который прослеживался у отдельных политиков и правительств, поддерживался логикой торгово-экономической целесообразности, хотя и критиковался со

стороны леволиберальных политиков. После же 2022 г. страны В4 стали руководствоваться логикой войны, которая подразумевала использование всех инструментов для нанесения максимального урона оппоненту. Таким образом украинский фактор сыграл разрушительную роль в российско-центральноевропейских отношениях. Очевидно, что в дальнейшем без разрешения украинского вопроса отсутствуют перспективы восстановления отношений РФ с ЦЕ.

Заключение

Прошедшие с начала СВО три года зафиксировали заметные изменения в положении Центральной Европы на геополитической карте мира. Начало «горячей» фазы восточноевропейского конфликта предоставило местным политикам возможность повысить значение пространства между Берлином и Москвой. Насколько это у них получилось покажет время, однако сегодня можно точно сказать о совершенной попытке, которая будет оказывать влияние на последующие международные процессы. Следует говорить о концептуальной трансформации региона, усложнении региональных связей, усилении внешнего фактора и подтверждении значимости России как «формирующего другого».

С момента начала научного осмысления концепции Центральной Европы европейские ученые не могли прийти к общему мнению о ее границах, населяющих ее народах и культурно-исторических особенностях. В то же время глубокая увлеченность этим вопросом свидетельствовала о мощном потенциале пространства. Примечательно, что рассуждения о перспективах ЦЕ поднимались преимущественно в переломные моменты истории Европы (на Венском конгрессе 1815 г., накануне «весны народов» 1848 г., перед Первой и Второй мировыми войнами, на фоне кризиса социалистической системы, после старта российско-украинского кризиса в 2014 г.), в то время как стабильные годы вели к угасанию этой идеи. Несомненно, что в 2022 г. центральноевропейская идея получила толчок для концептуального развития. Одним из поворотных моментов стало то, что в самой ЦЕ, в странах Запада и на Украине заговорили о последней как неотъемлемой части центральноевропейского пространства. Хотя у такого подхода сразу же возникло много скептиков, показателен тот факт, что ключевым атрибутом причисления к ЦЕ стало противостояние России, в котором задолго до этого также «преуспели» поляки, венгры и чехи. Таким образом подтверждались непреходящие на протяжении многих исторических

эпох свойства данного пространства: нестабильность его границ, поступательное движение на Восток и наступательный характер по отношению к России.

В предшествующие российско-украинскому конфликту годы и уже после его начала в 2022 г. ЦЕ пережила настоящий бум зарождения новых региональных структур (ИТМ, Б9, Славковский формат, Люблинский треугольник, Central 5), направленных на усиление центральноевропейского сотрудничества и выведения его качества на новый уровень. Возникнув под влиянием новых европейских вызовов и продемонстрированной эффективности В4 на фоне миграционного кризиса 2015 г., эти структуры, возможно, бы впоследствии канули в Лету, решив поставленную перед ними в начале задачу, однако 2022 год предоставил пространство для развертывания их работы и переформатирования моделей сотрудничества. В рамках исследования была рассмотрена деятельность трех наиболее значимых структур: В4, ИТМ и Б9. Примечательно, что все изученные объединения работали по схожему принципу: их активность была минимально институционализирована и базировалась на проведении т.н. саммитовой дипломатии при наличии спланированной повестки. В этой связи неудивительно, что после начала СВО взаимодействие внутри В4 было максимально затруднено из-за особой позиции Венгрии (а затем Словакии), отказывавшейся поставлять ВиВТ на Украину, в то время как ИТМ и Б9, где роль Будапешта была слабее и позиция лидера негласно принадлежала Варшаве, наоборот возрастала. Также их возвышение на региональном уровне было обосновано высокой актуальностью тем, которые находились в основе их сотрудничества, а именно транспортно-логистическая инфраструктура и сфера обороны и безопасности. Но, что более важно, за это время меняется функционально-ценностное наполнение пространства. Если на момент появления В4 в начале 1990-х гг. оно наделялось задачей сначала культивирования внутри себя, а затем распространения после вступления в ЕС и НАТО демократии, прав человека и основ рыночной экономики в восточноевропейский и западнобалканский регионы, то в 2020-е гг. происходит смещение задач в сторону военно-политического сотрудничества с ними. Как бы это не было громко сказано, но происходит милитаризация центральноевропейского пространства через создание соответствующих нарративов.

Подобная трансформация активно поддерживалась внешними акторами, прежде всего Соединенными Штатами и Британией. Впрочем, выдающийся российский американист С.М. Рогов напоминал, что «представление о единстве англосаксов достаточно спорное»⁶⁰¹. Если в кратко- и среднесрочной перспективе их планы совпадали, то на более длинной дистанции они исходили из разных приоритетов. В контексте российско-украинского противостояния Вашингтон и Лондон увидели в ЦЕ центр силы, готовый открыто и решительно выступить против Москвы, всецело поддержав Киев в момент колебания первых дней со стороны Берлина и Парижа. В этой связи они сходились в важности усиления восточного фланга НАТО и укреплении связности данного пространства, которое оказалось на передовой поддержки Украины. Впрочем, Британия в течение всего конфликта придерживалась наиболее жесткой позиции по отношению к его результатам. Стремясь не допустить максимального усиления России на континенте, она работала на обострение российско-украинского противостояния в моменты, когда он мог прийти к завершению. В этой связи к третьему году его развития акцент Лондона в углублении отношений был сделан на Польшу и страны Балтии, находившихся на непримиримых позициях по борьбе с Кремлем. В то же время США, как бы это не показалось абсурдным, занимали менее воинственную позицию, стремясь использовать момент для усиления своих позиций в государствах ЦЕ с целью сформировать альтернативный блок в рамках ЕС. В этой связи неудивительно, что контакты Соединенных Штатов с регионом строились как в рамках двусторонних контактов, так и на уровне многосторонних региональных организаций (ИТМ, Б9), работу которых Вашингтон активно поддерживал. Последний рассматривал российско-украинский конфликт как инструмент истощения Кремля, противостояние с которым было ему интересно с точки зрения ослабления позиций Китая – ключевого соперника Соединенных Штатов в XXI в. В рамки этой логики встраивалась деятельность по проникновению американского энергетического бизнеса с целью отторжения государств ЦЕ от российских энергоресурсов, состав-

⁶⁰¹ *Рогов С.М.* О военных угрозах России от Речи Посполитой до НАТО // РСМД. 05.07.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-voennykh-ugrozakh-rossii-ot-rechi-pospolitoy-do-nato/?ysclid=m8sp0puzv7890985980> (дата обращения: 28.03.2025).

ляющих значительную часть бюджета РФ. Этот курс, но в более открытом виде, был продолжен уже администрацией Дональда Трампа, который демонстрировал прагматичный подход к конфликту и готовность к диалогу с Кремлем.

Важным элементом центральноевропейской мозаики продолжала оставаться Россия. История взаимоотношений за прошедшие три десятилетия была нестабильной и колебалась от реальной готовности начать отношения с чистого листа, забыв об исторических обидах, до неприкрытой вражды, которая проявилась во время СВО. Примечательно, что за тридцать минувших лет украинский фактор, проявлявшийся время от времени, оказывал мощное воздействие на динамику российско-центральноевропейских отношений. Затухание интереса к Киеву со стороны ЦЕ вело к усилению контактов с Москвой, и наоборот. В то же время центральноевропейцы, как показали события, были всегда готовы пойти навстречу европейским устремлениям украинцев, поставив под угрозу прагматичный диалог с Кремлем. Таким образом, отношения с Россией для них никогда не являлись достаточно ценными, и они были готовы ими поступиться для реализации собственной и европейской повесток в отношении Украины. Украинский фактор оказывался для них определяющим, а российский – побочным, интерес к которому, прежде всего, поддерживался высокой зависимостью от энергоресурсов. На фоне стремления стран ЦЕ полностью отказаться от энергоресурсов, значение Москвы в их внешнеполитическом курсе будет плавно уменьшаться, что может привести как к усилению конфликтности, так и наоборот к выравниваю (стандартизации) отношений. Многое будет зависеть от внешних факторов, которые, как показала данная работа, традиционно играли серьезную роль в политическом развитии центральноевропейского региона.

Список сокращений

АЭС — атомная электростанция
Б9 — Бухарестская «девятка»
БМП — боевая машина пехоты
БТР — бронетранспортер
В4 — Вишеградская группа
ВБГ — Вишеградская боевая группа
ВВС — военно-воздушные силы
ВиВТ — вооружение и военная техника
ВП — Восточное партнерство
ВПК — военно-промышленный комплекс
ВСУ — Вооруженные силы Украины
ВЦЕ — Восточно-Центральная Европа
ГУУАМ/ГУАМ — Организация за демократию и экономическое развитие
ЕБРР — Европейский банк реконструкции и развития
ЕИБ — Европейский инвестиционный банк
ЕК — Европейская комиссия
ЕС — Европейский союз
ИЕ РАН — Институт Европы Российской академии наук
ИМЭМО РАН — Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук
ИТМ — Инициатива трех морей
МСП — малое и среднее предпринимательство
НАТО — Организация Североатлантического договора
ООН — Организация Объединенных Наций
ОПР — официальная помощь в целях развития
ПВО — противовоздушная оборона

ПиС — партия «Право и справедливость»
ПРО — противоракетная оборона
РСМД — Российский совет по международным делам
РФ — Российская Федерация
СВО — специальная военная операция
СП-2 — Северный поток – 2
САУ — самоходная артиллерийская установка
СНГ — Содружество Независимых Государств
СПГ — сжиженный природный газ
США — Соединенные Штаты Америки
ТЭЦ — теплоэлектроцентраль
УПА — Украинская повстанческая армия
ЦВЕ — Центральная и Восточная Европа
ЦЕ — Центральная Европа
ЦУР — цели устойчивого развития

Список избранной литературы

Adamski L. Poland's Policy towards Ukraine // Yearbook of Polish Foreign Policy. 2010. No. 1. P. 147–161.

Agenda for Czech Foreign Policy 2017. Ed. by V. Dostál, T. Jermanová. Prague: Association for International Affairs, 2018.

Bába I. Central Europe within the European Union // Central European Papers. 2021. No. 1. P. 35–53.

Beneš V. Evropský rozměr české zahraniční politiky // Česká zahraniční politika v roce 2014: Analýza ÚMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2015. S. 57–83.

Borówka A. Three Seas Initiative Capabilities in Terms of Diversification of Natural Gas Supply Versus Russian Federation Foreign Policy – A Geopolitical Approach // Scientific Journal of the Military University of Land Forces. 2020. Vol. 52. No. 3 (197). P. 501–512. DOI: 10.5604/01.3001.0014.3922

Brix E., Busek E. Central Europe Revisited. Why Europe's Future Will Be Decided in the Region. London: Routledge, 2021.

Cibulková P. Státy východní dimenze Evropské politiky sousedství v české zahraniční politice // Česká zahraniční politika v roce 2011: analýza ÚMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2010. S. 187–204.

Cross-Border Cooperation between Slovakia and Ukraine. Vol. II: Impact of Intergovernmental Relations. Ed. by A. Duleba. Prešov: Institute of Political Science, Faculty of Arts, University of Prešov, 2019.

Csicsmann L. The Hungarian Foreign Policy and the Crisis of the Liberal International Order. Balancing between Global Powers and National Interest // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2020. № 3. С. 25–32.

Deak A., Bartha D., Lederer S. A Difficult Detachment – Hungarian Energy Policy with Russia after 2014 // Kremlin's Energy Policy as a Channel of Influence. A Comparative Assessment. Case Studies from Ukraine, Moldova, Georgia, Romania and Hungary. Expert Forum, 2019. P. 68–81.

Denaix M.A. Etude de geographie naturelle sur l'Europe centrale. Paris: Imprimerie de Didot le Jeune, 1833.

Dostál V. The Czech Republic and the Three Seas Initiative // The Three Seas Initiative. An Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches. Ed. by A. Orzelska-Stączek. P. 55–73. URL: <https://3si.politic.edu.pl/wp-content/uploads/2024/09/Three-Seas-Initiative-Research-Center.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

Dostál V., Strážay T., Végh Zs. The Perspective of the Czech Republic, Hungary, and Slovakia on the Three Seas Initiative // AMO. June 2021. URL: https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2021/06/AMO_The_Perspective_on_the_3SI.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

Duleba A. Bilaterálne vzťahy SR s Ukrajinou a prognóza ich vývoja v strednodobej perspektíve. Návrh stratégie rozvoja vzťahov s Ukrajinou. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 2021.

Dunay P. A külpolitika esélyei a hármás prioritás megvalósulása után // A magyarok bemenetele. Tagállamként a bővülő Európai Unióban. Ed. by I. Hegedűs. Budapest: Demokrácia Kutatások Magyar Központja Alapítvány, 2006. P. 381–412.

Fedinec C. Minority Politics and International Relations: The Case of the Ukrainian-Hungarian Joint Commission on National Minorities // Hungarian Journal of Minority Studies. 2022. No. 5. P. 31–49.

Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010. Poznań: Wydaw. nauk. UAM, 2011.

Fejes N., Miklós G. Effects of the New Ukrainian Education Law for the Visegrad Cooperation // Foreign Policy Review. 2017. Vol. 10. Budapest: Institute for Foreign Affairs and Trade. P. 121–145.

Hackmann J. Defending the “Good Name” of the Polish Nation: Politics of History as a Battlefield in Poland, 2015–18 // Journal of Genocide Research. 2018. No. 4 (20). P. 587–606. DOI: 10.1080/14623528.2018.1528742

Halecki O. East Central Europe in Postwar Organization // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. The United Nations and the Future. 1943. Vol. 228. P. 52–59.

Halecki O. The Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe. Simon Publications, 1952.

Halecki O. The Historical Role of Central-Eastern Europe // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. A Challenge to Peacemakers. 1944. Vol. 232. P. 9–18.

Halecki O. The Limits and Divisions of European History. Sheed & Ward, 1952.

Hassel G. Vollständiges Handbuch der neuesten Erdbeschreibung. Weimar, 1819.

Hodža M. Federation in Central Europe. Reflections and Reminiscences. London, 1942.

Hroch M. Střední Evropa: od reality k mýtu a zpět // Střední Evropa na cestě od minulosti k budoucnosti. Ed. by A. Doležalová. Prague: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2014.

Hvíždala K. Východní střední Evropa jako fenomén (East Central Europe as a phenomenon) // Střední Evropa na cestě od minulosti k budoucnosti. Ed. by A. Doležalová. Prague: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2014. P. 9–16.

Jančovič P. Territorial Allocation of the Visegrad Group Countries' Bilateral Development Aid // Ekonomické, politické a právne otázky medzinárodných vzťahov 2023. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 2. a 3. júna 2023. Fakulta medzinárodných vzťahov, Ekonomická univerzita v Bratislave, 2023. S. 90–101.

Jaworski R. Ostmitteleuropa. Zur Tauglichkeit und Akzeptanz – eines historischen Hilfsbegriffs // Ostmitteleuropa/Westmitteleuropa. München, 1992. S. 37–45.

Kalishchuk O. Концепт Центральної Європи: історична ретроспектива та політична перспектива // Історичні і політологічні дослідження. 2019. № 1 (64). С. 70–77. DOI: 10.31558/2079-1828.2019.1.9

Kaminska J. Poland and EU Enlargement: Foreign Policy in Transformation. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

Karolak-Michalska M. Elita polityczna Polski wobec wyzwań Euromajdanu i kryzysu ukraińskiego w latach 2013–2014 // Przegląd Zachodni. 2018. № 4. S. 181–202.

Kopper A., Szalai A., Góra M. Populist Foreign Policy in Central and Eastern Europe: Poland and Hungary and the Shock of the Ukraine Crisis // Populist Foreign Policy. Regional Perspectives of Populism in the International Scene. Ed. by Ph. Giurlando, D.F. Wajner. Palgrave Macmillan Cham, 2023. P. 89–117. DOI: 10.1007/978-3-031-22773-8

Kowalczyk A. Polityka Polski wobec Ukrainy w 2014 roku – próba bilansu // Biuletyn Opinie FAE. No. 3. 10.02.2015. URL: <http://archiwum.fae.pl/biuletynopiniefaerpukraina2014.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

Krasnodębska M. Politics of Stigmatization Poland as a 'Latecomer'

in the European Union. Palgrave Macmillan, 2021.

Krekó P., Enyedi Z. Explaining Eastern Europe: Orbán's Laboratory of Illiberalism // *Journal of Democracy*. 2018. No. 3 (29). P. 39–51.

Křen J. Čtvrté století střední Evropy. Víšegradské země v globálním příběhu let 1992–2017. Praha: Karolinum, 2019.

Křen J. Dvě století střední Evropy. Praha: Argo, 2005.

Kuchyňková P. Rusko v české zahraniční politice // *Česká zahraniční politika v roce 2009: Analýza ÚMV*. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2010. S. 189–204.

Lendel M. Ukrainian-Slovak Relations Milestones in the Context of the EU-Ukraine Association Agreement // *Annales Scientia Politica*. 2021. No. 2. P. 44–53.

List F. The National System of Political Economy. London, New York, Bombay, and Calcutta: Longmans, 1909.

Menkiszak M., Piotrowski M.A. Polska polityka wschodnia // *Polityka zagraniczna RP 1989–2002*. Ed. by R. Kuźniar, K. Szczepanik. Warsaw: Askon, 2002. S. 214–275.

Mitrovits M. The Hungarian Reception of the Three Seas Initiative in Academic Publications // *The Three Seas Initiative. An Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches*. Ed. by A. Orzelska-Stączek. P. 85–109. URL: <https://3si.politic.edu.pl/wp-content/uploads/2024/09/Three-Seas-Initiative-Research-Center.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

Motyka G. Nieustający polsko-ukraiński spór o historię // *Sprawy Międzynarodowe*. 2018. № 1. S. 31–40.

Nagy D.A. Hungary towards the Three Seas Initiative // *The Three Seas Initiative before the Bucharest Summit 2023: The Perspective of Selected Participating Countries. Policy Papers 9*. Ed. by Ł. Lewkowicz. Lublin, 2023. P. 13–37. URL: https://ies.lublin.pl/wp-content/uploads/2023/06/ies_policy_papers_no_2023-009.pdf (дата обращения: 03.02.2025).

Najšlova L. Slovakia in the East: Pragmatic Follower, Occasional Leader // *Perspectives (Special Issue Identity and Solidarity in Foreign Policy: Investigating East Central European Relations with the Eastern Neighbourhood)*. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 101–122.

Nitzke A. Inicjatywa Trójmorza. Role – funkcje – kontrowersje z perspektywy teorii europeizacji // *Rocznik Integracji Europejskiej*. 2022. Vol. 16. P. 307–322. DOI: 10.14746/rie.2022.16.18

Nowak L. Eastern Europe, Central Europe, or East Central Europe?

Imagined Geography of the Region // *Eastern Journal of European Studies*. 2022. Vol. 13, Special Issue. P. 33–52. DOI: 10.47743/ejes-2022-SI03

Orzelska-Stączek A. Fundusz inwestycyjny inicjatywy Trójmorza: geneza i etapy rozwoju // *Studia Polityczne*. 2023. Vol. 51. No. 1. S. 133–149. DOI: 10.35757/STP.2023.51.1.06

Orzelska-Stączek A. The Three Seas Initiative as an Opportunity and a Challenge for Small States // *Small States within the European Union. Challenges – Dilemmas – Strategies*. Ed. by P. Bajda. Wydawnictwo Akademii Wymiaru Sprawiedliwości, 2024. P. 127–150. DOI: 10.4324/978100

Partsch J. Central Europe. London: William Heinemann, 1903.

Pastusiak L. Prezydent dobrych intencji. Polityka zagraniczna Baracka Obamy. Warszawa: Oficyna Wydawniczo-Poligraficzna “ADAM”, 2015.

Pavliuk O. Enlargement and Ukraine's Relations with Other Central and Eastern European Countries. Final Report June 2000.

Pavliuk O. Enlargement and Ukraine's Relations with Other Central and Eastern European Countries 1998–2000. NATO–EAPC Fellowship Final Report. June 2000. EastWest Institute, Kyiv Centre.

Rácz A. A Limited Priority: Hungary and the Eastern Neighbourhood // *Perspectives (Special Issue Identity and Solidarity in Foreign Policy: Investigating East Central European Relations with the Eastern Neighbourhood)*. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 143–165.

Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. München, Berlin, 1903.

Romaniuk A., Lytvyn V. Historical and Current Geopolitical Positioning of Ukraine: Is It Central or Eastern Europe? // *Politeja – Pismo Wydziału Studiów Międzynarodowych i Politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego*. 2018. No. 57. P. 149–167.

Ronai A. Atlas of Central Europe. Budapest: Society of St. Steven-Püski Publishing House, 1993.

Schmidt A. The Uncertain Revival of Central Europe – Central European Thought from a Hungarian Perspective // *Politics in Central Europe*. 2020. Vol. 16. No. 1S. P. 1–22. DOI: 10.2478/pce-2020-0001

Sienkiewicz M. Koncepcja Trójmorza w polityce zagranicznej polski po 2015 r. // *Dyplomacja i Bezpieczeństwo*. 2016. Vol. 1. No. 4. P. 139–151.

Sikorski R. Polska może być lepsza: Kulisy polskiej dyplomacji. Kraków: Znak Horyzont, 2018.

Sinnhuber K.A. Central Europe: Mitteleuropa: Europe Centrale: An

Analysis of a Geographical Term // Transactions and Papers (Institute of British Geographers). 1954. No. 20.

Šmihula D. Stredná Európa a spoločné zaujmy jej narodov // Mezinárodní vztahy. № 4. P. 62–77.

Song W., Li X. “Eastern Opening” Policy as Political Marketing: Populism and Hungary’s Relations with China under the Orbán Government // Problems of Post-Communism. 2024. P. 1–9. DOI: 10.1080/10758216.2024.2329878

Strážay T. Agenda Setter or Agenda Follower? Slovakia’s Perception of the 3SI and Other Regional Formats // The Three Seas Initiative. An Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches. Ed. by A. Orzelska-Stączek. P. 181–203. URL: <https://3si.politic.edu.pl/wp-content/uploads/2024/09/Three-Seas-Initiative-Research-Center.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

Szczepanik M. Between a Romantic ‘Mission in the East’ and Minimalism: Polish Policy Towards the Eastern Neighbourhood // Perspectives (Special Issue Identity and Solidarity in Foreign Policy: Investigating East Central European Relations with the Eastern Neighbourhood). 2011. Vol. 19. No. 2. P. 45–66.

Szeligowski D. Poland’s Policy towards Ukraine // Yearbook of Polish Foreign Policy 2011–2015. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2016. P. 209–223.

Szeligowski D. Poland’s Policy towards Ukraine // Yearbook of Polish Foreign Policy 2016. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2017. P. 134–145.

Tátrai P., Molnár J., Kovály K., Erőss Á. Changes in the Number of Hungarians in Transcarpathia Based on the Survey ‘SUMMA 2017’ // Hungarian Journal of Minority Studies. 2018. No. 1. P. 103–135.

Tulmets E. Státy východní dimenze Evropské politiky sousedství v české zahraniční politice // Česká zahraniční politika v roce 2009: analýza ÚMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2010. S. 204–219.

Ukielski P. Inicjatywa Trójmorza w polskiej polityce zagranicznej // Studia Europejskie – Studies in European Affairs. 2018. No. 2. P. 45–58.

Weiss T. Projecting the Re-Discovered: Czech Policy Towards Eastern Europe // Perspectives (Special Issue Identity and Solidarity in Foreign Policy: Investigating East Central European Relations with the Eastern Neighbourhood). 2011. Vol. 19. No. 2. P. 27–45.

Zahraniční politika České republiky 1993–2004. Úspěchy, problémy a

perspektivy. Ed. by O. Pick, V. Handl. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2004.

Zbińkowski G. The Three Seas Initiative and its Economic and Geopolitical Effect on the European Union and Central and Eastern Europe // Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe. 2019. Vol. 22. No. 2. P. 106–119. DOI: 10.2478/cer-2019-0015

Zieba R. Illiberalism and Nationalism in Poland's Politics // Politics and Security of Central and Eastern Europe. Contemporary Challenges. Ed. by R. Zieba. Springer, 2023. P. 83–117. DOI: 10.1007/978-3-031-16419-4_5

Zurawski vel Grajewski P. Polish-Ukrainian relations 1991–2002. Fundacja im. Stefana Batorego. URL: https://www.batory.org.pl/ftp/program/forum/eu_ukraine/polish_ukrainian_relations.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

Żurawski vel Grajewski P. Specyfika relacji polsko-ukraińskich po 2015 r. // Sprawy Międzynarodowe. 2018. № 1. S. 41–92.

Афонин А. Польские инициативы регионального форматирования Центрально-Восточной Европы. Конец XX – первая четверть XXI вв. // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2024. № 3. С. 22–38.

Балла Я. Вишеградская четверка объединяет // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 6–12.

Басов Ф.А. Вишеградская «четверка» и развитие европейской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 12. С. 87–95. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-87-95

Беспалов А.С. Польша и «оранжевая революция» на Украине // Россия и мир в новом веке. 2006. № 2 (51). С. 68–82.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.

Бибо И. Нищета духа малых восточноевропейских народов // ЭКО (экономика и организация промышленного производства). 1992. № 4. С. 39–82.

Бухарин Н.И. Россия – Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.

Вакарчук Д.О. Кризис энергодиалога Россия – ЕС: роль стран Центральной и Восточной Европы (2004–2009). М.: РГГУ, 2024.

Ведерников М.В. Словакия и вакцина Sputnik V // Европейская аналитика 2021. М.: ИЕ РАН, 2021. С. 125–131. DOI: 10.15211/978-5-

Ведерников М.В. Исторические предпосылки вишеградского политического стиля // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 78–87.

Ведерников М.В. Роль Чехии в развитии гражданского общества Беларуси // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 3. С. 54–61. DOI: 10.15211/vestnikieran320215461

Ведерников М.В. Политический кризис в Словакии 2018 г.: отставка Р. Фицо и новый кабинет П. Пеллегрини // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2. С. 72–78. DOI: 10.15211/vestnikieran2201812

Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Весь мир, 2010.

Волобуев В.В. Е. Гедройц и Ю. Меровский о формировании восточного направления внешней политики современной Польши // Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. С. 243–252.

Ворожеина Я.А., Курганский А.А. Генезис и эволюция польской геополитической концепции Междуморья // Современная Европа. 2023. № 1. С. 127–138. DOI: 10.31857/S0201708323010102

Гетман М.А. Криминализация коммунизма в политике памяти Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 80–88. DOI: 10.17223/19988613/67/11

Дергачев А. Украинско-российские отношения – европейский и евразийский контекст // Полис. Политические исследования. 2000. № 6. С. 110–121.

Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Новое вино в старые мехи // Россия в глобальной политике. 2023. № 5 (21). С. 178–190.

Жантовский М. Гавел. М.: РОССПЭН, 2021.

Звягина Д.А. Польско-украинские отношения: детерминанты прошлого, перспективы будущего // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 3. С. 142–154.

Исламов Т.М. Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 49–72.

Каганов Ю.О. Центрально-Східна Європа як історичний регіон: зміст та еволюція концепції // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2005. № XIX. С. 333–341.

Список избранной литературы

Коровицына Н.В. Как живут центральноевропейцы после «бархатных» революций. Поляки, чехи, словаки. М.: ИЕ РАН, 2019. DOI: 10.15211/978-5-98163-136-8

Кундера М. Трагедия Центральной Европы // Проблемы Восточной Европы. 1994. № 41–42. С. 66–87.

Левченко А.С., Гуцин А.В. Основные тенденции отношений Украины со странами Вишеградской группы в 1990-х – начале 2000-х гг. // Постсоветские исследования. 2022. № 3 (5). С. 240–251.

Левченко А.С. Концепция Балто-Черноморской дуги и украинская внешняя политика (1990-е – начало 2000-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2020. № 4. С. 89–108. DOI: 10.28995/2686 7648-2020-4-89-108

Лукашенко А.В., Конопка Н.О. Українсько-угорські відносини в контексті євроатлантичної інтеграції України // Міжнародні відносини. 2020. Вип. 5. С. 148–159.

Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: политическая жизнь современной Польши: монография. М.: ИНИОН РАН, 2015.

Лыкошина Л.С. Дональд Туск: Политический портрет. М.: ИНИОН РАН, 2013.

Маккиндер Х. Демократические идеалы и реальность // Географическая ось истории. М.: АСТ, 2021.

Мартонн Э. Центральная Европа. М.: Учпедгиз, 1938.

Миллер А.И. Авторитарный и тоталитарный опыт Центральной Европы // Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 73–90.

Миллер А.И. Об истории концепции «Центральная Европа» // Центральная Европа как исторический регион / отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1996. С. 4–25.

Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // НЛО. 2001. № 1. С. 75–96.

Михалев О.Ю. Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине // Современная Европа. 2022. № 5. С. 34–47.

Михалев О.Ю. Польско-американские отношения в период президентства Д. Трампа (2017–2020 гг.) // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы: сборник научных статей. Воронеж: Воронежский государственный университет. 2020.

С. 224–238.

Науманн Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa). Петроград: К-во «Огни», 1918.

Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022.

Отношения России и стран Вишеградской группы: испытание Украиной / под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: РСМД, 2015.

Офицеров-Бельский Д. Восточная политика Польши: концептуальные основы и практические аспекты // Россия и новые государства Евразии. 2023. № IV (LXI). С. 51–61. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-4-51-61

Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI в. / отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

Поляков Д.К. Центральная Европа как миф и модель в текстах Чеслава Милоша, Милана Кундеры и Данило Киша // Славяноведение. 2023. № 4. С. 91–108.

Пределы самостоятельности Вишеградской группы в ЕС / под ред. А.С. Четвериковой. М.: ИМЭМО РАН, 2022. DOI: 10.20542/978-5-9535-0606-9

Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М.: Институт славяноведения, 2005.

Самойловская Н.А. О перспективах хорватской инициативы «Балтика – Адриатика – Черное море» // Международная аналитика. 2017. № 4 (22). С. 37–44.

Свиридова М.В. Словакия – отличник Евросоюза? // Мир перемен. 2017. № 3. С. 174–186.

Скворцова Е.М. Сотрудничество Польши с Соединенными Штатами Америки в оборонной сфере: дис. ... канд. полит. наук. СПб, 2023.

Словински К. Историческая политика партии «Право и справедливость» // Современная Европа. 2020. № 1. С. 102–112. DOI: 10.15211/soveurope12020102112

Строгальщикова П.Б. Венгры за пределами Венгрии: национальные меньшинства, диаспора, часть венгерской нации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 2. С. 100–107.

Стрыхаж Д. (Не)постоянство восприятия: взгляды польской элиты на отношения с Россией в 2011–2020 годах // Вишеградская Европа.

Список избранной литературы

Центральноевропейский журнал. 2022. № 1. С. 35–49.

Тимошенко А.Г., Сероштанов К.В. Влияние специальной военной операции на Украине на развитие военно-промышленного комплекса государств Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 181–190. DOI: 10.17223/15617793/488/18

Топорнин Н.Б. Исторические и правовые особенности Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским союзом // Право и государство: теория и практика. 2019. № 2 (170). С. 101–105.

Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021.

Трофимов П.А. Динамика и специфика чешско-молдавских отношений в 1993–2021 гг. // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 4. С. 52–63. DOI: 10.15211/vestnikieran420235263

Трухачёв В.В. Россия, Орбан и другие хитросплетения венгерской политики // Перспективы: электронный журнал. 2022. № 1. С. 27–45. URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/739/1_2022_27_45.pdf?ysclid=m9sewsd5q5657435123 DOI: 10.32726/2411-3417-2022-1-27-45

Хорольская М.В. Участие Германии в «Инициативе трех морей»: перспективы для России // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 2. С. 83–97. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-2-6

Шишелина Л.Н. Договоры о дружбе и сотрудничестве между Россией и странами Центральной Европы: 30 лет спустя // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 5. С. 7–16. DOI: 10.15211/vestnikieran52022716

Шишелина Л.Н. Идея «Триморья»: от возникновения до сегодняшнего дня // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 5. С. 33–38. DOI: 10.15211/vestnikieran520183338

Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.

Шишелина Л.Н. Роль «Бухарестской девятки» на восточном фланге НАТО // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 2. С. 7–14. DOI: 10.15211/vestnikieran22023714

Шишелина Л.Н. Три десятилетия новых российско-венгерских отношений // Современная Европа. 2019. № 7 (93). С. 6–16.

Ян Э. Где находится Восточная Европа? // Мировая экономика и международные отношения. 1990. № 12. С. 67–78.

Об авторе

Ведерников Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН. С 2019 г. заместитель главного редактора «Научно-аналитического вестника Института Европы РАН». Доцент Института иностранных языков РУДН имени Патриса Лумумбы. Выпускник кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Специалист по истории Чехии и Словакии.

Научное издание

Ведерников Михаил Владимирович

ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ НА ФОНЕ КРИЗИСОВ XXI в.

Монография

Корректор *Королева А.М.*

Оригинал-макет *Ведерников М.В.*

Дизайн обложки *Дрозд И.Ю.*

Отпечатано в типографии «Строки»
(ИП Копыльцов П. И., ИНН 3665824412)

г. Воронеж, ул. Любы Шевцовой, 34.

+7 (995) 494-84-77

Подписано в печать 05.05.2025.

Формат 60×90 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 15.88

Тираж 500 экз. Заказ № 050525